

ЭВЕРЕСТ. ВОСХОЖДЕНИЕ БЕЗ ПРАВИЛ

Левсет Дарчев

Левсет Насурович Дарчев Эверест. Восхождение без правил

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69901285

SelfPub; 2023

Аннотация

Повесть о том, на что способен человек, если он поставил перед собой цель – взойти на Эверест. И он это сделал, несмотря на отсутствие должного опыта и гриппозное состояние. Главное здоровый дух и воля в достижении поставленной цели.

Содержание

Повести	6
Эверест Восхождение без правил	6
Перелёт	20
Хан-Тенгри	22
Обустройство лагеря	29
Второй выход	33
Пять дней перед штурмом	38
Особенности маршрута	45
Правила подготовки к восхождению на Эверест	56
На Эверест	65
Акклиматизация	74
Начало пути	80
Ахалтекинец для Президента	88
Пролог	89
Встреча с Усмановым	95
Злая ирония	102
Скачки на Приз Президента	107
День скачек	114
Совещание у Усманова	119
Ахалтекинец для Президента	123
Молчание орлов	125
Знает птица, что без Родины не годится	131

Злом за добро не воздавай	146
Наследник	155
Битва за урожай	159
Босс	165
Отступление	168
Сила воли	170
Рассказы	176
Смелость берёт города	176
Брошенный	210

Левсет Дарчев

Эверест. Восхождение без правил

Не перевелись в России храбрые люди с чистыми душами, любящие Родину и берегущие родную Природу. Судьбы их подчас складываются драматично, но те, кто верен Истине и держит слово, всегда побеждают!

Новые произведения известного российского писателя не оставят равнодушными читателей разных возрастов.

Повести

Эверест Восхождение без правил

Рашид утром выгнал машину и, барабаня пальцами по рулю, ждал семью, чтобы развести их по назначению – четверых детей в школу, а жену на работу. Когда все заняли места, он сморщил сердцевидное лицо, втянул воздух через прямой нос, закрыл карие глаза и, откинув голову назад, смачно и громко чихнул.

– Ты простудился, – сразу заметила жена Патимат. – Тебе нельзя на работу.

– Папа, ты так громко, даже машина затряслась, – сказал младший, десятилетний сын Гаджи. – Можно еще раз?

Рашид оставил замечания семьи без внимания. Все последние дни после отдыха на Эльбрусе все мысли были заняты Эверестом, вершиной Земли, которую он решил покорить любой ценой. На то у него была веская причина.

Рашид вместе с друзьями приехал в Приэльбрусье на родник «Джилы-Су». Они наслаждались прогулками по окрестностям и отдыхали на природе. Неизвестно откуда к ним подошел незнакомец плотного телосложения с горизонтально подчеркнутыми бровями и аккуратно подбритой щетиной на подбородке. Он вежливо поздоровался.

вался и спросил:

– Вы откуда, ребята?

Все удивленно оглянулись.

– Из Дагестана, – ответил Мурад, младший брат Рашида. Незнакомец еще раз оглянул всех и с укоризной произнес:

– Мне стыдно за вас.

– Что!?! – быстро среагировал Мурад и встал, сжав кулаки. Рашид удержал его от дальнейших действий. Незнакомец продолжал стоять с тем же выражением на лице.

– Я был на склоне горы и наблюдал за ним, – указал на Рашида, – когда он полез на вершину той скалы. Он не испугался, когда на отвесной скале наткнулся на гнездо, откуда выпорхнули огромные орлы, которые могли запросто заклевать его и сбросить с горы. Он полез туда и спустился как снежный барс. Я также пришел к выводу, что вы дагестанцы, и подумал о том, что среди вас до сих пор нет покорителя Эвереста. Почему? – он поочередно глянул в глаза всех членов застолья.

Мурад разжал кулаки и сел. Рашид сглотнул слюну и задумался, потом в поиске ответа остановил свой взгляд на глазах Махача.

– Я знаю, почему так получается, – сказал незнакомец. – Потому что никто из вас не спросил себя об этом. Мне обидно от этого как поклоннику ваших борцов, покоряющих весь мир. – Он развернулся, подставив свои широкие плечи под обескураженный взгляд дагестанцев, и ушел, даже не попр-

щавшись.

– Мужик, ты кто? – вдогонку спросил Мурад

– Узнаете только после того, как сделаете это, и я вас прославлю, – сказал он, не поворачиваясь, махнул рукой и исчез за поворотом.

За столом наступило молчание. Только через минуту Мурад нашел слова:

– Он прав. В самом деле, почему есть покорители вершин среди всех народов Кавказа, кроме дагестанцев. Мне тоже обидно, – он с возмущением бросил на стол зажигалку, которую всё это время зажимал в кулаке, потом посмотрел на Рашида. – Ты почему молчишь?

– А что я скажу? – парировал Рашид. – Туда, на Эверест, просто так не пускают: нужна специальная подготовка. Я уже вырос из того возраста.

Но этот незнакомец, как волшебник или гипнотизер, задел его честолюбие и Рашид стал втайне интересоваться альпинизмом. Следом он втянулся в тренировки и стал косо смотреть на вершины Эльбруса. Потом совершил одиночное восхождение на его вершину. И вот уже замаячил Эверест. А сможет ли он этого добраться до вершины Земли – вот вопрос.

Рашид никогда не опаздывал на работу и сегодня он сел за рабочий стол вовремя. Начальник отдела, его друг Аюб, проходя мимо него, остановился.

– Рашид, ты мне в последнее время не нравишься, – ска-

зал он. – У тебя проблемы? Скажи: я помогу тебе, чем смогу.

«Не сможешь, – подумал Рашид. – Ни ты, ни весь коллектив. Помочь себе могу только я. Скажи тебе сегодня, что я собрался на Эверест, а завтра все будете смеяться надо мной или скажете: “Умный в гору не пойдет”. Увидишь: передам тебе привет с Эвереста...»

Рашид вместо ответа чихнул и долго не открывал глаза.

– Эй! У тебя грипп, друг. Лицо красное. Наверное, и температура есть, – констатировал Аюб.

– Ничего у меня нет. Отстань: дайте мне работать.

Закончилось это тем, что участковый врач замерил

38,5 градусов температуры у Рашида и обнаружил некоторые осложнения. Потом он выписал ему больничный лист на десять дней. Дни шли, а состояние не улучшалось – только потому, что Рашид не доверял лекарствам с детства и не употреблял их. К этому его приучила его бабушка, которая все время говорила: «Лекарство – это химия, а лечить тело должно само тело». Он пил чай, грел ноги в горячей воде и через неделю симптомы заболевания начали отступать. Оставалось три дня отпуска. Рашид решил воспользоваться свободой по-своему и решил поехать в Москву, чтобы начать налаживать мосты на Эверест. Его от этого могло задержать только то, что он ненавидел покидать дом и семью. Но его внутри одолевало нечто большее – обида за слова незнакомца. Стоп! Может, ещё и чувство причастности.

В офис «Горной вершины» в Москве Рашид вошел со

стесненным сердцем. Он не был уверен, что его поймут и помогут, потому что на сегодняшний день у него не было ни одной значимой покоренной вершины, кроме Эльбруса, да разве что скудные знания в области альпинизма. У него было одно – желание покорить Эверест любой ценой. Поэтому неудивительно, что вопрос директора клуба Алексея Аврамова застиг его врасплох.

– На каких вершинах вы побывали, Рашид? – спросил Аврамов, как только они пожали руки и познакомились. Рашид волновался и был в восторге оттого, что познакомился с главным специалистом в России по восхождению на Эверест. Подумать только – семь подъемов, рекордсмен.

Рашид тянул с ответом, потому что сказать ему было ничего.

– Сказать честно, я не был ни на одной вершине, кроме тех, что находятся в моем селе в Дагестане.

Губы Аврамова тронула улыбка.

– Честное признание дорогого стоит в современном мире, Рашид, – с иронией произнес Аврамов. – Я разделяю вашу гордость за горы Дагестана. Мне приходилось лазить там много раз. Ничего не скажешь: красота и восхищение. – Он сделал паузу, собрал ладони в кулак и, потирая пальцы, добавил: – Но, видите ли, есть правила, которыми я не имею права пренебрегать. – Было видно, что он решил отказаться от клиента и сделать это, как можно деликатнее, чтобы тот сам решил, как поступить. Он осознавал, что проблемы кли-

ента могут стать его личными.

– Какие правила? – спросил Рашид

– Ну, во-первых, подготовка, – произнес Аврамов.

– Алексей, – кто-то из глубины зала крикнул: – Клиент из Америки!..

Аврамов повернул голову. Борода аккуратно бритая. Холодный и расчетливый взгляд. Уверенность в себе и в том, что говорит. Рашид тут же представил его лицо, подставленное под холодный ветер на самой вершине мира. Какое счастье быть там!

– Вы не видите, я разговариваю с человеком, – нервно среагировал Аврамов. – Пусть подождет. Скажите, что я перезвоню.

Он остановил свой взгляд на Рашиде, прежде чем продолжить прерванную беседу.

– Итак, я говорил о подготовке, – голос ровный, внушающий доверие. – Эверест это не прогулка, а серьезное испытание со всех сторон: психика, выносливость, характер, опыт. Судя по тому, что ты дагестанец и готов рисковать, несколько не думая о последствиях, многие моменты отпадают автоматически. Это – боязнь высоты, выносливость, цепкость рук, физическая подготовка и сила духа. Но есть одно «но»: нужны тренировки и опыт преодоления высот шесть тысяч метров, потом семь тысяч, следом восемь тысяч метров. Вот тогда я смог бы взять на себя ответственность за вас, Рашид. Деньги для меня не самое важное. Самое важное для меня

– это сохранить вам здоровье и жизнь. На Эвересте такое ощущение, как будто он заждался очередную жертву и ждет, пока та совершит смертельную ошибку. Если в этот момент заклинит клапан кислородного баллона – смерть. Если в результате гипоксии, наступят головокружение и потеря ориентировки в пространстве – смерть. Гора усеяна замороженными трупами ровно в том состоянии, в каком у человека остановилось сердце – сидя, лежа, распластавшись на склоне горы вниз головой, зацепившись за каменный выступ на краю пропасти. Жуть. И ты все это видишь и думаешь, что ты тоже можешь пополнить их ряды, если не выполнить необходимые правила. Анекдот про страшную историю

здесь не катит. Таких удач не бывает Рашид улыбнулся:

– Что за анекдот?

– Не слышали? – спросил Аврамов, улыбаясь. – Турист пристал к горцу в Дагестане с просьбой рассказать одну страшную историю, которая, наверняка, могла произойти на вершине горы. Вот тот и рассказал: «Было дело. Однажды двое влюбленных взобрались на эту гору и не вернулись». Турист, представив себе ужас и трагедию, замер с открытым ртом, потом только через минуту, придя в себя, спросил: «Бедные. А что же с ними случилось?» Горец без эмоций произнес: «Они спустились с другой стороны».

Засмеялись оба: и альпинист с мировым именем, и человек, который только собирался им стать. Их на один момент сравнил юмор.

– Я знал про все эти опасности, – заговорил Рашид, услышав в настроении Аврамова отрицательный ответ, – но бывают же исключительные моменты.

– Бывают, мой друг, – согласился Аврамов. – Бывают: идешь под дождем и тебе по фигуре, то ли от счастья, то ли от беды. Но не нужно испытывать судьбу. Вот такой вопрос, Рашид, который я всем задаю. Ты знаешь, есть такой чемпион по боксу – Кличко?

– Конечно, знаю, – Рашид улыбнулся.

– А вот, как думаешь: сможет ли какой-нибудь здоровяк с улицы выйти на ринг и победить его?

Рашид задумался, как ответить, чтобы не обидеть его, потому что в ответ он знал одну замечательную и исключительную историю. И после этого Аврамов не стал бы задавать свой излюбленный вопрос другим.

– Да, может, – ответил Рашид.

Аврамов, не ожидавший такого ответа, скривил лицо, сохраняя улыбку ради вежливости.

– Как такое может быть? – спросил Аврамов в недоумении и хмыкнул

– Вы знаете, есть такой чемпион по вольной борьбе Александр Медведь?

– Знаю, – подтвердил Аврамов. – Самый титулованный боец мира: пятикратный чемпион мира и трёхкратный чемпион олимпийских игр из Белоруссии.

– А вы не слышали ничего про дагестанского борца Сура-

ката Асиятилова?

– Слышал.

– Он первый, кто положил Медведя на лопатки. Его заметили, когда он в селе крутил всех: и больших и малых. И опытных и титулованных борцов. Он не знал, кто такой тренер; он не знал, что такое спортзал, что такое техника – просто самородок. Никто не ожидал, что он его победит.

– А дальше что было, не хотите рассказать?

– А что было? – спросил Рашид.

– В следующем бою Суракат проиграл Александру, – с умыслом произнес Аврамов, – и тогда он сказал крылатую фразу: «Александр меня переиграл не силой мышц, а мозгами». Вспомните бой в Африке: Мухаммед Али и молодой Форман, который ударом мог убить быка. И в этом бою все делали ставки на Формана, а болели за Мухаммеда Али и он не подвел своих болельщиков – он переиграл Формана не силой, а мозгами. Так что всякое бывает в спорте и в жизни тоже. Альпинизм тоже спорт и здесь нужны мозги не меньше, чем в другом виде спорта, потому что одна ошибка и ты труп. Мой совет, Рашид – не торопись и желаю тебе, чтобы ты тоже сделал это и ощутил всю прелесть от пребывания на вершине мира. Это особенное чувство, когда тебе наплевать на мороз, на ледышки, которые сосульками повисли у тебя на бороде, в усах и бровях и на пронизывающий ветер, который норовит объять тебя в свои объятия и оторвать твои ноги от краешка земли в бездну...

Рашида после неудачной беседы с руководителем клуба «Семь вершин» в Москве ничего не удерживало. Выйдя из офиса, он поймал такси, погрузился на заднее сиденье машины и буркнул:

– Отвезите меня домой.

Таксист странно посмотрел на Рашида.

– А где ваш дом?

– В Дагестане.

– О! Я туда не поеду. Ни за что. Ни за какие деньги.

Потому что это очень далеко, парень.

– Тогда отвезите меня в аэропорт.

– Вот так бы и сказал сразу. Чё время терять? Я вижу у тебя проблемы, парень? – И он, резко двинув ладонью на руле, влез в поток машин.

– Людей нет без проблем, – заметил Рашид. – А я сам сделал себе проблему.

Таксист засмеялся, ловя в зеркало заднего вида лицо Рашида.

– Женщина?

– Нет.

– Мужчина?

– Нет.

Таксист хмыкнул.

– Интересно, а кто тогда?

– Гора Эверест.

– О! Шляпу снимаю, – проронил таксист, трогая кепку за козырек. – Альпинист, значит. Вы настоящие герои. А не те, кто устраивает шоу на телевидении. – Он не успел проскочить перекресток: загорелся светофор. – Я здесь обычно подбираю альпинистов и знаком с Аврамовым. Все к нему. Очень порядочный и честный человек. Попадают и иностранцы, чудачки тоже. Я слышал много страшных историй от них.

– Например? – спросил Рашид

– Ну, про этого... про черного альпиниста ничего не слышали? Как он в горах преследует альпинистов: сбрасывает их с гор, перерезает стропы, пугает душераздирающим воем среди ночи? – спросил таксист.

– Я еще не альпинист. Аврамов не принял меня в клуб, – пожаловался Рашид. – Поэтому и не знаю. Мне нужно в этом сезоне обязательно подняться на Эверест, а он говорит, что надо подождать два года.

– А с чем связана такая спешка?

– Я заключил пари.

– Плохо дело. Долги, споры, карты, игральные автоматы. Люди сходят с ума из-за денег, – рассуждал таксист. Видимо, это коснулось и его. – Много денег на кону?

– Нет, – проговорил Рашид. – Просто я дал слово.

– Слово? – таксист хихикнул. – Кто в современном мире хватается за слово? У людей ничего не осталось: ни чести, ни достоинства – кругом одна коррупция и проституция. А

ты говоришь «дал слово».

– Не все люди одинаковые, друг мой, – назидательно произнес Рашид. – Я дал слово моим братьям. Мне с ними вместе жить, вместе радоваться и переживать...

Таксист тараторил всю дорогу до аэропорта монотонным убаюкивающим голосом. И у него было много разных историй про пассажиров, а Рашид погрузился в собственные мысли. Он твердо зафиксировал в голове слова Аврамова: высота 6000 метров, 7000 и 8000 метров. «Мне зачем это надо, – думал Рашид, – я и так готов взять любую вершину». В один момент он засомневался, и другая идея начала тихо подкрадываться к нему: «А что если сразу попробовать высоту 7000 сегодня же, она высветит все мои недостатки и, когда подготовлюсь, передо мной откроется дорога на Эверест к грядущему сезону. Вот будет дело. Аврамов удивится». Рашид полез в интернет и достал номер туроператора.

– Алло!.. Дайте, пожалуйста, раскладку на покорение вершины Хан-Тенгри в Киргизии.

Рашид долго слушал и все записывал под коркой мозга, не забывая про мозги Александра Медведя и Мухаммеда Али – главное тактика во всём. Таксист, догадавшись, что клиент не слушает его, замолк и уверенно гнал машину по знакомому маршруту в аэропорт.

Рашид отложил телефон и сказал:

– Стойте!

Таксист, растерявшись, нажал на тормоз и принял вправо.

– Что случилось? – испуганно спросил он. Его глаз нервно задергался.

– Ничего не случилось. Поехали обратно. Я передумал.

– Обратно к клубу альпинистов? – Да.

Рашид удобно расположился на кожаном диване и скучал в ожидании оператора. Время шло. Телефон запищал – Мурад из Кизилюрта.

– Алло, ты где?

– А ты не знаешь, где я – в Москве. Я жалею, что пошел на поводу у тебя. Эверест, Эверест... Надо было тебя самого послать, и вместо меня сейчас бегал бы ты, а я сидел бы у печки...

– Не понял, ты что такой нервный, Рашид, – спросил Мурад, испытывая тревогу. – У тебя все хорошо?

– Нет. У меня все наоборот: плохо. Аврамов отфутболил, сказав, что на Эверест нужна подготовка в течение как минимум два года. Я так не хочу. Сейчас я оформляю бумаги в Киргизию на гору Хан-Тенгри, чтобы попробовать мои силы. На это уйдет месяц. Дальше посмотрю.

– Не-е-т, брат. Мы с тобой так не договаривались. Там опасные горы. Лучше вернись домой и в спокойной обстановке обсудим все детали.

В зал вошел молодой парень – оператор. Он представился:

– Здравствуйте. Меня зовут Николай. Чем могу быть полезен?

– Хочу попасть на Хан-Тенгри, – сходу заявил Рашид

– Очень хорошо. А вы уже имеете опыт восхождений: пик Ленина, Эльбрус или другие?

– Нет, не имею...

– Тогда, извините. Мы не сможем вам помочь. Обращайтесь прямиком в Бишкек. Я вам дам телефон и помогу с бумагами для выезда.

– Спасибо, а что надо взять с собой?

– Покупать и тратить свои деньги не надо, там в лагере можно взять всё в аренду.

Аврамов вернулся с обеда и, снова увидев Рашида в своих апартаментах, удивился:

– Рашид!?

– Да.

– Что случилось? Вы разве не уехали.

– Уехал и вернулся, – сказал Рашид. – Я решил пойти на Хан-Тенгри, пока сезон не закончился.

– А вы готовились, тренировались для такого ответственного восхождения?

– Я всегда готов.

– Помогите ему оформить бумаги, – строго приказал Аврамов менеджеру. – Ну, ладно, раз так тебе хочется...

Перелёт

Благодаря оперативной работе бюро, Рашиду пришлось ждать недолго и через несколько дней он стоял на регистрации рейса Москва – Бишкек. В большом, светлом зале ожидания никто не разговаривает, заботы только о багаже и безмолвные взгляды на табло. Во всем чувствуется напряжение и каждый, наверное, отдавшись судьбе, ведет отсчет статистики аварий. Рашид вспомнил и представил на миг Кабоева, который ожидал свою семью в аэропорту Лиссабона, и мировую реакцию на то, что случилось.

Рядом с ним села молодая пара. Она шепотом разговаривали на английском языке. Рашид хотел поймать хотя бы одно знакомое слово из скудного запаса, но улавливал лишь слово «yes», всем знакомое из советского фильма «Джентльмены удачи»: «Yes, yes, ОБХСС». Рашид потеснился, уступая место.

– Здравствуйте, – любезно поздоровалась девушка. – Вы в Бишкек? Гора Хан-Тенгри?

– Да.

– Как жаль. Мы туда можем заехать только через месяц.

Будет поздно, да? – Я не знаю.

Рашид в самолете сел возле окна и пристегнулся после объявления стюардессы. Гул двигателей усилился и самолет, задрожав, пошел на разбег. Небо синее и чистое, как сам воз-

дух. Рашид под собой видел облака, закрывающие Землю, оберегая ее баланс тепла, влажности и температуры. «Интересно, какая высота», – думал Рашид.

Уставший за день, вскоре он уснул крепким сном. Открыл глаза лишь перед приземлением в аэропорту Бишкека:

– Внимание! Уважаемые пассажиры, мы совершаем посадку в международном аэропорту столицы Киргизии, городе Бишкеке. Температура воздуха тридцать два градуса.

Просим пристегнуть ремни...

Рашид заметил, как все зашевелились, готовясь оказаться на просторах Киргизии прикрываемые с юга хребтом Тянь-Шань, где располагаются семь высоких вершин, снежные исполины, которые притягивают альпинистов со всего мира.

Хан-Тенгри

Рашида в аэропорту Бишкека ждал молодой и энергичный парень по имени Касем с карими бегающими глазами и звонким голосом. Он выхватил из толпы ту молодую пару, еще трех человек и всех повел в микроавтобус. Не теряя времени, он приступил к изложению всей программы:

– С вашей группой предполагается вариант заезда в базовый лагерь горы Хан-Тенгри через Бишкек на автотранспорте мимо озера Иссык-Куль в лагерь Каркара. Потом оттуда предусмотрен перелет вертолетом в базовый лагерь на высоте четыре тысяча двести метров.

Затем он уставился на Рашида:

– Вы с чемоданом на колесиках? А где ваш рюкзак?

– Вот, – Рашид бесцеремонно указал на чемодан.

– А ваше снаряжение где?

Рашид развел руки.

– Возьму в аренду, какой вопрос?

Гид рассмеялся и какое-то время молчал, чтобы внятно объяснить человеку, что аренды на горе нет.

– Рашид, почему у вас всё не по правилам? – удивлялся гид. – Почему вы не выяснили в офисе насчет снаряжения? Здесь нет аренды – все надо будет купить.

Рашид нахмурил лоб, прищурил глаза от возмущения.

– А почему в вашем офисе мне не сказали об этом? По-

чему?

Поселившись в гостинице Рашид, прежде чем набрать номер телефона жены, чтобы попросить ее переслать деньги, долго думал, как это сделать. Как ответить на вопрос жены: зачем тебе так много денег, семейный бюджет и так скромный на четверых детей... Он думал об этом до самого ужина, потом, наконец, решился.

– Алло, Рашид, – раздался тревожный голос жены. – Ты куда пропал? Я звоню и не могу до тебя дозвониться.

– Я летал на самолете?

– Ты до сих пор летишь в Москву? Уже два дня как ты уехал.

– Да, самолет летал с остановками, – первый раз за день Рашид засмеялся. – Как поживают дети?

– Всё нормально. Ты где сейчас?

– В Бишкеке.

– Где, где? Какой еще Бишкек?

– Это город, столица Киргизии. Ты не знаешь?

– О, аллах! Куда тебя занесло! Ты же говорил, что в Москву и обратно.

– Но ты не догадалась, что в Москве летом снега не бывает. Поэтому соревнования по лыжным гонкам перенесли в Бишкек.

Молчание в трубке. «Не дай бог, узнает, что я поменял лыжню на ледоруб и стал альпинистом. Она сразу же сообщить об этом отцу и несдобровать мне».

– Как долго будут проходить соревнования, а то с работы звонили и сказали, что твоя медицинская справка закончилась.

– Не переживай – там всё обговорено: я взял отпуск без содержания, – сказал Рашид и пожалел о сказанном, потому что сейчас ему надо перейти к деньгам: – Но у меня там будут идти начисления – ты не переживай.

– Как не переживать! Дети ходят в школу и каждый день то одному, то другому надо давать копейки.

– Я сказал: не переживай за это. Если сейчас я стану чемпионом, мне выплатят круглую сумму. Я звоню тебе, знаешь почему?

– Почему?

– Мне срочно деньги нужны на карточку.

– Сколько?

– Шестьдесят тысяч.

– Сколько!?! – переспросила Патимат не своим голосом. – Ты с ума сошел...

Утром следующего дня Рашид зашел в магазин альпинистского снаряжения и ахнул, увидев цены.

– Девушка, скажите, пожалуйста, если много беру, у вас есть скидки?

– Нет, – коротко и ясно дала понять продавщица

– Что же вы такие жадные, – произнес Рашид. – Ладно, давайте мне полный комплект снаряжения для восхождения на Хан-Тенгри.

– Хорошо: я буду называть по комплектности, а вы решайте, чего и сколько.

– Давайте.

– Четыре синтетические футболки с коротким рукавом?..

– Давайте одну.

Продавщица выкатила глаза.

– Одну, одну, – подтвердил Рашид – Две рубашки с длинным рукавом?..

– Не надо.

– Шесть пар трусов?..

– Две пары, – сказал Рашид.

– Один комплект термобелья?..

Рашид задумался, а продавщица улыбнулась.

– Давайте.

Вот таким образом, чтобы сэкономить деньги Рашид урезал все до минимума, а перед миловидной девушкой нашел оправдание:

– Зачем мне таскать всё это барахло в гору. Правильно же?

– Нет, конечно. Нельзя экономить на вещах, когда речь идет о жизни и здоровье.

– Я понимаю, если идти на Эверест. А тут что, маленькая гора.

Девушка хихикнула, но промолчала.

Рашид не пожалел денег на оборудование и взял с расчетом на Эверест: рюкзак 30-литровый, спальник (без спальника можно, но нежелательно, потому что он сохраняет теп-

ло тела и не страшен мороз), солнцезащитные очки (без них можно ослепнуть от сильного света и ультрафиолетового излучения), трекинговые палки (они уменьшают нагрузку на коленный сустав и помогают при спуске по скользким тропам), гидратор (пластиковый пакет с длиной трубкой, который заполняется водой и упаковывается в рюкзак, чтобы согревалась спиной и не замерзала).

– А средства общей гигиены не будете брать? – спросила девушка.

– Вас как зовут, – наконец, Рашид решил познакомиться. – А то общаемся и неудобно как-то.

Девушка улыбнулась.

– Меня зовут Айзирек.

– Какое красивое имя! Запомню. Когда у меня родится еще одна дочь, я назову ее этим именем. А как переводится с киргизского?

– Золотая луна, – гордо произнесла Айзирек. – А у вас уже есть дочери?

– Да, две, – сообщил Рашид. – Старшую зовут Джамилья, а младшую Айша. А сын у меня взрослый. Может быть, придут к вам свататься. Да, хорошая?

– Не знаю, – лицо девушки покрылось румянцем. – Я вам сделаю скидку. Вы такой добрый, – смягчившись, произнесла она.

– Нет, нет, – Рашид решительно отказался от предложения Айзирек. – Что, вы! Я любезничал с вами не ради скид-

ки, а по зову сердца. Спасибо вам. Вы такая добрая.

– Хорошо, – согласилась Айзирек. – Мы остановились на средствах защиты.

– Да, да, конечно, давайте все, что у вас есть, – согласился Рашид, затем добавил: – И что ни говори, но самое главное для альпиниста – это деньги.

В расплывшемся взгляде Айзирик Рашид встретил одобрение сказанных слов.

Айзирек положила в пакет крем от солнца, зубную щетку, мыло, несколько упаковок мокрых салфеток, таблетки для воды и сделала последнее предложение об аптечке. Рашид отказался, сказав, что он горец из Дагестана и никогда не пил никакие лекарства. Айзирек, прощаясь, пожелала Рашиду удачного восхождения.

Через два дня вертолет, пролетев через ряд белоснежных пиков Тянь-Шаня, высадил группу в базовом лагере на высоте 4200 метров на леднике Северный Иньльчек.

Рашид выбрался из «вертушки» и с трудом влез в ляжки нового вещмешка. Это заметили члены группы и стали поздравлять Рашида с вступлением в альпинисты. Они смеялись и шутили, потому что Рашид с чемоданом на колесиках выглядел как турист, собравшийся на прогулку.

– Да, забавная штука этот рюкзак, – отшучивался Рашид, – в дождь спина сухая, а когда солнце – мокрая. Барахло всякое не главное для альпиниста. Главное – легко подняться, а спуститься – дело одной минуты.

Группа состояла из шести человек, два гида и четыре попутчика – искатели приключений на одно место. Все разные: Анатолий Менский – высокий, стройный, с высоким чувством юмора успешный предприниматель из Тюмени, Константин Смирнов – тоже предприниматель, работающий в иностранной фирме. У них, кажется, в жизни есть всё, а для полноты счастья не хватает адреналина и острых ощущений. Не то, что мотив Рашида, ведомого одним патриотическим чувством. Зная, что у него мало опыта, к нему приставили отдельного гида – молодого Александра Широбокова. «Фишка в том, что ему двадцать шесть лет. Какой может быть опыт в таком возрасте? – думал Рашид. – Не получится ли как в анекдоте: “Прут в гору трое: новичок, разрядник и гид. Новичок думает: блин, когда же вершина. Разрядник, выбиваясь из сил, думает: когда же этот новичок устанет и попросит привал. Гид, которому все это давно надоело, оглядываясь назад, думает: ну и лоси же мне достались”».

Обустройство лагеря

Лагерь, состоящий из множества всепогодных палаток, наделенных жесткими каркасами из двух дуг, вставленных в тканевые рукава, – защита наглухо с одной стороны. Это позволяет ускорить сборку и разборку даже в плохую погоду. Тамбуры палаток оснащены вентиляционными люками и смотровыми окошками, через которые удобно наблюдать за изменениями погоды и предаваться мечтам или воспоминаниям. Штурмовой лагерь скромно, как временный гость, устроился между двумя обнаженными каменистыми горами серого цвета.

Рашид засунул голову и сразу же почувствовал перепад воздуха: не то сырость, не то запах самой палатки, в которой местами прорезались дырки. На полу настил и раскладная кровать. «Три дня она будет моим пристанищем и домом, защитником от ветра, снега и холода. – Рашид скинул рюкзак, вытащил самое необходимое и расставил на полочке. – Хорошо, что я не один, как зверь: есть с кем общаться, шутить и смеяться. Соседи. Кто они и каковы их нравы и интересы. В состоянии ли они подставить плечо помощи, когда надо, или, как сказал Аврамов: “Вы одни и вам самим надо выходить из любой сложной ситуации. Не надо ждать помощи от других, потому что и они заняты тем же”. Вот принцип современного альпинизма. А что, интересно, дума-

ют мои соседи по этому поводу. Сначала поплюю чай, а потом выгляну на “солдат” – отдельные вершины, которые стерегут главную вершину Хан-Тенгри. Интересно, а как он переводится с киргизского? Айзерик, как она сказала, переводится как золотая луна». Он на мгновение вспомнил своих дочерей, которых обманул папа, сказавший, что едет на соревнования по лыжам, а сам сидит в холоде, в штурмовом лагере, и завтра будет рисковать жизнью. «Есть ли в этом логика? Нет. Это сумасшествие. И соседи сумасшедшие. И много в мире таких, как мы, ненормальных? Может, найдется тысячи или две по всем странам земного шара. Если не будет их, то вершины земли будут скучать и страдать от полного одиночества. А тут визит цивилизации: вертолеты по склонам, веревки, пластика...»

Поток его мыслей прервал бесшумный стук о нейлоновый лоскут, торчащий с верха палатки до земли, образующий юбку для защиты от ветра.

– Войдите! – крикнул Рашид.

Вошел Анатолий, вежливо улыбаясь.

– Рашид, здесь стоял столик между палатками, и его ветром сдуло. Помогите, пожалуйста: давай притащим его обратно. А то нам здесь три дня торчать. Хоть чай вместе будем пить.

Рашид отозвался сразу и вскочил. Он остановился и сразу почувствовал, что сердце в груди начало стучать как-то по-другому.

– Что такое? – спросил Анатолий. – Тебе плохо?

Рашид приложил руку к сердцу.

– Вот здесь что-то нет так, – сообщил Рашид. – Наверное, началась акклиматизация. У тебя не так?

Анатолий улыбнулся.

– Нет, – ответил Анатолий, – у меня, я уже знаю, завтра начнутся головные боли. А у тебя – точно давление подскочило. Сейчас я принесу тонометр и проверим.

Температура у Рашида оказалась выше нормы, и Анатолий долго смотрел на Рашида.

– Тебе нельзя в горы, Рашид. С такой температурой нельзя шутить. У тебя есть лекарства: терафлю, аспирин, парацетамол?

– Нет, я не пью лекарства.

– Вот ты чудак, – сказал Анатолий. – А Аврамов перед отправкой знал, что ты болеешь?

– Нет.

Анатолий помотал головой.

– Ладно, оставайся – я сам перетащу стол на место.

– Нет, нет, – произнес Рашид. – Я помогу.

Вдвоем принесли столик, смонтировали и попили первый чай. Перед сном Рашид сделал прогулку. Уснул мертвым сном.

Утром следующего дня, проснувшись, Рашид услышал рев ветра. Погода испортилась. По плану они в тот день сделали первый короткий акклиматизационный выход к перво-

му лагерю. Там перекусили и спустились назад. Вся уверенность Рашида в своих силах и возможностях оказалась мыльным пузырем, и она лопнула. Небольшая прогулка показала, что он не готов к покорению сложной вершины: голова болела, мышцы начали ныть, высота душила. К тому же он не умел грамотно обращаться с оборудованием – ну, хотя бы с курткой, которую надо было вентилировать в зависимости от состояния тела. Разные застёжки вентилировали разные части тела. У него уходило много времени на завязку, развязку шнурков, он плохо владел техникой жумара¹. Рашид попал в сложное положение, но не упал духом.

---

¹ Жумáр – необходимый элемент альпинистского снаряжения. – *Прим. ред.*

Второй выход

Согласно плану, предстоит четыре ночевки в лагерях на разных высотах. Вышли утром и первые полчаса преодолели ледник до маршрута, затем марш до первого лагеря. Высота 4600. Подъем второй раз оказался намного легче, чем в первый день. Рашид обрадовался и вновь обрел уверенность. Страшно, когда сомневаешься и теряешь внутренние силы. На радостях растопили воду, открыли консервы с мясом и досыта поели. Рашид для закрепления положительных эмоций пошел выше на прогулку. Но голова все равно продолжает беспокоить. В девять утра группа предпринимает вылазку до второго лагеря на высоту 5500, на которую потратили шесть часов времени. Рашид примирился с судьбой и плетется все время на хвосте. Появились непонятные боли в стопах от постоянного давления. Рашид подходит к крутому подъему перед вторым лагерем. Он покрыт льдом и ему пришлось поработать ледорубом, так как Рашид плохо освоил технологию жумаривания. Вот так он дошел до второго лагеря и упал. Успокоившись, разбили палатку и разлеглись. Кто-то пьет таблетки, кто-то песенки поет, а Рашид пошел прогуляться, чтобы снять головную боль. Перед сном наблюдал на западе красивый закат, позже уснул и спал как убитый. Утром он вылез первым из убежища, чтобы глянуть на Хана. На склоне горы увидел вертолет. Плохое чувство сопе-

реживания: кто там погиб, спасен ли экипаж? Там трещина, которая затрудняет все подходы. Черт! Как можно оставлять людей вот так. Где службы спасения!

– Рашид! – кто-то окликнул его сзади.

Его гид Александр.

– Хорошая скорость, Рашид. Далее разбиваемся на две группы, и ты пойдешь со мной. Готов?

«Врёт и не краснеет, – подумал Рашид, – значит, всех задерживаю я и становлюсь проблемой, черт возьми. Вот, что значит подготовка. А на штурм вершины придется идти без ночевки»

– Хорошо, – отвечает Рашид. – Я готов.

Первая группа ушла на плечо Чапаева, спланировав спуск с еще одной ночевкой во втором лагере. Рашид поплелся за гидом, испытывая свинцовую тяжесть в ногах. Сомнений все больше и больше мучают его, но сдаваться он не будет никогда – только вперед. Через час он странным образом почувствовал облегчение, и это придало ему чуть оптимизма. Дойдя до «горлышка бутылки» на высоте 5800 метров, они остановились на чай. Гид продолжал давать ему советы по технике владения инструментами и скорости передвижения. Своего рода подведение итогов. Погода начинает портиться – видимость тоже. Последний штурм из последних сил, и они оказались на плече Чапаева на высоте 6150 метров, где запланировано третья ночь. Вода на исходе – надо топить снег грелкой, во рту горечь и сухость из-за потери влаги. Утро

встречает Рашида чистым небом – удивительная видимость. Вот она – вершина Хан, как на ладони, и чтобы добраться до нее надо спуститься с плеча Чапаева на 300 метров, пройти по ровному отрезку еще метров триста и приступить к отвесному подъему на вершину. Но не на этот раз. Пока надо продолжить акклиматизационные маятниковые вылазки: вверх – вниз. Радует, что это последняя ночь перед штурмом. Спуск к середине перемычки к лагерю номер три на высоте 5850 метров оказался коварным для Рашида: он два раза падал, хорошо, что от падения в бездну удерживала перетянутая веревка. Скользящий лед тормозил движение, но до лагеря рукой подать. Все решило следующие два часа – и вот он лагерь.

– Всё, – проронил гид, тяжело дыша, – полчаса на передышку и возвращаемся на базовый. Пойдет?..

– Да, – ответил Рашид, – как скажешь. – Но взгляд он держал на вершине Хана. – Говорят, что он притягивает к себе. Это правда?

– Не знаю как другим, но меня не тянет никак, – признался гид. – Справишься со спуском?

– А куда мне деться? – ответил с иронией Рашид. – Ладно, не буду рассказывать анекдот: буду беречь легкие.

– Правильное решение, – согласился гид.

– Ты не знаешь, спасли этих с вертолета?

– Все погибли, – сказал Александр. – Что-то не рассчитал пилот. Может, двигатель подвел из-за недостатка кислорода.

Когда платят большие деньги, люди забывают об опасностях – вот и рискнули. Жалко ребят.

– А ты не терял на маршруте никого?

– Было дело. Не хочу вспоминать. И ты у меня тяжелый, Рашид. Надо же так – выступить на Хана с гриппом!

Ты почему не сказал об этом раньше?

Рашид перевернулся боком, продолжая набирать воздух в легкие.

– Я сам не знал. Думал, что переболел. Но ты же дашь мне возможность штурма?

– Конечно, – сказал одобрительно гид. – Поднимайся и пошли обратно.

Рашид встал, повернулся на Чапаева и сделал первый уверенный шаг – его уже ничего не волновало: он увидел Хана с километра пути и он никуда от него не денется. Потом Эверест.

Считается, что спуск всегда опаснее подъема и таит в себе много опасностей и первое – это расслабление после высоты.

Движение начали с подъема на плечо Чапаева, потом Рашид щёлкнулся карабином в веревку, выбранную им из целого пучка, который накопился за время восхождений – все проверенные к годности – и пошел вниз. После спуска до высоты 4000 метров силы иссякли. Но всегда нужно последнее усилие над собой, и Рашид сделал последний бросок на последний километр по леднику с мостами через трещины. К этому времени вся группа уже была внизу: пили чай, ва-

рили мясо и громко разговаривали. В лагерь прибыли еще какие-то люди. А в столовой отмечали чей-то день рождения и пели песни.

Пять дней перед штурмом

Анализ ошибок. Рашид внимательно слушал разбор акклиматизационных штурмов и делал для себя выводы: во-первых, это не прогулка на лыжах по склонам Эльбруса, не детские игры по утесам родных гор Дагестана, это – серьезная и кропотливая работа над своим телом, над тактикой и техникой скалолазания. Он согласился с оценками специалистов, несмотря на их юность. Он продолжал думать, стоит ли после такого неудачного путешествия на высокие лагеря, пытаться штурмовать вершину. Что-то пошло не так. Он замкнулся в себе: перестал общаться, шутить, смеяться, и тихо постигал горечь неудач.

На второй день после прогулок по окрестностям он зашел в столовую, чтобы пообедать. А там сидели четыре незнакомца преклонного возраста, видимо, друзья: они громко разговаривали и что-то бурно обсуждали, сидя за длинным столом. Рашид, испытывая неловкость, сел с краю. Ему стало интересно, о чем говорят и что обсуждают старики. У всех рюмки полные коньяком. Один из них, с лысиной, встал и кашлянул пару раз, чтобы прочистить горло.

– Мне горько об этом говорить, но так получилось, что его сегодня нет с нами, – начал он. – Ровно тридцать лет назад на этом месте мы разбили палатку и он начал одиночное восхождение на Хана. Он не любил много говорить ни о себе,

ни о славных делах, которые он совершил.

Он остался самым выдающимся спортсменом мира: скромным и величественным, настоящим представителем советской школы альпинизма.

«О ком же они говорят», – думал Рашид.

– Сделаю небольшое отступление, – продолжает старик, – и расскажу, как всё это была устроено и как оно работало. Нигде в мире доселе не было ничего подобного, а ведь все начиналось в далекие тридцатые годы прошлого века. Блин, как-то язык не поворачивается измерять нашу жизнь веками. Первый альпинистский лагерь был построен в 1931-м году в горах Кавказа в ущелье Шхельды и назывался «Рот-фронт». А Ленинградский лагерь расположился чуть далее в ущелье Шхельды. Так ведь, Петр Васильевич? – за помощью он обратился к соседу.

– Да, да, так и было, Сергей, – подтвердил сосед в спортивной шапке. – К 1936-му году в горах действовало тридцать альплагерей. Семнадцать из них были в нашем ведомстве, то есть в профсоюзном. А к 1938-му году в горах работали и готовили молодежь пятьдесят три лагеря. Всесоюзный комитет по делам физкультуры направлял туда инструкторов для внедрения единой системы подготовки альпинистов. Наш альпинизм имел долгую историю и богатые традиции. Тысячи и тысячи молодых ребят нашей необъятной родины приобщились к альпинизму, к красоте горных вершин, чистому воздуху, голубому небу. Они общались между

собой, находили друзей, проходили школу мужества и дружбы. Стоимость путевок в такие лагеря составляла тридцать процентов от себестоимости, остальную сумму брало на себя государство. Война в горах Кавказа с немецкой дивизией «Эдельвейс» показала все преимущества нашей школы. . .

– Хватит, хватит, – перебил Сергей Петра Васильевича. – Сейчас речь не об истории, а будем говорить о самом великом альпинисте. Мы, собственно говоря, собрались ради этого. Вот здесь Толик сказал: «Хан-Тенгри – это самый красивый пик в мире. Правильность его рёбер и его геометрическая пирамидальная симметрия делает его самым притягательным как магнит». Он очень любил горы. Пожалуй, горы были единственным смыслом его жизни. Иногда меня посещают мысли о том, что горы полюбили его, и они тоже скорбят о нем вместе с нами. Снег приревновал его к горам и накрыл его своими объятиями. Но дух его живет среди этих вершин и может быть, он видит и слышит нас. Четыре раза восходил на Эверест, за что удостоился звания «Тигр Гималаев». Покорил одиннадцать восьмитысячников и заслужил титула «Снежный барс» и стал заслуженным мастером спорта СССР.

– Сергей, прошу уточнить, за что дали заслуженного мастера, – вмешался Петр Васильевич. – Если не знаешь, то давай: я расскажу.

– Да, подожди ты, – Сергей подержал укоризненный взгляд на друге. – Ты, что больше меня знаешь? Он в 1987-м

году первым в Советском Союзе совершил скоростной подъем на пик Ленина по северному склону от базового лагеря – 4200 – до самой вершины – 7134 метра, потратив всего восемь часов на подъем и шесть часов на спуск. Так? – он гневно посмотрел на Петра.

– Согласен, – удовлетворенно подтвердил Петр. – И в том же году подъем на пик Коммунизма с высоты 6700 до 7400 за один час и двадцать пять минут.

Рашиду так и не терпелось спросить или вставить что-нибудь о своем кумире. Улучив паузу, встрял в разговор:

– Извините, пожалуйста, а Эльбрус за какое время он взял?

Взоры всех устремились на Рашида, который держал в руках ложку, но не ел – беседа для него оказалась важнее, чем обед.

– А вы откуда, молодой человек, – спросил тамада. – С Кавказа?

– Да, – произнес Рашид. – Из Дагестана. Меня зовут Рашид.

– Присоединяйся к нам, Рашид, – произнес Сергей. – Меня зовут Сергей Богомолов. Может, слышал?

– Хм, конечно, – в глазах Рашида появился огонёк. – Кто не знает Богомолова, покорителя многих вершин. – Рашид засмеялся.

– Налейте ему коньяк Кизлярский с его родины, – дал указание Сергей.

– Он покорил Эверест с высоты 4200 до 5350, если не ошибаюсь за один час и семь минут, – заметил Петр. – Так?

– Да, – подтвердил Сергей. – Пьем до дна за Анатолия Букреева. Пусть покоится с миром среди гор и вершин.

Придя в восторг при упоминании имени Букреева, Рашид с приливом новых сил доел свой уже остывший борщ: он был счастлив знакомству с легендами мирового альпинизма. Потом разыскал гида и заявил: «Я передумал. Я пойду на штурм». Его звали мечты и великие дела, чтобы хоть на йоту быть похожим на Букреева.

Оставался один день до главного штурма Хана, и ему не терпелось вновь вступить в борьбу со стихией и взять штурмом «самый красивый пик мира».

Рашид проснулся рано, чем обычно и продолжал лежать с открытыми глазами, представляя дом, родных и близких.

Ему было двенадцать лет, когда со сверстниками поспорили, кто сможет дольше повиснуть над краем скалы, возвышающейся над глубокой пропастью. Он победил, но пришлось за это поплатиться перед отцом, который отругал его...

Снаружи раздались голоса – все проснулись, и началась подготовка к решающему штурму вершины. Рашид встал и стал мысленно проверять, все ли взял из скудного снаряжения. Коллеги были опытные, маститые восходители многих мировых вершин: у них у всех был строгий контроль над каждой вещью, над каждым движением, а иногда и словом. Было чему научиться за эти несколько дней жестких условий

экстремального выживания. Слова Аврамова не вязались со словами Богомолова, когда он говорил о взаимной вырубке, дружбе. «Не потому ли Букреев спасал американцев, попавших в беду, против своей жизни, ради других. А что может быть чище и нравственнее чем такой поступок... Видно времена поменялись».

В восемь утра Рашид в полном снаряжении сделал первый шаг в сторону гор, и он уже представлял, сколько таких шагов надо будет сделать до Хан-Тенгри.

До первого лагеря группа дошла за два с половиной часа. Ему нравились взятый им темп и свое физическое состояние. Сравнивая первый акклиматизационный подъем с сегодняшним, до этой высоты, Рашид радовался: головной боли больше нет, тяжести в ногах нет и дыхание нормальное. Он сделал первый привал, попил воды, перекусил, выпил одну таблетку, которую дал ему Анатолий – и в путь с хорошим настроением. Следующая стоянка у пещеры выше второго лагеря. Здесь будет первая ночевка. Ребята уже раскапывает вход у пещеры. Как здорово! Никогда не спал в пещере под свист ветра снаружи, штурм пушистых снежинок и холода.

– Ну, как ты? – спросил Анатолий Рашида, как только он взвалился в пещеру. – Должно быть лучше, чем в первый раз.

– Да, намного, – ответил Рашид. – Голова отпустила, горной болезни нет.

– Всё будет хорошо, – подбодрил его Анатолий. – Уверенность в своих силах делает больше, чем сами силы.

Пей больше воды.

Рашид выпил настойку женьшеня, чая. Одно хорошо в пещере: за снегом, чтобы растопить, далеко ходить не надо – протянул руку и соскоблил со стенки. Но спать неудобно и тесновато – чуть повернулся, и снег сыпется за шиворот и в штаны. Рашид долго не может уснуть, но проснулся в шесть утра, полный сил и вдохновения. По плану надо пробыть в пещере до десяти часов, но уснуть дальше не смог.

Он только закемарил, как в пещере началось непонятное движение. Оказалось, что к девяти часам нужно освободить пещеру для другой группы. Здесь всё решают по радиосвязи другие начальники. Провизия вся в пещере, снаряжение тоже. Надо спешить со сборами. Успели позавтракать. Образовалась очередь за растопкой воды – нужно взять по литру воды на маршрут. Рашид набрал холодной воды, не дождав-шись горелки, и пошел наверх по крутому снежнику, далее по скалам до плеча Чапаева.

Особенности маршрута

Иногда кажется, что погода хорошая и осталось идти немного, но нужно понимать, что спуск тяжёлый и сложный: это те же перила, по которым вы поднимались, а теперь будете дюльферять², так что нужно закладывать достаточное количество времени. Поэтому, если вы не дошли до вершины в два-три часа дня, лучше развернуться.

Когда вы спустились с вершины на седло, прежде чем идти в базовый лагерь, придётся снова подняться на плечо пика Чапаева. Между седлом и пиком Чапаева есть большая ледовая стенка, образовавшаяся из трещины, в этом месте гиды привязывают лестницы, чтобы было легче жумарить. Стена отвесная и достаточно сложная. Получается, когда вы сходили на гору, вам нужно сходить ещё на одну, чтобы спуститься.

«Вот, черт эти кошки и шнурки, которые надо завязывать и отвязывать: плохо получается и теряю время». Погода мрачнеет, ветер усиливается. Хан спрятался в облаках. Одно небольшое оторвавшееся мрачное облако, медленно вращаясь вокруг Хан-Тенгри, остерегало его. Начали появляться первые признаки усталости и недомогания: одышка, ноги и голова. А что будет дальше! Может, надо сбросить и оставить где-нибудь на перестёжке лишний груз. «Я один, групп-

---

² Спуск по верёвке на опасных участках горного рельефа. – *Прим. ред.*

па ушла вперед. Вот так вот: опыт с одной стороны и глупая и излишняя уверенность в себе – с другой».

– Идешь? – Рашид услышал голос гида сверху. Тот остановился, услышав его тяжелое дыхание.

– Иду, – выдохнул Рашид. – Сейчас догоню.

– Может, скинешь что-нибудь из рюкзака, а то тебе тяжело.

– Хорошо, – согласился Рашид. – На следующей остановке.

Рашид прилично отстал от основной группы. Он вспомнил чьи-то слова: «Побеждает не тот, кто сильнее, а тот, кто идет до конца». Впереди вертикальная стена, покрытая льдом, и Рашид из последних сил прожумарил и забрался на плоскость. Он лег на живот, чтобы отдышаться.

– У тебя все хорошо? – он вновь услышал над головой голос гида.

– Да, – ответил Рашид. – У меня все отлично. Не видишь? – он еще находил в себе силы отпускать шутки. – Когда привал?

– Скоро, – ответил гид. – Разобьем палатку, покушаем и спать.

«Какие приятные слова, подумал Рашид. А такие привычные слова, которые не ценим в обыденной жизни.

Какое счастье – покушать и поспать!»!

– Где мы? – спросил Рашид, делая последние усилия до места ночлега.

– На гребне 6000 метров. Утром в четыре подъем и рванем на Хана.

– А остальные где?

– Должно быть, в ста метрах от нас.

– Хорошо, – проронил Рашид. – Мы их завтра перегоним и будем первыми на Хане.

– Хотелось бы верить вашему оптимизму, – проговорил гид с оттенками глубокого сомнения. – Цыплят по осени считают. Ты слышал про такую поговорку?

– Да, я слышал, – произнес Рашид. – У меня голова какая-то странная.

– Хорошо, если не гипоксия. Но не должно быть – ты же горец. Какая у вас там высота в ауле?

– Тысяча триста метров.

– Видишь, почти то же самое. А здесь всего лишь 5800. Разница небольшая.

– Да, – хотел рассмеяться Рашид, но не получилось. – Потом посмеемся. – Рашид потихоньку начал приходить в себя. – Прoshлый раз я здесь почти умирал, а сейчас не так-то плохо. Голова не болит и вообще ничего не болит. Как думаешь, Саша, есть у меня шанс на завтра?

– Не будем предугадывать, – произнес Саша. – На шанс завтра посмотрим завтра.

Рашид перед закатом Солнца увидел пик Ленина, а рядом пик Коммунизма. Холод пронизывает всё тело, ветер, словно ножом, режет кожу, а глаза словно в песке – не понятно то

ли боль, то ли помутнение.

«Главное – я в шаге от Хана и никто на родине не знает, что я выступаю над землей на несколько километров. Аюб удивится и скажет: “Я не верю”. Жена заплачет от того, что жизнь моя висела на волоске. Дети будут кричать от счастья, что это сделал их папа».

Они растопили снег, заварили чай и достали консервы. Причиной его недомогания прошлый раз было недостаточное питье. «Так сказал Богомоллов, когда я ему пожаловался. Что он еще говорил? Отбой в семь вечера. Подъем в два утра и штурм в четыре утра. Надо спать». «Здесь каждый сам по себе: никто никому не помогает», – он повторил слова Абрамова так, на всякий случай.

Рашид уснул, высоко оценивая способности пуховика беречь тепло, излучаемое телом.

Проснувшись в положенное время, позавтракал, натопил один литр воды в термос и пол-литра в пластиковую бутылку в пуховик. На ноги одел пару штанов, на себя – пуховик и гортекс-куртку. В четыре они вылезли из палатки: кругом темнота и режущий холод. Проходит час, и Рашида начали доставать то холод, то жара. Для вентиляции в такие моменты нужно расстегивать пуховик в соответствующих местах. Гид подсказывал, а Рашид нервничал. У него в голове стучала только одна мысль – «вверх». Вскоре их застиг рассвет – с вершины горы всё, что внизу, казалось не имеющим никакого значения. С того момента он как будто попал в транс:

веревки, натоптанная тропа, идущая вверх; внимание зациклено на одном – на Хáne, и осознание того, что с каждым тяжелым шагом приближается к мечте. В ушах звучит какая-то аварская песня в сопровождении зажигательной музыки.

– Саша! Ты где? У тебя всё нормально. Я иду. Я догоняю тебя.

– Давай, давай. Ты сильно отстаешь. Можешь усилить шаг?

Рашид сделал неудачное движение наклоном вперед и упал на колени.

– Иду, – выдохнул он. – Очки запотели. Спина тоже. – Мы где, далеко еще?

– Скоро подойдем к четвертому лагерю. Высота 6400. Ты меня слышишь?

– Да, я слышу.

Снежный покров закончился и начались скалы, камни.

– Рашид, подготовься к жумарке. Мы уже близко. Вот начинаются мемориальные плитки. Здесь похоронены неудачники. Гора приняла их смерть здесь.

Рашиду очень тяжело жумарить – с этой техникой у него проблемы и поэтому уходят драгоценные минуты. Он прошел четвертый, неиспользуемый лагерь. Задул ветерок и Рашид потерял веревки. Смотрит туда, сюда.

– Смотри наверх, – крикнул Саша. – Вот они где. Чуть дальше?

Гид остановился. Смотрит на часы. Они, миновав четвер-

тый лагерь, с трудом добрались до отметки 6800 метров. До Хана оставалось двести метров.

«Какая жалость, двести метров, – думал гид, – как бы сказать Рашиду: “Всё, приплыли!”» Но, Рашид, поравнявшись с гидом, сказал:

– Пошли дальше...

Гид видел его глаза и усталую поступь. Всего какая-то мелочь и вот она вершина, так близко. Как сказать ему:

«Дальше не идем?»

– Всё, Рашид, – выдохнул Саша. – Всё.

– Что, уже вершина? – спросил Рашид.

– Нет. Уже двенадцать часов и мы не имеем права двигаться дальше.

– Что ты сказал? Повтори, – Рашид скинул очки. У него красные затекшие глаза и обезумевший взгляд. – Что ты сказал!?

– Всё, Рашид. Возвращаемся.

– Нет! – закричал Рашид. – Я пойду до конца. Ты, если хочешь, оставайся.

– Я не пущу тебя, – он схватил Рашида за плечо. – У меня есть свои инструкции: после двенадцати часов категорически запрещено идти на штурм. Ты понимаешь?

– Нет!.. – закричал Рашид. – Я тебя не понимаю. Я возле горы, я ее вижу. До нее рукой подать, а ты меня хочешь стащить с маршрута. Это нечестно.

– Успокойся, Рашид, – произнес Саша. – Ты пойми: у ме-

ня две задачи – доставить тебя до вершины и сохранить тебе жизнь. Но в данном случае я выбираю второе. Нам нельзя дальше идти, потому что спуск застанет нас среди ночи и непонятной погоды. Ты видел надгробные камни. Большинство из них нарушили это правило и плохо закончили.

– Нет!.. – снова закричал Рашид в отчаянии. – Он бросил на лед ледоруб и снова закричал: – Нет!!!..

– Здесь нет моей вины, Рашид. Ты просто сам не готов. Ты отставал. Но идти дальше я не позволю, потому что я отвечаю за твою жизнь. Гора никуда не денется. Ты не первый и не последний.

– У меня есть право на вторую попытку? – наконец, вняв здравым аргументам, спросил Рашид.

– Да, есть, – ответил гид. – Пошли обратно в лагерь, отдохнем и утречком рискнем еще раз. Пойдет?

Они, преодолевая сопротивление ветра, с трудом вернулись в лагерь. Гид всё время шел впереди. Первая попытка штурма для Рашида закончилась неудачей, и это обстоятельство не могло не отразиться на его психологическом состоянии. У гида на практике были такие случаи повторного восхождения и очень часто отказ от дальнейшего маршрута чисто из-за страха. Но с Рашидом – случай исключительный: никакого страха, никаких сомнений, его уверенность зашкаливает все пределы. Единственная проблема – задержка на перестёжках: все эти шнурки, застёжки, кошки и неотработанность движений при жумаривании. Всё это в целом созда-

ет какой-то комплекс заторможенности. Его не нужно уговаривать, призывать к саморегуляции и полной выкладке. У него хорошая пространственная ориентация: помнит детали пройденного маршрута до мелочей. Собран и инициативен как никто другой.

Через часа три Рашид услышал голоса спускающейся основной группы. Рашид выбрался из палатки и увидел Анатолия впереди группы – еле волочит ноги и тяжело дышит.

– Рашид, вы почему до сих пор здесь?

– Я недотянул двести метров до Хана и вернулся. Завтра попробую еще раз.

– Удачи, друг. Увидимся на вершине Эвереста, – Анатолий прошел мимо и вниз. «Счастливчик, – подумал Рашид, – сделал дело и домой. Но на Эвересте посмотрим».

Аюб, сидя за рабочим столом, листал бумаги и параллельно слушал новости в мире спорта по его любимому каналу «Матч ТВ». Диктор после сводки о прошедших соревнованиях по ММА плавно перешел на успешное выступление российской теннисистки Марии Шараповой. И дальше продолжил:

– Про альпинизм. Команда клуба «Семь вершин» сегодня добилась новых успехов на самом красивом пике Тянь-Шаня – Хан-Тенгри. Анатолий Менский и Константин Смирнов поднялись на его вершину. В данный момент они спустились в базовый лагерь и готовятся домой. Их уже можно

поздравить. Молодцы. Другие участники группы: Рашид Гаджиясулов... «Что!?!» – Аюб вздрогнул и выронил ручку, ... и Александр Ширококов уже к этому часу должны быть в штурмовом лагере на высоте 6400 и они сделают повторную попытку восхождения на Хан-Тенгри.

Аюб с обескураженным видом ворвался в общую комнату персонала и громко объявил:

– Вы слышали!?!..

– Что такое!.. Что случилось!.. – раздались голоса взволнованных служащих.

– Рашид Гаджиясулов!

– Что с ним?..

– Вот дурак! Кажется, он всего-то несколько дней назад был здесь с температурой и гриппом – я его отправил домой.

– Что с ним, Аюб?..

– Вы не поверите! Только что по телевизору сообщили, что он находится в горах Тянь-Шаня на вершине какой-то горы на высоте 7000 метров.

– Не может быть... – ахнул кто-то.

– Может, может, – сказал другой. – Он может всё.

Я думаю, что это правда.

– Я сейчас позвоню его жене и узнаю, – поторопился Аюб.

– Не делайте этого, – посоветовал коллега. – Может, Рашид не хочет беспокоить семью.

Вторая попытка восхождения на следующий день тоже оказалась неудачной. Рашид и Саша сидят под горой в двух-

стах метрах от вершины и обсуждают ситуацию. Рашид:

– Надо было вчера остаться здесь и штурмовать с близкого расстояния.

– Ночевать в четвертом лагере по инструкции запрещено, – заявил гид. – Люди здесь замерзли – есть факты. Поэтому его почти не используют. Ты не расстраивайся так сильно, Рашид. Бывает хуже. Это сложная гора для подъема: из группы восходимость Хан-Тенгри знаешь, сколько составляет? Тридцать процентов.

– Не хочу слышать, – подавленно произнес Рашид. – Почему я должен сидеть в этих процентах, когда гора – вот она, – он указал рукой на вершину, которая манила его и притягивала. – А мне, видите ли, не разрешает инструктор дальше двигаться. Саша, если ты хочешь, оставайся здесь, а я пойду.

Инструктор понимал Рашида, который находился в двух шагах от своей цели, о которой мечтал и к которой готовился морально – и вдруг появляются какие-то несчастные двадцать, тридцать минут ради которых он должен принести в жертву свою удачу. «Он на грани: с одной стороны может в погоне за целью обречь себя на смерть, и тогда я буду проклят. С другой стороны, не исключено, что может достичь цели, и скажет мне “спасибо”». Две истины, вокруг которых вращаются мораль и кодекс альпиниста. Стоит ли мне из-за “спасибо” подвергнуть риску его жизнь», – думал Александр.

– Нет, – коротко и решительно произнес Александр. –

Есть заповедь альпиниста: «Вершиной стоит пренебречь, если стоит вопрос о жизни и смерти человека». Так что, мы идем назад.

Рашид молчал. Он перекинулся на спину и уставился в небо. Оно, как и дома, синее, глубокое и холодное. «Почему я здесь, в тысяче километрах от дома. Чтобы удовлетворить мои амбиции и утвердить своё “Я”? Не глупо ли это? Нет. Любой человек должен совершить поступок своей жизни».

– Если хочешь, останемся здесь до вечера, чтобы ты успокоился и насытился этой горой, – предложил Саша. – А потом пойдем на спуск.

– Нет, давай сделаем по правилам, – произнес Рашид, оценив реальность. У него хватило воли принять такое решение, и в этом ему помог организм, который изо всех сил бунтовал и сопротивлялся насилию над собой.

Правила подготовки к восхождению на Эверест

После возвращения из далекого путешествия Рашид долго приходил в себя. Басни родне про лыжные гонки быстро закончились, работа вновь затянула в обычное русло. Но над головой и в мыслях витала непреодолимая мечта – взять Эверест. Были редкие моменты, когда он начинал сомневаться, ведь то главное – возраст физической мощи он давно преодолел: ему 48 лет. Успокаивал себя тем, что многие альпинисты продолжали путешествовать в возрасте за 60 лет: например тот же Богомоллов, который пришел на Хан-Тенгри. Ему тогда стукнуло 67 лет. «Тогда это понятие, возраст, для альпинизма не актуально. В таком случае на передний план выступает дыхание и гармоничная работа сердца. То есть, нужен бег длительностью не менее, чем 40 минут. Только тогда, как сказал мой гид, сердце переходит на обычный нагрузочный режим, когда можно топить и не оглядываться».

Он помыл машину и начал загружать припасы, палки, походный газовый баллон, когда жена подошла и спросила:

– Куда теперь собираешься? – она встала над головой, вставив руки в боки. – Я тебя больше никуда не отпущу.

– В село еду, – произнес Рашид. – Навещу предков на кладбище, наведу порядок и поживу два дня в нашем старом

доме.

– Врёшь!

Рашиду не хотелось затевать спор, и он хорошо знал, что она отступит от своего решения: нужна всего лишь маленькая дипломатия.

– Не веришь – поехали вместе.

– Никуда я не поеду, – заявила она. – Детей на кого оставить?

– Видишь, как получается, когда возможности не совпадают с желаниями.

– А почему у тебя все совпадает, и все время делаешь, что хочешь, – проговорила Патимат. – Захотел на Эльбрус – поехал, захотел в село – поехал. Я тоже буду делать так: уеду к сестре на неделю...

Нарастающий диалог родителей прервал младший сын Гаджи, который возник перед машиной непонятно откуда. Он вытянул одну руку и зачитал громким голосом:

Так оставьте ненужные споры.

Я себе уже всё доказал:

Лучше гор могут быть только горы. На которых еще не бывал.

Сделал паузу и добавил:

– Я хочу подняться так высоко, чтобы под ногами увидеть облака. Папа, возьми меня с собой: буду помогать тебе таскать рюкзак.

Рашид посмотрел на жену и улыбнулся. «Кровь, – поду-

мал он. – Будет таким же авантюристом, как папа. Только не знаю радоваться этому или нет: надо спросить об этом его деда. Лучше бы в школе хорошо учился»

– Нет, сынок. Там высоко и опасно. Так ты Высоцким увлекаешься?

– Сегодня в школе проходили. Я и Гамзатова знаю.

– Ну-ка, почитай.

Гаджи вдохнул воздух в легкие и засоловел:

Ходит сплетня: мол, стал я заносчивым.

И звучат мои песни от дома вдали, И забыл я аулы, прижатые к скалам, Цвет и запах родной каменистой земли.

Рашид гордо и долго аплодировал.

– Собирайся. Поедем вместе, – сказал Рашид.

Радости мальчика не было предела. Он подпрыгнул и закричал:

– Ура! Ура!

– Не поедешь никуда, сынок, – поставила точку мать, притягивая Гаджи к себе за плечи. – Никуда не отпущу.

Рашид доехал да аула поздно вечером и остановился на узком проулке перед домом. Никого не видно: в селе осталось несколько семей. Он зашел в дом, осмотрел двор, поднялся в комнату, где прошло детство. Он взял в руки альбом, перелистал, узнавая свои детские зарисовки о горах, о войнах. Он долго не засыпал, чувствуя, что находится между прошлым и будущим. За будущее надо бороться каждый

день: Эверест просто так никому не дается.

Утром после стакана чая он предпринял скоростной марш-бросок на гору Хабирах и остался довольным. Он шел по знакомой до боли тропе детства: здесь он падал, ломал кости, царапался, игрался, бесстрашно висел на скалах над пропастью. Он тогда не мечтал об альпинизме, а просто делал то, что делали все его сверстники. Домой возвращался в ссадинах, кровоподтеках и ушибах, которые «вылизывал» до следующих приключений.

Он оглядел горы – ни с чем не сравнимое волшебное место с чистым воздухом, который призывает к чистым помыслам: помогать друг другу, общаться с близкими, потому что горы создают одиночество. Не оттого ли Букреев был в своей душе одиноким: мог сидеть за столом кафе в Непале и часами глядеть в одну точку.

Гора Хан-Тенгри научила его быть осторожным и внимательным к мелочам, таким как завязывание шнурков на ботинках, когда надо работать с кошками. А жумаривание? Он не смог добраться до цели именно из-за этих мелочей, на которые было потрачено немало драгоценного времени. Но подготовка на Эверест будет другой. Он будет ездить на Эльбрус два раза в месяц, чтобы оттачивать навыки, тренировать сердце и мышцы.

С первым же снегом Рашид укатил на Эльбрус, прихватив с собой припасы, снаряжения и с особым чувством – лыжи «Скайтур» за которыми он специально ездил в Москву.

По прибытии в лагерь, где полно туристов, Рашид первым делом решил отдохнуть и прикинуть маршруты подъема до высоты 4500 и спуск на лыжах, позавтракать и попить горячий чай. Туристы резвятся, катаются и суетливо ездят по местным достопримечательностям: к «Поляне нарзанов», на водопад «Чухур», в музей имени

Высоцкого, на форелевую рыбалку...

Мало, кто догадывается, что среди них есть и чудаки, которые со всем этим знакомы сто лет, и им надо нечто большее.

Рашид стартовал на лыжах с поляны на высоте 2400 до станции «Кругозор». В самом начале маршрута появилась проблема с необычными лыжами, которые предназначены только для движения вперед. Спина взмокла, как под душем, ноги стали свинцовыми, но упорство и настойчивость дали неплохой результат – 45 минут. Рашид был доволен: до Хан-Тенгри у него на это уходило около двух часов. Добравшись до станции, стряхнул иней и льдинки с груди, оценил обстановку и только собрался пуститься на спуск, когда за спиной услышал крик:

– Рашид!

Он повернулся и увидел всех членов любительского лыжного клуба в полном составе: Шахназар в спортивной куртке стоял, улыбаясь и растянув рот до ушей; Мурад стоял возле него в непривычной спортивной шапке с бутылкой воды в поднятой руке и кричал «Ура»; Нурик уже приближался к

нему с распростертыми руками.

– Ну, вы даете! – счастливо вырвалось у Рашида: дополнительная поддержка. Будет, кому подносить чай и готовить шашлыки. – Ура!.. – Лихо поддержал их Рашид от прилива сил и энтузиазма. – Я разрешаю вам кататься со мной.

– Подожди ты! – сказал Мурад. – Воды хоть попей. И еще, скажи, почему ты уехал без нас?

– Я звонил вам. Вы не ответили, – оправдывался Рашид.

– А когда я позвонил, почему не взял трубку?

– Потому что я уже был в дороге.

Все засмеялись.

– Еще вопрос, – сказал Мурад. – Ты почему так насилуешь организм, как будто готовишься к олимпийским играм и хочешь всех победить?

– Не скажу, – ответил Рашид. – У меня есть секрет.

– Расскажи мне, Рашид, – попросил Нурик. – Я же забуду про твой секрет, пока расскажу кому-нибудь другому... Ха-ха-ха.

– Чтобы одержать победу, надо уметь ставить правильные цели, – заметил Шахназар.

– Например? – спросил Нурик.

– Ничего в жизни не делать и ты победитель. Ха-ха-ха.

После того, как Рашид, оставив друзей, рванул вниз, Шахназар сказал:

– Видели его глаза: он замышляет что-то грандиозное. А случайно ли он нас затащил в кинотеатр в Каспийске на

фильм «Эверест»?

– Да, нет, – возразил Мурад. – Он, что дурак: в сорок восемь лет, да еще, имея четверых детей, рискнуть на Эверест? Имейте в виду, что его отец, дядя Гитин-Магомед, ни за что не пустил бы его на такую авантюру.

Никто из них не мог верить в то, что Эверест для Рашида стал мечтой и смыслом жизни. Он усиленно готовился покорить вершину и стабильно два раза в месяц выезжал на Эльбрус с единственной целью – закалить выносливость и успеть в акклиматизации в высокогорных условиях. В одной из поездок он случайно познакомился с ведущим гидом одного туристического агентства Виктором Бобковым.

Понаблюдав за Рашидом на маршруте восхождения и спуска, Виктор подошел к Рашиду и поздоровался:

– Извините, меня зовут Виктор Бобков, инструктор турагентства.

Рашид подал руку и представился:

– Рашид, очень приятно.

– Вы я вижу, усердно работаете и профессионально. Мы не могли с вами видеться где-нибудь в горах, например, на Эвересте?

– Нет. Я туда только собираюсь. А вы были?

Виктор рассмеялся.

– Я был там шесть раз, в смысле, я имею в виду – был на самой вершине.

– Шесть раз!? – Рашид округлил глаза. – У меня нет слов.

Какая встреча!

– Когда собираетесь и с кем?

– Я договорился с одной кампанией – не буду называть.

Но это будет через год.

– Почему?

Рашид задумался, как сказать.

– Это вопрос подготовки. Я уже испытал одно поражение на Хан-Тенгри и не хочу повторять.

– А что случилось на Хан-Тенгри?

– Не дотянул двести метров со второй попытки, – сообщил Рашид

– Я понимаю вашу горечь, Рашид. Через этот проходят все альпинисты. Гора может подождать, а жизнь – нет. Я всегда против неразумного риска. Гора как необъезженная лошадь – всех старается сбросить с себя, поэтому нужно быть готовым к любой опасности. Знаете, что я вам предложу? Давайте вместе сделаем один бросок с поляны на станции, и я вам скажу точно: стоит вам рискнуть или нет.

Рашид был очарован мастерством, с какой скоростью и легкостью тот шел на гору, доверился ему и попросил взять его в группу в этом сезоне. По рукам – и договорились.

А один из дней к Рашиду подошел его младший сын Гаджи с лукавой улыбкой.

– Папа, извини: я копался в твоём рюкзаке и у меня вопрос.

– Говори, – произнес Рашид.

– Ты опять собираешься в Киргизию? – он смотрел детским невинным взглядом, словно вычитывая его мысли.

Рашид ухмыльнулся и, вспомнив чьи-то слова: «не обманывай человека, который сморит в твои глаза и видит в них свою жизнь», спросил:

– Ты не скажешь маме или деду, если я тебе скажу правду?

– Клянусь тебе, папа – никому ни слова.

Рашид присел и, глядя его по голове, сказал:

– На этот раз я собираюсь не в Киргизию, а на Эверест.

Гаджи расширил глаза от удивления.

– Ты мне показывал фильм. Эта та гора, где водружают флаги?

– Да.

– Ух, ты! – Гаджи задумался. – Как здорово! У меня есть идея, папа. – Какая?

– Ты для меня сделаешь там фотографию с футболкой с изображением Хабиба?

– Конечно, сынок, – сказал Рашид, понимая, что Хабиб для его сверстников стал настоящим героем и у него будет повод для особой гордости. Хотя бы ради этого папе стоит рискнуть своей жизнью. – У тебя есть эта футболка?

Покажи.

– Нет. Ты мне ее купишь?

– Куплю, конечно, но перед выездом, хорошо?

– Спасибо, – произнес Гаджи. – Я буду гордиться тобой всю жизнь, папа.

На Эверест

В Москву на сборы Рашид прибыл в хорошем настроении. В аэропорте Домодедово Бобков познакомил его со всей группой из пяти человек:

– Это Кирилл, – сказал Бобков, – специалист в области диетического питания. Он признает только травы и поэтому у меня с ним будут серьезные конфликты. Другими словами – это человек, который не ест животных, но жадно отбирает у них еду.

Кирилл тепло поздоровался и засмеялся с дружелюбным выражением на лице:

– Виктор, как ты любишь разгадывать чужие секреты. Это был секретом моего постоянного хорошего настроения. Ты все испортил наперёд.

– Что удивительно, – продолжил Виктор. – Ему без мяса удалось покорить – не люблю это слово, но другого нет – все семь вершин мира и теперь он косо смотрит на меня, как мне удалось это сделать, поедая мясо, на Эвересте.

Все засмеялись. Виктор подошел ко второму члену группы.

– Это Станислав Шагданов, – сказал Виктор. – Старый знакомый. Если кому-то будет тяжело, он придет на помощь первым как настоящий мужчина: на то у него есть документ – «Орден мужества».

– Рад знакомству, – произнес Станислав, крепко пожимая руку.

Виктор прошел дальше, представил третьего восходителя. – Валентина Стенвина из Украины, чемпиона мира по лёдолазанию, потом вернулся на свое место и сел.

– Виктор, вы не представили самого этого красивого парня, – шутя, сказал Кирилл.

– Простите. Это настоящий горец из Дагестана, – сказал Виктор, положив руку на плечо Рашида. – Опыта нет, но зато есть большая и добрая душа. Он всё делает на ходу. Никаких сомнений: он взойдет на гору, хотя это будет не по правилам.

– Очень приятно, – произнес Станислав, глядя на Рашида. – Я служил там, и у меня много воспоминаний о Дагестане.

– Только не сейчас, – шутливо предупредил Виктор. – У вас для этого будет о-очень много времени.

У Рашида зазвонил телефон. Мурад.

– Рашид, хочу спросить: ты флаг Дагестана взял?

Черты Рашида напряглись, и он вскочил.

– Вот черт. Я забыл, Мурад. Спасай меня: у тебя есть четыре часа.

Виктор не упустил возможности пошутить.

– Что я вам говорил? Он все делает на ходу, – сказал он. – И вот увидите: за те четыре часа, что осталось нам до вылета, его братья успеют в Махачкале купить флаг, передать там на самолет, привести в Москву и с такси доставить к нам сюда.

Первая интрига восхождения началась. Рашид нервничал, часто посматривая на часы, партнеры начали переживать за него.

Прошло три часа, и по радио объявили о регистрации на рейс Москва – Дели. Рашид уже находился за перилами, когда в зал ожидания на большой скорости забежал таксист с флагом в руке. На крутом изгибе перил он чуть не упал.

– Кто Рашид?.. – закричал он.

Рашид сделал знак и принял свернутый флаг, как футбольный мяч, с броском в сторону. Друзья зааплодировали.

С пересадкой в Дели группа долетела до Лхасы, столицы Тибета, горной провинции Китая, которая находится на высоте 3800 метров над уровнем моря. Далее группа пересела на микроавтобус и пустилась в дальнейшее путешествие длиной в шестьсот километров. Рашид впервые окунулся в другой мир красок и контрастов, который занял особое место в его сердце: сияющие на солнце ослепительные вершины гор, покрытые травяным покровом склоны гор, по которым пасутся разноцветные моналы³. То там, то здесь встречаются буддистские монастыри, дымящиеся благовониями, бесконечные озера с чистой водой с обманчивым отдаленным бирюзовым цветом. Привлекают внимание рододендроновые леса, среди которых обитают редкие разновидности животных и птиц. Дома и целые поселения нашли места на склонах отвесных гор, куда пищу и другую хозяйственную утварь

---

³ Птица семейства фазановых, обитающая в Гималаях. – *Прим. ред.*

доставляют на спинах мирных яков. Удивительная страна. Виктор предупредил водителя, чтобы он ехал медленнее.

Широкая асфальтированная трасса позволяет развивать большие скорости, но почему-то Виктор вмешался и предупредил водителя, чтобы тот сбавил скорость. Рашид, сидевший рядом с Виктором, недоуменно спросил:

– Почему медленно?

– Во имя акклиматизации, – с иронией произнес Виктор. –

Тут всё рассчитано, друг мой.

– А на поезде нельзя было ехать?

– Можно, но нудно, – сказал Виктор.

– А разница в цене есть?

Рашид успел заметить, что вопросы, связанные с ценами и тарифами, раздражали руководителя группы. Запросто может возникнуть вопрос о доверии или зависти – все-таки коммерция, и Рашид пожалел, что спросил.

– Въезд в сам Тибет платный, как ни странно, – сказал Виктор. – Для иностранцев здесь всё платное. И у властей Китая тому есть объяснение: Тибет – это особенный регион Китая. Они исходят из соображений охраны окружающей среды и сохранения культурного наследия. И они правы: иностранцы привыкли всё гадить – и реки и горы и даже воздух. Поэтому в Тибет только с пермитом – еще одно английское слово, которое культивируют наши безмозглые репортеры, означающее «разрешение» – за деньги и только со мной! – он с иронией глянул на Рашида. – Я ездил на по-

езде один раз: всё отвратительно и уныло, еда ни к черту. Проблема в том, что поезд забирается на высоту 3490 метров, преодолевает перевал Танг-Ла на высоте 5072 метра и некоторые там умирают от горной болезни. Чтобы избежать это, придумали подачу кислорода в вагоны, а это подсаживает организм на кислород и альпинист потём с этой кислородной лихорадкой прёт в горы. В результате программа акклиматизации нарушается. Поэтому мы с тобой едем на машине и наблюдаем за красивыми пейзажами с баранами на склонах, яками и горными вершинами.

– Понятно, – сказал Рашид. – Всё так подробно рассказали.

– Это мой долг, хотя не входит в статью контракта.

Рашид засмеялся. К концу поездки все кемарили, и в машине была полная тишина: лишь убаюкивающее шуршанье шин и легкий ветерок, забегающий в приоткрытую форточку. Рашид закрыл глаза и заснул. Когда проснулся, заметил, что Виктор с открытыми глазами мечтательно смотрит в потолок.

– Вас не тянет к сну, Виктор Михайлович? – Нет, мысли мешают – О чем?

– Да, так: о родине, о политике, – с грустью произнес тот. Одна часть ответа была для Рашида понятной, а вторая – нет.

– Перед самым выездом я поехал к маме на Украину, в Днепропетровск. У меня забрали паспорт, другие документы

и устроили настоящий допрос. Я вот анализирую, почему так развели один народ по разные стороны? Кто виноват? Кому это выгодно? И к чему все это, в конечном итоге, приведет? Ладно, оставляю мое мнение при себе. К тебе это не касается Рашид. Так?

– Касается. Мы же друзья и соотечественники. Разве не так?

– Ты всегда прав. Как там ваш анекдот про долголетие?

– Не знаю.

– Значит, журналист спрашивает старца: «Как вам удалось прожить столько лет?» «Никогда не спорю и со всеми соглашаюсь», – ответил старик. «Это невозможно!» – воскликнул журналист. «Да, вы правы», – ответил старик.

Рашид рассмеялся и Кирилл коротким смешком с переднего сиденья дал о себе знать.

К базовому лагерю машина ехала по новой дороге от Шегара протяженностью 90 километров с хорошими видами на восьмимысячники: Чо-Ойю, Лхоцзе, Макалу.

В базовый лагерь прибыли на четвертые сутки: уставшие, скованные, убитые. А там Рашид сразу заметил объект своей мечты – Эверест! Самая высокая вершина мира, конечная мечта каждого альпиниста. Букреев. Богомолов. Аврамов и Бобков.

Высота по разным измерениям получается разная, но признанная – 8848 метров над уровнем моря. Интересное название, хотя исконное название — Джомолунгма. Эверест – это

фамилия англичанина Джорджа Эвереста, начальника британской геодезической службы в Индии в сороковых годах XIX века. Такое название предложил индиец Сикдар, математик, который рассчитал высоту горы и сообщил, что она может быть величайшей вершиной мира. И странно, что название не имеет никакого отношения к человеку, который поднялся на нее впервые или самого Сикдара, который нашел ее. У тибетцев свое название, которое означает «Божественная мать». Какое трогательное название! В монастыре Ронглу у подножия горы монах убеждал, что есть священное писание о том, что на ее вершине пребывает богиня Мийо Лангсангмы – одна из «Пяти сестер долгой жизни». В храме она восседает на тигре, и в руке держит чашу с благословенной едой в правой руке и мангусту – в левой.

После открытия вершины началась охота: кто первый. Первыми оказались британцы, которые к 1920 году совершили несколько попыток восхождения с северной стороны. Удача пришла после того, как начали использовать кислородные баллоны. Им удалось достичь в начале 8300 метров, потом и 8500 метров. А в 1924 году состоялась известная попытка британских альпинистов Джорджа Мэллори и Эндрю Эрвинга, которые пропали, последний раз засветившихся в бинокле в разрыве облаков в ста пятидесяти метрах от вершины. Они не вернулись, а тело Мэллори опознали в 1990 году под северным склоном. Также был найден ледоруб Ирвинга, расположение которого свидетельствовало о том, что

он пытался предотвратить падение с гребня и не смог. Однако споры о том, что они погибли на спуске, продолжаются до сих пор. И только в 1953 году новозеландец Эдмунд Хиллари вместе с шерпом Тензингом Норгеем после нескольких попыток штурма достигли вершины и спустились живыми и здоровыми. Потом последовали другие рекорды: первая женщина, самый старый, самый молодой, человек без ног и люди без кислорода. И таким образом легенда об Эвересте стала доступной для любого, кто этого хочет. Казалось бы так, но проблема в том, что люди продолжают гибнуть, причем в некоторых случаях – массово. Так что больше для Эвереста подходит термин «Гора смерти». Еще один рекорд: российский бейс-прыгун⁴ Валерий Розов прыгнул с Эвереста в ветряном костюме и приземлился на леднике Ронгбук.

– Эй! – крикнул Кирилл на Рашида, «возвращая» его на землю от созерцания великой горы. Несмотря на усталость и подавленное настроение, мысли Рашида возвращались к радостному и счастливому.

И тут Рашид услышал команду Бобкова:

– Всё! Прибыли, – объявил Виктор. – Расселяйтесь по палаткам и почувствуйте себя как дома.

У них шесть палаток: по одной для каждого. Поскольку здесь придется проводить больше всего времени при штурме гор, нужно создавать нормальные условия для сна и отды-

---

⁴ Имеется в виду бейсджампинг – экстремальный вид спорта (прыжки с парашютом с фиксированных объектов). – *Прим. ред.*

ха. Палатки изготовлены из прочного водостойкого материала, которая не рвется при сильном ветре и растянута на четырёх независимых дугах. Здесь созданы хорошие условия, есть тамбур и предбанник.

Рашид выбрал палатку, затащил вещи и прилег на кушетку.

Акклиматизация

Высота дала о себе знать сразу же и у всех: головная боль, недомогание и усталость. Кто-то начал прибегать к таблеткам. Рашид терпел. Так прошло три одинаковых, похожих друг на друга дня. На четвертый Бобков объявил о дне «Лёдолазания». Тут пригодились умение и талант украинского чемпиона: он делился своим опытом и рассказывал о тонкостях этого дела. Строго по плану на пятый день начали восхождение к лагерю 5800. Добрались ночью и легли спать по два человека в палатке. Никто не смог уснуть из-за головокружения и холода. Утром рванули оттуда на следующую акклиматизационную высоту без сна. Отметились и вернулись в базовый лагерь.

По регламенту гид должен сделать разбор ступенчатого выхода на высоты. Но Бобков молчал, зная, что все злые, как собаки. Он, наверное, решил сделать это на следующий день. Однако в группе нашлись недовольные, которым надо хоть как-то высказаться о своем состоянии.

– Бобков! – закричал Кирилл. – У меня болит всё: тело, головная боль и тошнота. Какой диагноз?

– Тебе просто плохо, – деловито произнес Бобков.

– Ну, спасибо.

– Ха-ха-ха!..

– Стас, ты как? – спросил Бобков.

– У меня болит весь организм: куда не ткну – везде боль. Бобков замолк, потом дал заключение:

– Ты палец себе сломал.

– Ха-ха-ха!..

– Раз вы такие у меня умные и слабые, отдыхаем пять дней, – сообщил Бобок.

– А это по плану? – спросил Рашид. – Или вы обиделись на неловкие моменты?

– Вовсе нет. У обидчивого инструктора бывает много несчастных случаев.

– Ладно, ладно... Мы больше не будем жаловаться... – раздались в ответ разрозненные голоса.

И только через пять дней, как и обещал гид, группа вышла на второй акклиматизационный штурм. На высоте 5800 их настигла ночь. Там же заночевали. К удивлению, у всех все нормально. Следующий день пошли на штурм высоты 6400. Тяжело, медленно, шаг за шагом добрались и в лагере рухнули. Спали как убитые. А вот на высоте 7080 снова головы дали о себе знать. Спали плохо. Спустились на 6400, затем в базовый лагерь. Последний день перед штурмом вершины Бобок сделал неожиданный ход: повел группу вниз на 4200 в гости к шерпам. Рашиду представился быт этого народа. Удивительные люди, способные жить и выживать в экстремальных условиях. Здесь ощущается нехватка кислорода – шерпы привыкли. Здесь они, перенося большие грузы по горам и скалам, веками тренировали ноги, сердце и выносили-

вость. В исторических документах они мелькают очень редко, потому что они исторически не были ориентированы на войны и захват чужих территорий, а занимались у себя скотоводством и земледелием.

Письменности нет, фамилий нет, а имена меняют так же часто, как и времена года. Быт простой, стены домов – простая кладка камней без штукатурки, которую кто-то может завесить простой цветной тканью. Мебели нет, одежда неопрятная, вид лица монголоидный. Исповедают они формально буддизм и ламы сосуществуют с ведьмами и шаманами. Едят все, что достают в этих местах. Традиционным является суп с пельменями. Интересен тибетский чай. Они его заваривают с добавлением масла, молока, муки и соли – своего рода коктейль, на котором можно прожить целый день.

Рашид остановился напротив мальчика с цветком в руке: высокий лоб, тонкие губы, в джинсовой куртке, одетой поверх коричневой футболки; брови идут четкой параллелью глазам, в которых поселился взгляд взрослого человека. Интересно, что он хочет делать с этим цветком? Рашид спросил переводчика-китайца. После того, как он узнал, что тот хочет его продать, Рашид купил у него все цветы, которые у него были с собой. На лице мальчика появилась благодарная улыбка, и он сразу убежал по каменистой тропе. Рашид тут же вспомнил своих детей: самый маленький ждет сигнала с вершины Эвереста.

В кафе заказали мясное блюдо. Принесли суп с рисом и

мясом: горький и мясо очень жесткое. Видимо, як, но не баранина. Переночевав в гостинице, группа пошла на подъем в базовый лагерь. На календаре 9 мая – никто не может забыть этот праздник: общий на всех. В базовом, на половине лагерь, которая принадлежит клубу Алексея Аврамова «Семь вершин», настоящий праздник. Во всю звучит песня «День Победы».

– Вот загуляем, – выпалил Кирилл.

– Если нас пригласят, – вставил Станислав.

Кирилл достал пригласительные билеты лично от Аврамова. Бобков насупился. Все в группе знали об их отношениях. В свое время Бобков работал у Аврамова инструктором и можно сказать, что он вырос там, среди «Семи вершин», но потом, набравшись опыта и возможностей, Бобков ушел от него и организовал собственную фирму. Каждый в группе в этом не видел ничего зазорного, потому что мир сегодня устроен именно так: впереди интересы, следом отношения. А на отношения ради денег плюют все. Рашид задавал себе этот вопрос и понял, что это лежит в области современной морали, но ему хотелось вмешаться и примирить этих двух гигантов современного мирового альпинизма.

Кроме Бобкова, все пошли на праздник и получили удовольствие от полных столов, напитков, мяса, салатов и других классных изделий. Молодец Аврамов: показал всем, как русские ценят свою историю. Рашиду, конечно, хотелось повидаться с ним, но среди сотен гостей не было случайности

увидеть его, а специально искать его не стал, потому что тоже «кинул» его – не пошел в его клуб. Здесь тоже дело коммерции: где дешевле, туда и дорога. Да и Аврамов сам это знает: у него всегда богатые зарубежные клиенты.

Ночь прошла прекрасно: полный сон и душевное удовлетворение. Утром начались сборы для решающего штурма Эвереста: все молчат, напряжение достигло высшей точки, теперь все зависит от командира. В него вся вера и надежда. Бобков собран, сдержан в командах и точен в прогнозах и расчетах. Это фундамент его убеждений: «Главное для альпиниста не мышцы, а голова. Если нет мозгов на вершине, то тело не устоит».

– Все готовы?

– Да!.. – ответили хором.

И группа пошла в туман за удачей. Рашид как обычно, как самый неопытный, сел на хвост. Сомнения мучили его с первого дня, как только узнал, что членами группы стали именитые спортсмены, имеющие за спиной многочисленные восхождения на пики мира. Он осознавал, что все аргументы против него, хотя здесь все условно: попадают и такие, кто идет на вершину, не побывав на восьмитысячниках, но у них есть техническая подготовка хотя бы на уровне второго или третьего разряда альпиниста. «А у меня что? Не успел отработать даже технику жумаринга, которая должна быть эргономичной и эффективной».

Все эти обстоятельства в его душе скребли как кошки, по-

этому мучимый сомнениями, он плелся на хвосте.

Начало пути

Рашид хорошо запомнил маршрут до передового базового лагеря 6400 с индивидуальными палатками, туалетом и кухней. Не успел привыкнуть к комфорту, раздаётся голос гида:

– Уходим!

Рашид высунул голову из палатки и оказался под шквальным ветром, а глаза еле различают тропу и подвешенные веревки. По сравнению с тем, что предстоит, восхождение до покинутого лагеря была прогулкой.

– Рашид, ты идешь? – услышал он обрывки голоса гида.

Рашид, запутавшись в веревках, карабинах и жумарах на перестёжке, задержался с подачей голоса.

– Р.. -аш... -ид!..

Ветер унёс звуковую волну голоса гида в сторону и Рашид постарался подать голос на первый вопрос.

– Ты меня, наконец, научишь передвигать этот жумар? – крикнул Рашид.

Виктор посмотрел назад и увидел, с каким энтузиазмом Рашид лезет вверх по веревке.

– Если не получается, сделай так, чтобы получилось, – сказал Виктор.

– В веревках тоже путаюсь, – с целью поддержать разговор произнес Рашид.

– Смотри, только не отцепляйся!

– А что будет?

– Ничего. Спуск будет быстрый, – проговорил Виктор.

Такой острый на юмор диалог расслабил нервы идущей наверх сквозь ветер и снег группы альпинистов, которых так и хотелось назвать другим словом.

– А у остальных всё нормально? – делая следующий шаг по склону, спрашивает Виктор.

– Нет, мне тоже плохо, – кричит Кирилл.

– Как плохо?

– Как плохо бывает!?! Тошнит от тибетского чая.

– Мы же его позавчера пили, – сказал гид.

– А он у меня сегодня выходит, – произнес Кирилл.

– Я тебя предупреждал, что его пьют один раз. – В цепочке послышалось хихиканье. – Прошу прекратить смех. Вы не на бульваре на Арбате.

– Скоро вершина? – раздаётся вопрос с середины колонны.

– Блин, какая еще вершина – еще два дня пути, – пошутил Виктор.

– Нет, – произнес Виктор. – Если так долго, то я домой хочу.

С шутками, прибаутками, еще полная сил и уверенности, группа добралась до лагеря на высоте 7000 метров, постепенно привыкая к тяжелому угнетенному дыханию. Здесь всё – конец трекинговой части маршрута. Рашид поднял взгляд и увидел лагерь, гордо возвышавшейся на высоте 7700. По-

меняли ботинки, одели комбинезоны и вперед. Переход пологий без технических сложностей, плюс с использованием долгожданного кислорода. Только в конце перехода наткнулись на неприятный каменистый участок, на который ушло полчаса. Последний штормовой лагерь висел над головой на высоте 8300 метров. Рашид посмотрел вокруг.

– Виктор, вы мне покажете труп Мэллори? – спросил

Рашид

Гид копался в кислородных баллонах.

– Что ты говоришь?.. Тело Мэллори?..

– Смотри на Восток, в трехстах метрах ниже северо-восточного гребня. Американцы добрались туда в 1999-м году через 75 лет после его исчезновения. Команду альпинистов возглавлял Конрад Анкер. Они нашли мумифицированное и выветренное тело на высоте 8155 метров с этикеткой на рукаве его одежды. При нем много артефактов: альтиметр, солнцезащитные очки, маска от кислородного аппарата, письма. Они его обложили камнями и засыпали крошкой. Видишь?

– Не вижу.

– Жалко: надо было бинокли взять, – с сожалением произнес Виктор. – Они сорвались ночью. Но главное здесь то, что не были найдены фотография его жены Рут и флаг Британии, которые он обещал оставить на вершине горы.

– Сильная история, – со вздохом произнес Рашид.

– Ладно, выдвигаемся на третий лагерь в одиннадцать

ноль ноль, а пока отдыхайте.

Подъем оказался сложным и опасным. Вместо плановых семи часов группа добралась за четыре часа, благодаря тому, что погода благоприятствовала. Палатки там расположены на откосах и странно, что ветер не уносит их. После короткого сна и отдыха от ветра и бесконечных переходов в половине девятого вечера, поступила команда готовиться на последний штурм. Лица у всех суровые.

– Одеваться всем в теплую одежду, надеть кошки, – командовал Бобков. Его голос звучал совершенно по-другому, как голос полководца, возвещавшего о начале военного наступления. – Сегодня мы сделаем последний бросок. Хочу пожелать вам удачи и прошу запомнить: далее этой высоты у вас нет ни друзей, ни товарищей. Только каждый сам решает идти или нет, жить или умереть – всё в ваших руках.

– Я напомню тебе эти слова, Бобков, когда мы вернемся обратно.

– Вам будет не до шуток и смеха, – заявил Бобков и посмотрел на часы: шерпы опаздывали.

Рашид одел шерстяное термобелье, тонкую пуховку и влез в пуховый комбинезон. Он взял с собой несколько баллонов с кислородом с запасом, так, на всякий случай.

На склоне отличная погода: ветра нет, температура минус 30 градусов. Тронулись ровно в 9 часов по той же последовательности: Рашид замыкающий. Ровным, размеренным шагом прошли два часа как в зимнюю ночную прогулку. Впе-

реди мелькают лишь движущиеся вверхвниз фонари уже не товарищей, а вокруг ничего не видно. Направление неизменно с самого Северного седла. На гребне тропа становится все уже и уже и вот первая ступень с крутыми стенами. Небольшое усилие мышцами, помощь жумара и ты победитель.

В два часа ночи, сопровождаемая луной, группа подобралась под «гриб» – скала, похожая на шампиньон и размером – выше человека. Это место обозначено как точка смены кислородного баллона.

– Настоящий штурм начинается здесь, ребята, – объявил гид. – Чуть дальше готовьтесь ко второй ступени. Там придется волочить себя по китайской лестнице на высоту пять метров.

Через несколько метров Рашид по наклонному склону выходит к узкому проходу, где установилась очередь. Лестница, состоящая из шатких стремянок, связанных между собой шнурами, освещается лобовыми фонариками восходителей.

– Кто последний? – еле проговорил Рашид, пытаясь пошутить

Ответа нет. Здесь уже никому не до шуток. Здесь – «зона смерти», которая обрекает человека на гибель. Человеческий организм здесь полностью теряет способность к восстановлению и тихо вступает в стадию медленного умирания.

Все заняты своими мыслями и тревогами. Бывали случаи, когда лестница выворачивалась под тяжестью альпиниста при неправильном балансировании тела и люди падали

вниз, пополняя список тех, кто навеки легли вокруг злополучного места. Есть несколько предпосылок, усугубляющих риск – это высота, мороз, цепляющие, где не надо, кошки, неповоротливое высотное обмундирование и жуткое ночное соседство с трупами альпинистов в той позиции, в какой их настигла смерть.

Рашид, дождавшись очереди, последним наступил на лестницы. За метр до конца лестниц, правая нога Рашида с кошкой, упершись в снег под перемычкой, застряла и, чтобы ее освободить, Рашид слегка дернул лестницу на себя. И тут случилось то самое страшное, о чем гид предупреждал несколько раз: лестница начала раскачиваться.

– Аккуратно!.. – услышал он возглас сверху. – Не шевелись!.. Дай ступеньке успокоиться!..

Рашид посмотрел вниз, вверх, потом, когда под ногами почувствовал успокоение, перевел дыхание и медленно вытянул ногу из капкана. Освободившись, он выкарабкался из лестниц и ступил на снег сомнительной цепкости. Преодолев эту жуть, за поворотом Рашид столкнулся с еще одной лестницей, но более высокой и шаткой. «Сейчас будет еще один номер», – подумал Рашид. За спиной пропасть, а впереди вертикальная стена и это на высоте 8500 метров в морозе и в темноте. Рашид сжал зубы и сделал последнее усилие, задействовав все силы организма. В результате он преодолел еще одно препятствие: помог жумар, поддерживала страховка.

Снег продолжает идти, луна безучастно наблюдает с

небес, куда так близко пробрался человек, и Рашид по узкой натоптанной снежной тропе пошел вверх по склону, делая самоприказы: «Шаг – вдох – шаг – выдох». И вдруг – новое препятствие: он остановился перед узким кулуаром высотой в четыре метра, зажатый с обеих сторон зубчатыми скалами. Что делать? Нужно еще одно усилие, чтобы вытащить себя на вертикальную гору. «У тебя нет ни друзей, ни товарищей», – вспомнил он слова гида. А до вершины рукой подать. Вот что давало ему силу. Через несколько шагов – еще один кулуар с вертикальным подъемом. Рашид уже ничего не боится, и злости не осталось: он его взял сходу и почувствовал непонятный прилив сил и энергии. Неужели второе дыхание, о котором так интересовался Виктор еще вчера? Он пошел легко и догнал группу. Обогнал первого, второго, гида и ушел, подогреваемый чувством глубокого удовлетворения. Он вступает на плоскость, приближается к какому-то конусу, прёт дальше.

– Остановись! – послышался сзади голос Кириллы. – Ты уже на вершине. – Кирилл приблизился. Рашид наблюдал его, как в замедленной съемке, – вот он делает шаг, выбрасывая вперед толстую ногу в комбине зоне, подтягивает левую руку, на покрасневшем от холода части лица, под очками, нарисовалась улыбка, открыл рот и выпалил:

– По-здра-вляю!..

– Я хочу еще выше подняться, – закричал Рашид. – У меня, кажется, только открылось второе дыхание. Дайте дру-

гую высоту.

Кирилл обнял его, потом все обнимались, поздравляя друг друга.

Наступило непонятное молчание и какая-то пустота – Что ты чувствуешь, Рашид? – спросил Кирилл.

– Чувство юмора. Интересно: кислорода хватает и без баллона; тепло, хотя кругом мороз, а на груди торчат груды льда и полное спокойствие, хотя дует ветер. И такое ощущение, как будто ты в набухшем костюме больше, чем земля. Как все относительно в этом беспокойном мире! А ты?

– Я думаю о своем младшем сыне Тихоне, – по особенному сказал Кирилл, – обаятельном смышленным малыше с синдромом Дауна, образ которого я все время нес на груди – на видном месте и в невидном – в моей душе. Я сделал это ради него, и я счастлив.

– И я вместе с тобой, Кирилл, – проговорил Рашид. – Мой сын Гаджи попросил сделать фото с этой майкой с изображением Хабиба, отец попросил поднять флаг России, а я от себя – флаг Дагестана.

Группа удачно спустилась, еще по дороге получая поздравления от коллег из разных стран и континентов, которых объединяет одно – желание познать окружающий мир и неважно под каким номером в этой иерархии ты идешь. Главное – ты сделал для своего народа, для семьи то великое, на что ты способен от чистого сердца.

Ахалтекинец для Президента

«Ахалтекинцы – это золотой фонд культурной верховой лошади всего мира, последние капли того источника чистой крови, который создал всё верховое коннозаводство».

В.О. Витт

Пролог

Ольга находилась на обслуживании лошадей, когда ее позвали к директору предприятия. Она вошла и тихо поздоровалась. Директор Султан как стоял возле окна, наблюдая за заводом, в котором померкла жизнь, так и продолжал стоять. Типичное настроение во всем коллективе – упадок сил и оптимизма.

– Присядьте, Ольга, – наконец выговорил он с присущим ему акцентом.

– Вызывали?

– Вызывал, – подчеркнуто произнес он. – У нас плохие дела. Вчера была комиссия из полиции, интересовались о финансовых делах...

– Что, не могут посчитать пять миллионов рублей, которых выделили на восемьдесят четыре головы маточных лошадей. Какой позор! – Ольга выразила свое возмущение.

– Дело не в финансах, – пророчески проговорил Султан, – я подозреваю, что нам готовят судьбу конной фирмы «Джигит»: расформировать, лошадей на колбасу, а людей под сокращение.

– Неужели? – округлив глаза, выдавила Ольга.

Запищал телефон на краю стола. Султан с пренебрежением подобрал его и, когда увидел номер абонента, встал со словами:

– Из минсельхоза... Да, да, – ответил он уже в трубку, затем притих. По гримасе на лице Ольга могла догадываться, о чем идет речь. – Да, да, – вновь ответил Султан с сияющим лицом. Ольга подумала, что ему передают хорошие новости. – Хорошо, хорошо, Магомед Гамидович. Да, конечно. До свидания. – Он выключил телефон, опустил руку и продолжал стоять в ступоре, оценивая ситуацию. Ольге быстрее хотелось услышать сказанное министерским чиновником.

– Что там? – поинтересовалась Ольга.

– Хорошая новость, – сказал Султан, обретая дар речи. – К нам собирается приехать Усманов.

Теперь Ольга впала в оцепенение, рассуждая о мотивах визита.

– Это хорошо или плохо? – спросила она.

– Визит чиновника такого ранга не может означать плохое, – вслух рассуждал Султан. – Плохое они скрыто оставляют на бумаге, заочно. Нам надо бы подготовиться, Ольга. Подарить что-нибудь. Кстати, как сейчас поживает Кел?

Ольга помрачнела. Кел – жеребец двух лет, чистокровный ахалтекинец которого она забрала из конюшни и отдельно выхаживала у себя дома для селекции. Кел был радостью ее жизни.

Султан ждал ответа, а Ольга тянула, осмысливая последствия такого вопроса.

– Кела я никому не отдам, – строго выговорила Ольга, глядя директору в глаза.

– Но это может спасти нас от разорения, – вкрадчиво произнес Султан. – Все-таки Усманов, и он вряд ли может осчастливить любого своим визитом. И с нашей стороны будет не этично, если хотя бы не предложим ему коня.

– А если он не откажется?

– Отдадим, подарим.

– Я Кела никому не отдам, – решительно проговорила Ольга и встала. – И не забывайте, что мы занимаемся селекцией. – Она съежилась и директор смягчил свой натиск, хорошо зная жесткие нравы коллеги, когда речь идет о ее любимцах. – Зачем звали? – сурово спросила Ольга, прежде чем покинуть кабинет директора.

– Я, я... хотел поинтересоваться о Келе, – мучаемый сомнениями, ответил Султан.

– Для полицейских, что ли? – с сарказмом спросила Ольга, зная, что статус получателя повысился.

Султан ее вопрос оставил без ответа, но вдогонку сказал:

– На собрании выступишь и скажешь о наших плачевных делах. Я могу положиться только на тебя.

До центральных ворот заводской конюшни оставались несколько шагов. Ольга с кормом для лошадей остановилась и оглянулась, в один момент воскресив в памяти былые счастливые дни конезавода. Основанный 50 лет назад, он по достоинству стал лучшим местом для отдыха и развлечений горожан. По периметру были расположены конюшни, бего-

вые и рабочие дорожки, столовая для зрителей и парковочные места, которые сохранились до последнего десятилетия.

«Любовь к этим божественным животным наложила нестираемый отпечаток на мою жизнь: поступила в зоотехнический техникум, стала жокеем. Жилетка, сапоги, перчатки, хлыст стали моими рабочими инструментами. Я быстро научилась стать единой целой с лошадью, я садилась на ее спину и она воспринимала меня как продолжение своего тела – никакого напряжения и нервозности.

Это полное доверие.

Хорошо помню первые уроки, в которых я сделала ошеломительный прорыв – за несколько часов езды у меня получилась синхронность команд и исполнений при полной согласованности и равновесии».

«Прежде всего, ты должна на линии отпустить лошадь и узнать, чего она хочет: стартовать или останавливаться, уклоняться или отпрыгивать, хочет замедлиться или ринуться вперед, – говорил тренер. – Одним словом – узнать намерения лошади». Но проблема в том, что поначалу трудно предаваться намерениям лошади, предоставленной самой себе, потому что сразу появляются твои собственные. Позже тренер сказал: «Ольга, ты родилась жокеем».

Толпы людей с трибун скандировали «Ольга, вперед!» Скачки, победы, провалы. «Однажды на глазах болельщиков скакун, испугавшись препятствия, сделал сальто в воздухе. Седло скользнуло до головы и выбросило меня с лошади на

несколько метров. Перелом отдела шейного позвонка, гипс и тяжелые мысли: зачем мне это надо?» Ответ возникал тут же – любовь к этим грациозным существам и поэтому продолжаю дышать конским потом и сыростью конюшни до сих пор. Где корни таких чувств? Это где-то в далеком прошлом. Возвращение времени. «Может быть, я была царицей, где защита царства целиком возлагалась на скорость, выносливость и прыткость ахалтекинца и оттуда в ушах часто стоит топот копыт, тупые звуки железных подков и хор рыков, жалобные стоны или скулеж раненных, истекающих кровью на поле брани лошадей.

Я первой мчалась на гору и созерцала приближение табуна, мысленно представляя движение древних войск. Ветер треплет их макушки, их ржанье возвещает сотворение мира и поступательное движение к цивилизации.

Туда ли пришли?»

Ипподром разрушен и брошен, трибуны варварски сломаны – нет, ничего не осталось от бывшего величия, лишь коллектив, который остался верен своим принципам и отношениям к животным, несмотря на трудности и мизерную зарплату. «Нет, Кела я никому не отдам».

Она продолжила шаг, взялась за ручку – и опять погружение в мысли. Ей было тяжело открывать двери и видеть, как несколько десятков очаровательных лошадей высунут головы из денников и уставятся на нее. «Они голодные – нормы рациона сократили в пять раз и получают два кило овса вме-

сто положенных десяти. Сколько еще они могут протянуть? Но в любом случае я буду с ними до конца».

Она молча прошла по центральному проходу, рассыпая горстки овса по денникам, которых хватит всего лишь, чтобы разжечь аппетит и сделать их голод еще более мучительным. Остановилась напротив жеребца «Колье», трех месяцев от роду. Боль и страх. Вид изнеможенный, шерсть в лохмотьях, глаза безжизненные, тонус вялый. Она погладила по спине – тот в ответ фыркнул. Ольга осмотрела жеребца с ног до головы. Замечательные данные: грациозная стойка, высокий рост, мышечная основа, готовая к динамике и совершенству – нужен только уход, здоровый корм и тренировки до последнего пота. Без сомнений, он мог бы показать всё, на что способен ахалтекинец.

Встреча с Усмановым

Готовясь к встрече с Усмановым, на свои же деньги купили известь, краску, цемент и стали наводить порядок на видных местах территории. Через неделю в ворота завода въехал Усманов в сопровождении многочисленной свиты. Все вышли из машин, Усманов – последним. Он вылез из машины и окинул взглядом просторы завода, приложив ладонь ко лбу. Скользнул взглядом по конюшне и на мгновение задержал его на кучке лошадей, которые толпились у стены. У них от недоедания проступали ребра по бокам, глаза слезились. Кобыла, вытянув шею, вынюхивала землю – видимо, собрат уже подобрал оттуда сухие ячменные стебли. Их специально подогнали, чтобы руководство увидело воочию удручающее состояние животных. Усманов, закрыв глаза, сделал глубокий вздох. Утром прошел дождь, тучи рассеялись, и солнце ярко светило. Напоенный живительной влагой воздух был свежим и бодрящим.

– Какая красота! Вот бы здесь построить санаторий! – произнес Усманов.

Директор сбит с толку: что это? Клинический синдром власти и потеря реальности?

Султан попросил толпу пройти в зал заседаний.

– Главный вопрос дня, – начал Усманов, – это ответ на вопрос, нужен ли нам конный спорт и разведение лошадей.

Если скажете «да», то придется ответить и на последующий вопрос: а откуда брать деньги? – Он посмотрел по сторонам, по лицам чиновников и остановил взгляд на министре сельского хозяйства.

Ольга, сидевшая в последнем ряду, подняла руку.

– Можно я скажу?

– Пожалуйста.

– Вы сначала ликвидировали ипподром, следом конно-спортивную школу «Джигит», теперь ополчились против заводской конюшни «Дагестанская». Можно ли понимать, что вы решили ликвидировать конный спорт, селекцию и производство лошадей на корню, аргументируя тем, что это не рентабельно. Да, у нас денег нет, потому что у нас нет возможности их заработать, хотя для этого есть все условия.

– Я что-то не пойму, – возразил Усманов, – то у вас возможности есть, то нет.

По залу прокатился смешок.

Ольга никогда не лезла в карман за словами и тут же среагировала:

– У нас нет возможности заработать, потому что нет возможности продавать, то есть, мы не участвуем на скачках ни в Пятигорске, ни в Чечне, ни в Москве. Надо, чтобы покупатель увидел результат, призовое место и имя лошади – тогда и будет покупатель.

– А что для этого нужно? – спросил Усманов.

– Нужны деньги, – ответила Ольга, – а вместо помощи

в министерстве нам настойчиво навязывают банкротство и ликвидацию.

– Опять сто пять, – с иронией произнес Усманов, поворачиваясь за ответом к министру.

Тот опешил:

– В министерстве сельского хозяйства задачи по ликвидации предприятия нет, – сказал он. – Но нерентабельные предприятия, от которых нет никакой пользы, бесконечно поддерживать финансово мы не можем. У нас просто нет другого выхода.

– Хорошо, – согласился Усманов. – А почему не помогаете вывозить скакунов на скачки?

– Они это связывают с тем, что нет средств. А кто их будет финансировать? Необходимо, чтобы они зарабатывали сами по принципу самоокупаемости. Они ведь каждый год получают приплод. Почему они его не продают?..

Вот вопрос!

– Почему не продаете? – спросил Усманов.

– Я же сказала, – опять с ответом встала Ольга. – Нет денег.

Усманов огляделся по сторонам. В зале опять смех.

– Ну хорошо, вы мне можете честно сказать: сколько вам нужно денег, чтобы начать зарабатывать?

– Миллионов пятнадцать, – раздался голос из зала.

– Пятнадцать миллионов!?! – удивился Усманов. – Зачем вам столько денег? Можете сказать хотя бы приблизительно-

ную смету расходов?

– Да, два миллиона на корм, – ответил конюх.

– А остальные тринадцать?

Пауза в зале затянулась.

– Остальная сумма тем, кто кормит, – выкрикнул зоотехник из зала.

Шутку оценили и все засмеялись.

– Я так думаю, – предположил Усманов, – у вас, наверное, штаты раздутые?

– Двадцать восемь человек всего, – отрапортовал директор. – Самый необходимый для организации работ: замдиректора, бухгалтер, зоотехники, механизаторы, слесаря...

– А эта красивая девушка с острым языком – кто по должности? – спросил Усманов, указывая на Ольгу.

«Запомнил, – подумала та, – теперь начнется месть». Ее щеки порозовели под взглядом десятков глаз, от чего ее природная красота стала более выразительной: большие широко расположенные глаза свидетельствовали о широком кругозоре, прямой нос идеальной формы – о теплоте и сердечности: такие люди ставят перед собой большие цели. Ольга, вспомнив Чехова, улыбнулась: «Пусть все думают и ломают голову, что у тебя на уме».

– Она тренер, – ответил директор. – Ее зовут Ольга.

– А фамилия?

– Агеева.

Усманов повернул голову и что-то нашептал соседу, по-

том объявил:

– Я вам дам пятнадцать миллионов. Пойдет?

– Спасибо вам большое, – отозвался рабочий. – Ахалтекинцы – это, прежде всего, престиж республики и показатель того, как правительство и Усманов заботятся о редких лошадях. Спасибо вам.

Реакция рабочего очень пришлась по душе Главе.

– Я вам дам не пятнадцать миллионов, а двадцать, – окончательно расщедрившись, объявил он.

В зале раздались аплодисменты и одобрительные возгласы.

– Можно мы вам продемонстрируем наши возможности и способности наших лошадей, – предложил директор, – чтобы вы четко представляли, куда уйдут эти деньги и на что способны наши питомцы, если за ним будут ухаживать? Речь идет о лошади под названием Кел.

Гости и персонал завода встали по кругу. Двухгодовалого жеребца Кел никто до этого не видел, и взоры всех были устремлены за угол, откуда должен был появиться Кел в сопровождении тренера и жокея. Ольга завела лошадь за узды – перед публикой предстал жеребец изящных форм: голова удлиненная, телосложение поджарое, затылок хорошо развит, глаза крупные и выразительные, вытянутая изящная спина, растянутая грудная клетка, с удлиненным широким крупом с тонкой кожей, низко посаженная грива, с нежной блестящей шелковистой шерстью с желтовато-перламутро-

вым оттенком – выглядел как настоящее произведение искусства.

Все ахнули. Усманов не сдержался: наклонился к Султану и стал расспрашивать о лошади. Султан придвинулся поближе и, пока Ольга водила лошадь по кругу, стал рассказывать и хвалить детище завода.

– Ахалтекинец, – сказал Султан. – Эта порода относится к числу чистокровных, так как за пятитысячелетнюю историю не имела скрещиваний с другими породами. Лошадь отличается от других пород высоким ростом, сухим телосложением и необыкновенным природным изяществом. В древние времена этих лошадей выводили в парфянском царстве, позже в Туркменистане.

Они не изменились, сегодня они смотрятся также как тысячи лет назад. Александр Македонский созерцал эту красоту две тысячи лет назад, также как и мы сейчас. – Усманов пошевелился. – Консул Древнеримской республики Помпей получил в подарок ахалтекинца, который мог преодолевать сто пятьдесят километров в день. Их в своих походах использовали Чингисхан, и персидский царь Дарий...

– Как восхитительно – просто одно загляденье, – прокомментировал Усманов. – А сколько такие лошади стоят на рынке?

– Миллион и больше, – ответил Султан. – Это зависит от показателей на скачках.

Ольга к тому времени успела сесть и продемонстрировать

подъем на дыбы, танец под лезгинку и аллюр. Османов позвал ее к себе. Потом он потянул руку, чтобы погладить лошадь по голове – Кел громко фыркнул.

– Скажите, а этот жеребец смог бы победить на скачках на Приз Президента.

Ольга замешкалась.

– Конечно, – ответил Султан. – Вполне сможет.

– Что для этого надо? – Глава вспомнил предыдущий диалог в зале, и его губах тронула смешинка. – Ну, сколько надо корма для нормального вскармливания до двенадцатого июня?

– Одну тонну овса, – ответила Ольга. – Витамины, сахар.

Усманов сунул руку в карман и достал десять тысяч рублей.

– Возьмите – пусть это будет лично от меня. А так на весь завод мы выделим не двадцать миллионов, а больше – пусть они прославляют Дагестан.

Злая ирония

Радости коллектива завода не было предела. Директора пригласили в министерство сельского хозяйства. Он предупредил коллектив, что едет за деньгами. Однако радужные планы на перспективу вскоре разрушились.

Султан вошел в кабинет министра в прекрасном настроении. Но, увидев на лице министра мину, стер улыбку и сосредоточился, поняв, что речи о деньгах не будет, более того: случилось что-то непоправимое. Он опустился на стул, положил руки на стол и стал ждать, пока министр закончит изучение документа, к которому было приковано его внимание.

– Как у вас дела? – спросил Султан, чтобы нарушить нависшую тишину.

– У нас все хорошо, – ответил министр и толкнул лист бумаги в сторону Султана, – а у вас всё плохо.

– Что это?

– Читайте!

После первых же строк у Султана от ярости закипела кровь, как будто огонь пробежал по жилам: перед ним легло постановление правительства о ликвидации его завода. На его лбу выступила испарина. Он полез в задний карман и достал платок, чтобы вытереть лоб. Он отпихнул документ и бросил свирепый взгляд на министра.

– Это ошибка, господин министр.

– Нет, это не ошибка, это – постановление правительства республики о ликвидации нерентабельного предприятия, которое бременем легло на ее бюджет.

– Это же... – хотел возразить Султан, но министр его оборвал.

– Нет, это не преступление, а просто необходимость, – протараторил министр. – Несмотря на то, что предприятие ликвидировано, завод со всеми помещениями никуда не денется. Мы ищем инвестора, чтобы передать ему территорию завода с таким условием, что он не сможет изменить специализацию предприятия и создаст там рекреационную зону для отдыха людей, скачек и конных прогулок. Усманов сказал, что он обустроит новый ипподром около аэропорта. Там есть конный завод и рядом с ним прекрасный ландшафт для создания зоны отдыха.

– Такие сказки про наивных инвесторов мы уже слышали, когда вы ликвидировали единственную в Дагестане конно-спортивную школу «Джигит», – медленно, но эффектно выразил свое возмущение Султан.

– Прошу не путать вещи, – зло выговорил министр. – «Джигит» – это творение администрации Каспийска. Его ликвидация тоже их инициатива. Я вам скажу одно: плохо работаете.

– А вы?..

– Все разговор окончен, – заключил министр. – До свидания.

ния.

Султан встал, чувствуя огромную психологическую и моральную тяжесть перед коллективом и самим собой. Разительный провал, которому нет объяснений. Он, затаив обиду и не попрощавшись с министром, закрыл за собой большие массивные двери.

В коллектив по злой иронии судьбы он принес не деньги, а постановление правительства о ликвидации предприятия, которое вышло 13 апреля, ровно через два месяца после громких обещаний Главы республики о необходимости сохранения ценной породы лошадей. Султан собрал коллектив, чтобы доложить о случившемся и найти пути выхода из кризисного положения.

– Я до последнего не терял надежды, что всё исправится, – произнес он тихим скорбным голосом, – не враги же чиновники самим себе. Никакой логики, никакой последовательности. Вчера поддержка, а сегодня предательство. До последнего я верил, что завод не ликвидируют, что лошадей не сдадут. Оказалось зря. Все лошади скопом пойдут на мясо. Потому что нам запретили продавать по одной. Видимо, продавать оптом лучше – меньше пыли и шума. Но я уверен в одном – в коллективе, пропитанном братством, который сплотился в кулак и не собирается сдаваться просто так.

– Я знаю, что надо делать, – с возмущением высказалась Ольга. – Надо поднимать общественность. Выложим пост в социальных сетях: «Лошади в беде»!

– Тогда начинайте кампанию, – сказал директор.

– Я уже работаю, – сказала Ольга. – Из-за сложившейся ситуации беру на себя ответственность по сбору денег на десять тонн овса. Сено на первое время люди подкинут, а там займемся продажами, – сама думала о Келе, по которому подготовлены все бумаги для участия на скачках на Приз Президента России, – и, может быть, как-нибудь выкрутимся и завод отстоим.

– Ни шагу назад, – крикнул конюх, поднимая руку, сжатый в кулак. – Позади Москва – отступить некуда.

Все хором его поддержали.

В сети пошли публикации поддержки по всей России:

«Ой, мамочки... опять это происходит, опять ахалтекинцы... Сердце кровью обливается. Надо писать петиции, может, хоть как-то попытаться отстоять лошадей».

«Приехала. Встречалась с бывшим директором. Сейчас там выбрали конкурсного управляющего на момент ликвидации. Но работники, хоть официально уже не работают, не сидят – делают все возможное. Из-за поднявшейся шумихи разговоры о сдаче лошадей на мясо прекратились: директор пригрозил вместе с КамАЗами прислать журналистов. Они не хотят огласки, но с радостью бы избавились от 94-х голов. По одной не продаются – только все вместе. Сейчас директор подготовил список лошадей – 10 голов решили выставить на госторги! Вы представляете!? Они решили их продать через торги, наслушавшись сказок о миллионах! Денег на кор-

мá нет. Завод на завершающей стадии ликвидации. В начале сентября он перестанет полностью существовать, земля пойдет с молотка. Лошади пока на заводе... Пока. Что будет и как будет дальше – пока не ясно. Есть надежда на перемены после выборов, поэтому будем пытаться тянуть время. Вот такие новости. Даже не знаю – хорошие они или нет. Завтра ждем журналиста с “Конного мира”».

Скачки на Приз Президента

Провожать Кела на скачки перед отправкой в Москву вышел весь коллектив завода. Они лелеяли надежду: если Кел победит, то это даст большой резонанс и завод оживет с новой силой. Коневоз подъехал, шофер толкнул двери и открыл отсек кузова. Кел сопротивлялся, как мог, и не хотел залезать в незнакомое замкнутое помещение. Ольга зашла в кузов и подтянула узды – Кел послушно и доверчиво шагнул внутрь. Тренер по глазам узнала, что лошади это не понравилось. Она, прежде чем покинуть кузов, несколько раз погладила по голове и поцеловала в носик. Кел дернул ресницами в знак понимания и успокоился, но было видно, что слезы обволокли его глаза, а одна, нарисовав под глазом зигзаг, остановилась, поблескивая в свете дня. Коневоз завернул за угол, а Ольга продолжала стоять, прощаясь и махая рукой. «Этот красавец стоит всех потраченных сил», – подумала Ольга и указательным пальцем смахнула слезу, собравшуюся в уголке глаза. Провожать Кела в дальнюю дорогу пришли многие работники завода: они видели в его победе свое спасение.

Ольга вылетела самолетом из Каспийского аэропорта через три дня, чтобы встретиться с Келом уже в Москве. С аэропорта Ольга поторопилась сразу в ипподром.

Сторож, мужик за шестьдесят лет, взялся провожать Ок-

сану в денник Кела.

– Хорошо, что вы приехали рано, – проговорил старик серьезным тоном.

У Оксаны ёкнуло сердце: «Что могло случиться за три дня? Кел заболел?»

– А что случилось?

– Красивый у вас жеребец, – сказал он, повернув голову назад. – Но странный.

– Почему? – поинтересовалась Ольга. Ей не понравилась оценка сторожа.

– Все ведут себя нормально: едят, пьют. Пребывают в хорошем настроении, а этот текинец...

– Ахалтекинец, – тут же исправила Ольга сторожа: она не терпела пренебрежительное отношение к своему чаду даже в названии.

– Извините, – произнес сторож, – я так называю их из-за краткости произношения.

– Меня зовут Ольга.

– Ах, да, – выронил сторож, – я забыл представиться. – Меня зовут Федор. Я работаю заместителем директора.

Очень приятно.

– Вот как! А я подумала, что вы сторож.

Федор вежливо улыбнулся.

– Я знаю, что текинцы, то есть ахалтекинцы, – быстро поправился Федор, пока его не оборвала новая знакомая, – бывают взрывными, нелюдимыми до тех пор, пока не досту-

чишься до его сердца. Но человек, к которому он будет привязан, будет вознагражден преданностью и любовью на всю жизнь.

– Я знаю.

– Вы слышали про туркмена Бекназара?

– Да, конечно.

– У него в жизни не было ничего, кроме жеребца текинца. – Его виноватый взгляд столкнулся с улыбающимися глазами Ольги, и он не стал исправляться, найдя понимание. – Старик разъезжал по всей Туркмении и случал им кобыл. Это был единственным источником его доходов. Но однажды воры его украли. Когда он нашел воров, те наотрез отказались возвращать коня...

– ...Но через несколько дней, – Ольга вежливо продолжила рассказ Федора, давая знать, что она знает все про ахалтекинца, – воры приволокли коня к хозяину, потому что он ни разу не прикоснулся ни к корму, ни к воде.

– Да, точно, – подтвердил Федор. – Но ваша лошадь чуть кушает и воду пьет, – заключил он.

– Значит, не так скучает по мне, как лошадь Бекназара.

Оба громко засмеялись.

– Вы, я вижу, очень любите свою лошадь, но их многие спортсмены не любят и отказываются от них в пользу другой породы – просто они не хотят возиться с их капризами и тратить время на их взаимность. Не проще ли заняться пылкой породой?

– Я не согласна с вами, – сказала Ольга с обидой в голосе. – Это самые выносливые лошади на земле. Вспомните пробег туркменских всадников из Ашхабада в Москву в 1935-м году. Ахалтекинцы пробежали 4300 километров за четыре дня. Вспомним серого жеребца Араба, который в возрасте 17 лет взял препятствие высотой 2 метра и 12 сантиметров. А его сын Абсент – участник и призёр трех Олимпиад: в Риме, Токио и Мехико. Движения у него необычайно пластичны из-за того, что его предкам веками приходилось преодолевать пески пустыни. Правда, тяжело достичь гармонии движений, потому что его нервы всегда натянуты как струна, он очень горячий и восприимчив ко всему, что происходит вокруг. Поэтому меня мучают сомнения: я его вырастила и тренировала поодиночке, и я боюсь его реакции на массовость мероприятия.

– А что может произойти? – спросил Федор. – Вы должны это знать. – Он замолчал, выставив руку вперед, – Вот и пришли.

Кел, почуяв приближавшуюся Ольгу, по запаху или по голосу узнав хозяйку, заржал.

Увидев Ольгу, он раздул ноздри и стал бить ногами землю, затем несколько раз двинул головой вниз-вверх, потом попытался встать на дыбы, хвост задвигался из стороны в сторону.

Федор, наблюдавший за сценой, стоя в стороне, заметил: – Узнал, малый. Убежден, что эти грациозные животные

не хуже людей умеют испытывать сильные эмоции, сдерживать которые они порой не в силах, и тогда мы видим искренние лошадиные слезы счастья. Я желаю вам победы и хочу, чтобы вы увезли в Дагестан Приз Президента.

– Спасибо.

– Еще до скачек увидимся, – дружелюбно произнес Федор. – Я поделюсь с вами некоторыми секретами скачек и особенностями. До свидания!

За день до соревнований на ипподроме стояла предложенная погода, сопровождавшаяся магнитной бурей. Ольга верхом галопом проскочила мимо трибун. До этого она прошла шагом десять минут, рысью – минут двадцать, затем кентером⁵ – полтора километра и осталась довольной. Кел выполнял все команды и показал хороший рывок и скорость. На заключительной тренировке показал резвость на дистанцию 800 метров 44 секунды, а это уже серьезная заявка. Во время всей тренировки она чувствовала на себе внимание людей на трибуне. Кто это может быть? Ответ был в том, что красавец Кел не мог оставить равнодушным никого, кто любит спорт и лошадей. Как только слезла с лошади, она отблагодарила Кела лакомством и заметила, что с трибун поднялись двое незнакомых мужчин и стали приближаться к ней. Она напряглась.

– Здравствуйте! – поздоровался коренастый. – У меня для вас хорошая новость, мадам.

---

⁵ Лёгкий галоп. – Прим. ред.

Ольга скорчила рожицу.

– Вы меня с кем-то путаете, сэр, – с иронией отозвалась

Ольга. – Здесь я никого не знаю и меня никто не знает.

– Речь идет не о вас, а о вашей лошади.

– А что моя лошадь?

– Посмотрите вон туда, – мужчина рукой указал на трибуну, где Ольга увидела араба, закутанного в шарф. – Увидели?.. Он хоть сейчас готов выложить вам крупную сумму. До скачек.

– Я лошадь не продаю, – категорично ответила Ольга.

– Три миллиона рублей и вы не хотите ее продать?

– Нет. Завтра я на моей лошади могу заработать тридцать миллионов. Зачем я должна продать ее сегодня за три?

Мужчины заржали, как лошади. Это выдало в них простых посредников.

– Вы большой оптимист, однако, – произнес коренастый, унимая смех. – У нас другая информация относительно ваших желаний. И как можете победить, если у вас нет денег, чтобы нанять даже опытного жокея?

– Это секрет, – строго заявила Ольга. – Что за информация у вас? Тоже секрет?

– Нет, – ответил он, – вам всего лишь достаточно засветиться на скачках, чтобы не закрыли ваш конезавод, так ведь?

Ольга вспомнила Федора и пожалела, что разоткровенничалась с ним: «поделился секретами скачек» называется.

У Ольги из-за переживаний за последние дни была выраженная заторможенность: не могла быстро принимать решения, пропадал интерес к работе, не хотела заводить лишние разговоры. Два дня назад к ней подходили какие-то люди и интересовались о весе, росте, скорости Кела. «Да, молния, а не лошадь, – прокомментировал один из них. «Может, он прав насчет жокея», – подумала Ольга.

– Вы такая же красивая, как и лошадь, – начал подхалимничать второй. – Как вас зовут?

– Мое имя не имеет никакого значения для вас, – сказала Ольга, склонив голову набок. Ее волосы свисли с головы, закрыв один глаз. – Моего жеребца зовут Кел.

Ольга ушла, держа Кела в поводу, чтобы он успокоился и обсох. Завтра – решающий день и предстоит уйма дел.

День скачек

Ольга от волнений и переживаний долго не могла уснуть. Сделала несколько звонков домой и на работу. Султан заявил: «Смотри – не подведи: все болеем за тебя». Хорошая моральная поддержка.

На Центральном Московском ипподроме с утра царит атмосфера праздника: этот спортивный форум собрал первых лиц государства, видных деятелей культуры, искусства, бизнеса. Женщины в шляпах, мужчины в черных костюмах – «дресс код» называется. Фасад центрального входа украшен большим красочным плакатом:

Скачки на Приз Президента Российской Федерации

«За сорок пять минут я должна быть на весовой, где все начинается и заканчивается. Много людей и много шума.

Здесь собрались специалисты конезаводов, тренеры, жокеи, судьи, журналисты, весовщики, прочие работники ипподрома – они строят планы, обсуждают скакунов, соперников и плетут интриги».

– Здравствуйте, – не узнавая собственного голоса, поздоровалась Ольга. В ответ раздался хор голосов. Здесь она никого не знает, но почему-то все узнают ее. Вчерашние покупатели тоже, наверное, где-то здесь.

– Здравствуйте, Ольга, – выйдя из толпы, поздоровался

Федор. «Вот он где». Проходите сначала в раздевалку – там вам гардеробщик поможет с выбором одежды.

– Спасибо, Федор, – ответила Ольга с укоризной. – У меня к вам возник вопрос.

– Какой? – чуть поразмыслив, сказал Федор, – давайте потом...

Он молча провел Ольгу к гардеробщику.

– Василий. Позаботься, пожалуйста, она из Дагестана и первый раз, – объявил Федор и исчез.

Ольга подобрала подходящую экипировку: свитер, шлем, бриджи, сапоги и хлыст. Еще минута и она готова встать вместе с Келом и со всеми вещами на весы.

Она ничего не ела со вчерашнего вечера, живот урчит, нервы и волнение на пределе. Рядом с весами сидит весовщик и судья. Весовщик сначала посмотрел на нее, потом на бумаги, которые лежали на столе, потом снова на Ольгу.

– Вы жокей? – спросил он с удивлением.

– Да, – ответила Ольга.

– А где тренер?

– Я, – ответила Ольга.

– А хозяин лошади кто?

– Я, – смущенно ответила Ольга.

Вокруг все засмеялись.

Весы не хватило и весовщик стал запихивать под седло пластинки из свинца. Когда завершилась процедура взвешивания, Ольга вздохнула с облегчением. Она, наконец, вы-

шла на открытый воздух: люди заполнили трибуны, играет оркестровая музыка, развевают разноцветные флаги. Рядом топчутся участники забега. Она узнала лошадь прошлогоднего победителя из Чечни, опытного жокея Мирзабека Каппушева из Карачаево-Черкесской республики, жеребца жокея Александра Чугуевцева. Все они подозрительно подглядывали на Кела.

Через час началась официальная часть. С приветствием к участникам и гостям выступил министр сельского хозяйства. Ольге казалось, что все это происходит во сне – ей не верилось, что дни, часы и ночи, потраченные на тренировку Кела, могут оправдаться и принести какую-нибудь пользу. Она мысленно была там, в Махачкале, среди своих, на конезаводе, который постигла трагедия. Наверное, все другие здесь ради спортивного интереса, но не она – ей нужна эта победа: жертвуя одним Келом, она сможет спасти девяносто других лошадей – лишь бы повезло.

Откуда ни возьмись, возле нее вырос Федор. Он подошел близко и схватил за узды.

– Ольга... на старте выбери середину... Ты меня слышишь?..

Ольга хмыкнула.

– Это весь ваш секрет?

Федор в ответ улыбнулся.

– Да, но самый главный. Ясно представь три момен та. Первое – не думай о славе, которой окружена это работа

под видом камер и журналистов. Романтика быстро проходит, оставляя тебя с чувством опустошенности. Второе – не допускай мысли, что эти именитые жокеи и прославленные скакуны лучше тебя. Поверь мне: на этих спортивных дорожках я видел многое и иногда случается такое, чего не ожидаешь никогда.

– А третье?

– А о третьем в твоём положении скажу тебе после победы. На старте выбирай середину.

– Почему середина – я люблю край.

– Твой жеребец неопытный и его могут вытолкнуть, понимаешь. Он так возбужден незнакомым шумом, людьми, запахами – может повести себя неадекватно, и ты потеряешь уверенность, это – поражение.

– Спасибо. Посередине так посередине.

– Работай хлыстом. Один его вид приводит лошадь в истерию. Хлыстом подбирай ритм, темп, подъем ног, но только не бей, если хочешь скакать еще раз. Я знаю: твои соперники будут бить по крупу, по плечам, по голове и даже по глазам... – Спасибо, Федор.

– У вас есть все шансы победить.

– Спасибо.

Загремел громкоговоритель ипподрома:

– Дамы и господа...

Люди на трибунах замерли в тревожном ожидании.

После парадного круга жокеи вспрыгнули в седла и напра-

вились к старту. Там стоят стартовые кабины с канатом на уровне плеч.

Совещание у Усманова

Тишину в кабинете Главы республики прерывало лишь тиканье больших настенных часов. Усманов держал в руке документы о переделе собственности теперь уже бывшего конезавода, но, чтобы поставить точку в этом деле, не хватало последнего шага – как ликвидировать там поголовье лошадей: было такое ощущение, что против этого восстал весь народ. Усманов поставил вопрос ребром:

– Вы заварили эту кашу и когда вы собираетесь её съесть?

В четырех стенах повисла гробовая тишина: молчал премьер-министр, безмолвствовали министр и заместитель.

– Подняли такую шумиху в интернете, – начал жаловаться премьер-министр, – что не хочется об этом даже думать. Чувствую, что добром это не кончится.

– Я сделал все, что смог, – заявил министр. – Несмотря на сопротивление, мы провели все согласования и подвели черту.

– А я причем?.. – пожаловался его заместитель. – Были бы деньги, я бы кормил этих лошадей всю жизнь.

– Деньги, деньги, – с сарказмом прорычал Усманов. – Только я один знаю, что ты идиот, зато вся республика теперь знает, что я дурак: обещал не пятнадцать, не двадцать, а еще больше миллионов, а через два месяца показал им фигу. Всё из-за тебя!

– Что мне делать, – начал оправдываться заместитель министра, – два месяца назад деньги были, а теперь нет.

Резко распахнулись входные двери и на пороге с открытым ртом замер помощник.

– Что случилось? – возмутился Усманов. – Ворвался, как индеец, и встал, как истукан!..

– Включ... включите первый канал телевизора, – еле вы говорил помощник от волнения.

По первому каналу шел репортаж из Москвы о скачках на Приз Президента Российской Федерации. Когда увидели Ольгу на лошади, у всех мурашки побежали по спине.

Голос диктора продолжал представлять участников гонок: – Под пятым номером выступает представитель конезавода «Дагестанский» Ольга на скакуне под названием Кел.

Всё внимание волнующихся чиновников было приковано теперь к телевизору: до конца забега они не отрывали глаз от экрана.

В кадрах мелькали холёные лица гостей, лошади, жокеи, тренера. И вот опять объектив ловит старт. Одна лошадь остановилась перед площадкой и не хочет двигаться вперед. Это лошадь Ольги Агеевой. Она оглядывается назад, прося о помощи. Федор и еще несколько человек из обслуживающего персонала стали приближаться. Они с трудом затолкнули Кела на стартовую позицию.

Шум притих, все, затаив дыхание, наблюдают над главным событием дня – стартом скакунов, после которого через

несколько секунд объявится лидер.

Рядом с Келом напрягся жокей из Черкесска, через секунду сжался и взлетел мощный гнедой конь жокея со Ставрополя. Кел стоит на месте. Что такое, черт возьми. Ольга прижала колени, стукнула хлыстом по крупу и Кел, наконец, тронулся с места, потеряв драгоценные секунды и понесся догонять ринувшихся вперед скакунов.. У Ольги не осталось надежды на победу после отставания на старте. «Эх, Кел – ты меня подвёл». Крики с трибун становились сильнее, разношерстная толпа гудела. От шума трибун дрожит воздух и возбуждается необъяснимое волнение.

Единственной реальностью между небом и землей для Ольги стала скорость. Обогнать последнего – первая задача. Голова Кела качается вверх вниз, ноги шаг за шагом сжимаются и разжимаются все быстрее. «Резвость, которую я так тренировала в нем, радует. Мир сжался до маленьких размеров между первым и последним скакуном, и надо залезть туда – внутрь, чтобы не оставаться аутсайдером». Может произойти, что угодно – и произошло: Кел догоняет группу, потом на такой же бешеной скорости обгоняет еще одного. Шум на трибунах усиливается. Ольга чувствует связь с трибунами и то, как голоса нарастают с каждым успехом Кела – «болельщики на моей стороне». Еще одно мгновение – Ольга перестала что-либо слышать, она вся целиком превратилась в скорость. Половина дистанции уже позади, и она пятая. Вот он последний поворот.

Ни хлыста, ни железа, ни удара, а просто крик души:

– Кел!.. Ну, пожалуйста!.. Еще один рывок!.. – громко, как бы на ухо, кричит Ольга.

До финиша несколько метров, и Кел каким-то образом обретаёт дополнительную энергию и за несколько метров до линии совершает рывок, который позволил им стать призерами скачек – третье место.

Ольга прижалась к мокрой голове Кела, поцеловала:

«Спасибо, Кел» и не смогла удержать слез.

Она сорвала с головы шлем, спрыгнула с седла и протолкнулась в весовую еще раз, по пути получая отклики и поздравления. И вот Федор с белозубой улыбкой.

– Замечательно. Просто замечательно. Ты посмотри, все поздравляют именно тебя – они видели опоздание на старте и по времени видят, что ты лидер. Знакомься, этот человек из Туркменистана и хочет поздравить за ахалтекинца.

– Спасибо, – произнес дипломат за то, что вы делаете для этой породы лошадей. Примите поздравления и от нашего президента.

– Здравствуйте, – из-за спины появились те двое, которые еще вчера собирались купить лошадь и араб вместе с ними. – Мы вам даем намного больше, чем предлагали вчера. Договоримся?..

У Ольги голова шла кругом и не понимала, чего от нее хотят эти люди. Но знала точно – расстаться с Келом она не сможет: он нужен заводу, он нужен республике.

Ахалтекинец для Президента

Усманов сидит за рабочим столом переполненный противоречивыми чувствами: от обиды – с одной стороны, и гордости с другой – он до конца не может осмыслить происшедшее. Опять забегает помощник.

– Возьмите трубку – на связи президент Туркменистана.

– Алло, я слушаю.

– Примите мои поздравления всему вашему народу за прекрасного воспитанника – ахалтекинца. Эти лошади – гордость нашего народа, символ нашей страны и часть нашей истории. Надеюсь, ваше отношение к ним будет дополнительным стимулом для укрепления наших братских отношений!

В голове всё перемешалось... Глава опустил трубку, сел в кресло и под пристальными взглядами участников заседания поднял все бумаги о ликвидации конезавода со стола, сложил вместе и порвал пополам со словами:

– Пусть процветает конюшня «Дагестанская»... Приготовьте награду для этой женщины – она одержала победу над всеми и сделала для республики больше, чем вы вместе взятые.

Федор отвел Ольгу в сторону и сказал:

– Хотите услышать третье условие, о котором я обещал вам?..

– Хочу.

– Сейчас к вам подойдет представитель администрации Президента и поинтересуется о лошади, – Федор медленно, с прищуренными глазами и вкрадчивым голосом продолжал излагать третье условие: – Цену не называйте. Вам надо просто Кела подарить Президенту, и лошадь останется в вашей конюшне. А он найдет, кому ее подарить и будет ваш Кел царствовать у какого-нибудь восточного короля. Поверьте – такой престиж стоит больше, чем деньги.

Ольга Агеева под вспышки фотоаппаратов и треск видеокамер из рук в руки передала представителю Президента поводья Кела со словами:

– Моего скакуна Кела я дарю Президенту Российской Федерации.

Кел с таким статусом живет в конюшне «Дагестанская», которая по-прежнему продолжает селекцию и производство престижной ахалтекинской породы лошадей.

Молчание орлов

О безрассудстве закона и бессердечности полицейского

Дом Владимира с деревянным ограждением стоял на широкой улице – дом знакомый во всей области. Легкий ветерок заполнял улицу ароматами весенних трав и листьев плодоносящих деревьев. Здесь пенсионер организовал питомник для орлов, соколов, попавших в беду.

Сегодня он вежливо встретил группу детей из местной школы в сопровождении учителя, которые проведут здесь урок по природе родного края. Среди них – ученик шестого класса, доброволец и помощник Даниил Краснов, его друзья.

– О, бедненькие, – проронила девочка, присев возле беркута и поглаживая холку. – Какой красивый! Как его зовут? Что с ним?

– Ранен, Света, – вмешался Даниил. – Его подстрелили. Но уже поправляется.

– Бек, зовут, – ответил Владимир. – Он стоял в стороне, давая возможность детям познакомиться с тремя питомцами: два беркута и один сокол, укрытые тряпкой. Даниил протянул пакет с рыбой Владимиру.

– Спасибо, Даниил, – поблагодарил Владимир. – У меня чуть осталось с прошлого раза. Где поймали?

– На пруду. Всем классом ходили, – с гордостью заявил

Даниил.

– Почему на глазах колпачок? – спросила Света

– В темноте они чувствуют себя спокойно – меньше стресса, – ответил Владимир.

– А что вы с ними делаете после выздоровления, дядя Вова? – спросила Света, белокурая с крупинками канапушек на лице. У Владимира сразу всплыла в памяти «Молодая гвардия» и подвиг ребят и девочек из Краснодона. «Иногда дети способны на большее, чем от них ожидают», – подумал он.

– Отпускаю на волю или отдаю в зоопарк.

– Видите, какие у нас есть хорошие люди, – произнес учитель. Одни калечат – другие лечат. Владимир Петрович, расскажите, пожалуйста, им об этих птицах. Вы знаете, некоторые из них решили посвятить себя орнитологии и стали лучше учиться. Их гаджеты молчат – все разговоры об орлах.

Владимир рассмеялся.

– Я рад, что сумел вызвать у детей интерес, – сказал Владимир. – Бек запищал. – Тихо, тихо, – успокоил он, дотронувшись до крыла. – Беркуты – очень выносливые птицы. Они часами могут парить в воздухе, высматривая жертву. При этом они используют воздушные потоки. У них мощное и сильное тело, размах крыла достигает два с половиной метра, длина – девяносто сантиметров, вес может достигнуть семи кило- граммов.

– А скорость, знаете какая? – решил осведомить Даниил. – Триста двадцать километров в час. Можете себе пред-

ставить!

– Ух, ты, – воскликнула Света, – ни одна машина не догонит.

– Не только машины, но и современные истребители уступают по маневренности и точности атаки, а их аэродинамика – это совершенство. Орёл украшает герб нашей страны, – продолжал Владимир, – как символ благородства и мужества. Они – хорошие охотники, обладают острым клювом, мощными когтями и острым зрением, которое в восемь раз лучше, чем у человека. Так что грызунам, зайцам, ядовитым змеям тяжело ускользнуть от их сфокусированного взгляда... Парящий в поднебесье беркут выглядит божественным, спокойным и уверенным созданием и не случайно древние греки приравнивали его к Зевсу. Они по праву считаются воплощением величия и мощи. Беркут в состоянии поднять в воздух животное весом до двадцати килограмм и может вступить в борьбу даже с волком и свернуть ему шею.

– Ух, ты! Их можно легко дрессировать, да?

– Конечно, – согласился Владимир. – Надо только ограничивать в еде и кормить через день, чтобы привыкали к человеку. Они за раз могут съесть до трехсот граммов мяса. Охота с ними – одно удовольствие. Но какими бы храбрыми они ни выглядели, они боятся людей, и если человек подойдет к гнезду и тронет его, то они бросают птенцов. Это является еще одной причиной их вымирания... И самое главное: орлы не едят мух, – он смолк и посмотрел в лица детей, где увидел

восхищение. – Это гордость, друзья. Это качество, которое человек должен ценить. Поэтому человек должен быть более ответственным за их популяцию. – Он посмотрел на Игоря, который внимательно слушал его, ожидая комментарии.

– Да, дядя Вова, – гордо ответил Даниил. – Орлы тем и отличаются от остальных пернатых. Мы будем драться за их популяцию...

С улицы донесся гул машины и скрип тормозов. Владимир выпрямился и через окно увидел полицейский УАЗик. Он никого не ждал и никогда не имел дело с полицией. Кто такие и что им надо? Его настроение тут же упало.

Участковый вошел во двор как к себе домой. Невысокого роста, с красными щеками и округлой фигурой. Он сделал несколько шагов в сторону и кулаком стукнул по железной бочке, которая стояла в углу между калиткой и забором.

– Корм больше не нужен – птиц забираем! – заявил он. Владимир, настигнутый врасплох, не успел разобрать сказанное, и тот добавил властным голосом. – Так, Иванченко, твоим увлечениям пришел конец. Принят закон, который запрещает держать диких животных дома. Понятно сказал?

Владимир стоял с открытым ртом, не понимая, что происходит и не веря собственным ушам.

– Вы шутите!? – выпалил Владимир, выдерживая взгляд надменных глаз полицейского, полные враждебности.

Участковый ухмыльнулся и скривил рот в одну сторону. Глаза холодные от оупевшего сознания: он явно получает

удовольствие от прессинга беспомощного человека.

Сейчас он царь и бог.

– Ты – преступник, Иванченко, и ты должен сидеть в тюрьме, – вязко, протяжно изрек полицейский. – Тебе должно быть известно, что ты занимаешься преступной деятельностью...

– Что, убил, своровал, наркоту сбывал?.. – С возмущением, выдержав паузу, произнес Владимир. – Спасая птиц, которые занесены в Красную книгу.

– Именно так!.. – заключил полицейский. – Вот поэтому я сейчас одену наручники и доставлю вас вместе с птицами на участок.

Владимир потерял дар речи и сфокусировал взгляд на бочке, в которой, казалось, все еще отдавались бранчливые слова участкового.

«Больше не пригодится... Где живу, в какой стране, – думал Владимир, – вот она линия, которая разделяет народ от власти. Сейчас она проходит здесь, во дворе: на одной стороне – я, дети и учитель, с другой – полицейский, потерявший чувство меры... И как можно было проголосовать за такой закон —с ума сошли! Депутаты от народа после избрания слепнут от высоты, на которую они возвысились, с презрением смотрят вниз и с почтением – вверх. И им наплевать, что там происходит внизу».

Дверь в сарай за спиной полицейского закрылась, раздался щелчок: замок захлопнул.

Участковый разгневался и дернул за ручку – глухо.

– Откройте дверь, – проорал участковый, – а то выломаю. – Он скорчил лицо, нахмутив брови.

– Мы вам птиц не дадим ни за что, – закричал Краснов.

– Не отдадим!.. – раздались еще голоса.

– Даниил, открой, – сказал Владимир.

Молчание.

Полицейский постоял, подумал и решил:

– Значит так, – продолжал он, лелея враждебность. – Я вам даю шанс: их долечиваете и на этом все. Если услышу, что возьмете еще кого-нибудь, пощады не будет.

Из всех преступлений самое тяжкое – это бессердечие

**Знает птица, что без
Родины не годится**

**Преодолев тысячи километров, два
беркута, временами посвистывая,
преодолевали последние отрезки
пути до Брянщины бреющим
полетом, в котором видна
величественная стать и спокойствие,
лишь колыхались перья черно-
бурого цвета на затылке. Длинные
перья, отстоящие концами друг от
друга, дают им мощь и плавность
полета. Потоки воздуха, обтекаемые
перья сверху и завихрения у
кончиков крыльев снизу создают
нулевое сопротивление, поэтому
они смогли преодолеть огромное
расстояние с Аравийского**

полуострова без особых усилий

Рассвет. Солнце огненным красным шаром медленно поднималось на горизонте, давая свет и тепло. Инстинкт продолжения рода всё больше давал о себе знать. Нужно новое гнездо, и они приступили к его возведению по всем законам, заложенным в матрицу их сознания. Айси с веткой в клюве встала на высокой ветке, огляделась, опустила в теснину между лепестками и подала голос Блэк, чтобы он сделал точно также. Высота дает безопасность и возможность видеть всю округу.

Айси часто возмущалась лени партнера и громко пищала на него, когда Блэк медлил. Качество свитого гнезда многое значит: хорошее гнездо сможет послужить им много лет. Они подбирали подходящие, иногда резкими движениями клюва обламывали крепкие ветки и таскали на вершину дерева. Несколько дней неустанного труда и большое гнездо было готово, обставленное более крупными ветками по краям и тонкими посередине. Потом они выклевывали перья друг у друга и заполняли бреши и дыры среди хворостины, чтобы устранить сквозняки. И в завершение они украсили гнездо зелеными ветками из сосны. Убедившись, что все готово для вывода потомства, они устроили себе праздник в голубом и весеннем небе: резвились, догоняя друг друга; прижав крылья стрелой, пикировали вниз; вращались вокруг по спирали, кричали – одно зрелище.

К концу апреля Айси села и снесла два яйца – природа позволяет им это делать раз в год. К этому времени сережки

ольхи напухли, удлиннились и тучки пыльцы наполнили воздух туманными облачками. Айси приготовилась к насесту: клювом подтолкнула яйца друг к другу, накрыла их поджатыми крыльями и утопила их в пушистое тепло своего тела. Начался процесс инкубации – сорок два дня Айси будет неподвижно сидеть, воедино слившись со своей плотью. Блэк знал свои обязанности – он будет охотиться один, часами будет парить в небе, высматривая рыбу в водоеме; зайчика в поле; ползучую ядовитую змею, охотящуюся на мышшь; ящерицу, греющуюся на камне. И он стрелой спикирует и камнем понесется вниз, не оставляя жертве никаких шансов: одной лапой схватит за голову, другой за спину, острым клювом вытряхнув из нее жизнь. В неясную погоду он будет атаковать из засады, когтями ломая жертве кости.

Рыбак сидел на раздвижной скамейке на берегу водоема, наблюдая одновременно за клёвом и соколом, парящим в голубом небе: как тот высматривает рыбу и скоро камнем упадет вниз, чтобы схватить ее.

Он достал пачку сигарет, открыл ее, поднес к губам и зацепил зубами одну сигарету – отработанное годами оптимизированное движение. Пачку вернул в карман, достал спички, зажег огонь, инстинктивно сложил ладони в лодочку, прикурил, сделал затяжку и закрыл глаза от удовольствия. Когда открыл их, перед глазами вырос орёл, который сидел на верхушке дерева – странно, что он раньше его не замечал. Он присмотрелся и сразу догадался: орёл ждет, пока

сокол поймает рыбу, чтобы отобрать. Вот природа! Рыбак потянул руку до ружья: у него просто так появилось желание участвовать в предстоящем сценарии и доказать, кто тут главный. Долго не пришлось ждать. Сокол устремился вниз, как выпущенная стрела. Он долетел до поверхности воды, резким движением схватил рыбу острыми когтями в замок. Вода растянутым гребнем выплеснулась от поверхности. Сокол дернул рыбу к себе, взмахнул крыльями и стал медленно подниматься. Рыбак перевел взгляд на орла: тот, чуть подождав, прыгнул с ветки и полетел в сторону сокола, чтобы догнать. Сокол что есть силы замахал крыльями, но уйти от орла с добычей — невыполнимая задача. Однако просто так сокол не отдаст добычу и будет сопротивляться. Расстояние между хищниками стремительно сокращалось, и вскоре орёл сошелся с соколом в одну точку: он вмиг перевернулся на спину и зацепился за рыбу. Движение замедлилось, и птицы вместе начали падать вниз. В один момент рыба выпала из когтей сокола и начала падать с ускорением. Орел не дал ей прикоснуться к воде, загреб в лапки и в пике по касательной стал подниматься. Рыбак выстрелил. Сраженный орёл вздрогнул, замедлил ход и упал вместе с рыбой.

Айси несколько дней была довольной: Блэк умело поддерживал ее энергию, доставляя пищу – всё было так, как она хотела. Она слилась воедино с яйцами, передавая им жизнетворное тепло, зная, что внутри них начался процесс зарождения эмбрионов. Недолгой оказалась стабильность Ай-

си – утром двенадцатого дня она услышала хлопок из ружья. Она вздрогнула и выпорхнула из гнезда, но материнская сила превзошла её беспокойство, и она вернулась в гнездо досиживать яйца. Когда Блэк не вернулся, она догадалась, что его больше нет. Теперь она одна будет заботиться о себе и будущих птенцах в этом непредсказуемом холодном мире. Она будет жить с этой тоской всю оставшуюся жизнь, потому что она выбрала его одного на всю жизнь.

На следующий день она, соорудив навес над гнездом, чтобы солнечные лучи не перегрели яйца, обессилевшая, мучаемая жаждой, выпорхнула из гнезда и попарила в воздухе, обдаваемая потоками прохладного ветра. Внизу бескрайние просторы, где трудно будет найти добычу: поля не посеяны, мышей нет. Она свернула на речную гладь. С высоты полета и телескопическим зрением она на берегу водоема заметила лягушонка, и тот стал ее жертвой. Она вернулась в гнездо усталой и учащенно дыша; клювом тронула яйца, вновь устанавливая контакт с эмбрионами. Она покрутилась и села, подбирая яйца под крылья, непрерывно оглядываясь по сторонам и назад, чтобы вычислить и быть готовой к любой опасности – теперь она одна. Она чувствовала дом, малышей и тепло, которое она творила им. Ее пространство, ее небо, ее гнездо, ее осиротевший мир. Она с особенной энергией хотела увидеть наследство и часто подглядывала на яйца, переворачивала и замечала, как тускнеет белый цвет. Птенцы формировались по закону в определенные сро-

ки, превращаясь из слизи в части тела – ножки, клюв и пух. Через 42 дня наступил кульминационный момент: с утра раздались еле слышимые писки. Малыши спешили увидеть свет и, упираясь ногами в один конец, а клювом в другой стали раскалывать скорлупу пополам. К вечеру на свет появились два маленьких птенца с ярко-желтыми восковицами. Мать, счастливая, издала писк, звонкий, напоминающий лай собаки, оповещая округу о пополнении ее мира. Цыплята сразу встали на ноги и, покачиваясь, быстро сбалансировали стойку и запищали. Мать поняла: они уже хотят есть.

Даниил с друзьями проводил время на берегу пруда и заодно подлавливали рыбу для орлов.

– Даниил, как ты думаешь, отдаст орлов дядя Вова в приют? – спросила Света.

Даниил распутывал леску, чтобы закинуть спиннинг еще раз.

– Ты не слышала, что приют их не принимает, – ответил Игорь. – Дядя Вова этим делом занимается очень давно, и я не представляю его жизнь без них. Ох, клюнул. – Леска натянулась. Даниил что есть силы стал крутить ролик. Они достали сазана средних размеров. – Хороший будет ужин для Бека. Правда?

Вдруг они услышали орлиный крик, подняли головы и на фоне неба увидели беркута. У Даниила от восхищения аж челюсть отвисла. Он бросил сазана от себя – на, возьми, возьми. Даниил знал, что беркут прекрасно его видит, видит

и рыбу, но рискнет ли?

Они были не одни, кто поймал орла под наблюдение. Мужик в капюшоне, который сидел напротив в метрах пятидесяти, ушел в заросли. Его сетка плавала на поверхности воды, куда могла заскочить рыба в любой момент. Игорь догадался – браконьер: хочет поймать орла. Он решил действовать, чтобы помешать ему.

– Саша, уходим по зарослям к тому берегу. Сейчас что-то будет.

Айси видела людей, как они бросили рыбу и спрятались в кустах, и, понимая намерения человека, решила не рисковать, чтобы не стать легкой добычей. Она зыркнула глазами, включая периферическое зрение, и отчетливо зафиксировала кучу плескающих рыбин под сеткой. И рядом никого нет. Странно. Айси расправила крылья и скользнула над опушкой леса, направляясь к ветке дерева, торчавшей из-под воды на краю водоема. Она приземлилась, свистнула и осмотрелась, поворачивая голову на сто восемьдесят градусов: никого, кто может вызвать подозрение. Айси видит рыбу и выжидает: слишком все просто – вот, на тебе рыбу. Она медленно полетела к сетке, но, заметив шевеление в кустах, сделала разворот и вернулась на прежнее место. Время шло. Айси теряла терпением – птенцы голодные, им нужен корм.

Игорь с командой незаметно подобрался к зарослям, но было приличное расстояние, чтобы вмешаться. Мужик, накрыв сеткой орла, стал его стягивать со всех сторон, умень-

шая пространство взбесившейся птицы: она выворачивалась, била крыльями, закусывала капроновые нити, пытаясь разодрать ячейки. Её глаза горели бешенством, она осознала, что попала к человеку в капкан и пощады не будет. Увидев приближающееся чудовище на двух ногах, она всеми силами рванулась вперед, чтобы схватить его когтями и заклевать клювом. Но все движения скованны. Она видела ухмыляющееся лицо и протянутую руку. Последний бросок и в кровь исцарапанная рука птицелова. Затем последовали удары палкой по спине обессиленного, беззащитного орла.

– Стоять! – раздался крик со спины.

Мужик развернулся и отпустил сетку, увидев направленное на него свое же ружье.

– Вы, что, с ума сошли!? – прогремел он.

– Отпустите орла! Клянусь, выстрелю, – выпалил Игорь. «Если бьют тебя – бей! Если чувствуешь опасность – действуй первым. Если что-то обещал – делай», – пронеслись в голове слова отца. Он передёрнул затвор ружья.

Мужик поднял руки.

– Да ну вас к черту, – проронил мужик, – из-за орла погибать. Заберите его себе. Я найду другого.

– И другого ты не тронешь, – процедил Игорь сквозь зубы. Светлана стояла, закусив губу. Саша глубоко дышал.

– Игорь, не делай глупости, – сказал Саша тихим голосом, не узнавая своего друга.

– Ладно, ладно, – произнес мужик, – сдаюсь. Дай мне вый-

ти из воды.

Игорь тихо добрался до орла, произнося: «Милый, я тебя спасу. Я отпущу тебя».

Они распутали сетку, дав свободу птице. Айси странно продолжала сидеть: мысли ее были в гнезде, где два милых и дорогих птенца ждали ее. Она сделала попытку взлететь, но упала набок. Один раз, второй раз, третий раз. Игорь дотронулся до спины и накрыл его глаза платком. Птица успокоилась. Когда Игорь поднял крыло, увидел окровавленные перья и сразу догадался: крыло сломано.

Владимир Михайлович, убитый неизвестностью, сидел на кухне, глядя в окно и анализируя последние события в его жизни: «Мракобесие. Зачем принят такой закон? Беку для полного выздоровления нужен минимум месяц, соколу – недели две. Я их выпущу на волю и никакого приюта».

Жена подала чай с сухариками, постояла, открыла рот, чтобы что-то сказать, но передумала и ушла. Она вернулась через некоторое время, и увидела чай нетронутым.

– Володя, ты чо? – спросила она. – Так переживать за птиц – это негоже.

Владимир медленно повернул голову к ней.

– Ты понимаешь: думаю сейчас не об орлах – я с ними как-нибудь справлюсь, – проговорил Владимир. – Я думаю, могут ли бумаги законы заменить все грани отношений человека и природы. Как можно запретить человеку выхаживать раненную беспомощную птицу. Это же противоречить

не только разуму, но и элементарному одноклеточному инстинкту: собака спасает кошку, попавшую в беду; лев спасает детеныша антилопы. Подумай: человеку человек запрещает это делать. А не специально ли это делают, чтобы выхолаживать в душе душу, оставив там место одной ненависти. Это кому-то нужно. Здесь одно направление против человека или народа.

– О какой ненависти ты говоришь?

– А что участковый забирает у меня птиц, как он там грозился: «ты – преступник и ты должен сидеть в тюрьме», и я должен за это любить его?

– Не переживай, кто тебя посадит: старый и перхоть сыплется.

– Гм, – выдохнул Владимир. – Ты такая наивная. Сейчас сажают всех, даже мертвых. Вот, недавно читал – ветерана, старика в возрасте восемьдесят один год, сажают за то, что продал собственное ружье за двести рублей.

Представляешь. Продал и купил себе гроб, два креста и ботинки. Совершил опасное преступление – включили всю следственную мощь с обысками, допросами, свидетелями, наложили арест и утащили из дома стиральную машину. А ты говоришь! В законах не осталось места человечности.

– Да ладно тебе, ты все драматизируешь, он, наверное, пошутил. Поменять тебе чай на горячий?

– Нет, спасибо. Что-то ничего не хочется, – произнес Володя убитым голосом и, вставая, спросил: – На обед что у

нас будет?

– Борщ

– Надеюсь не с сухарями. Ты собралась приучить меня к казенным харчам, – с иронией добавил Владимир. – Пойду, выйду на улицу.

Он закрыл за собой калитку, посмотрел в одну сторону – пустота: дети, наверное, на диване с телефоном или за компьютером. Только один Игорь не такой. Он вспомнил детство: «мы целыми днями гоняли мяч, боялись заходить домой на перекус или попить воды, потому что родители могли не отпустить обратно». Повернул голову в другую сторону – небольшая группа спешно шла навстречу. Стоп! Походка Игоря, под мышкой что-то несет – рыба, наверное. Владимир заволновался. Через минуту трое ребят встали перед ним. Под мышкой – орёл.

– Отобрали у браконьера, дядя Вова, – произнес Игорь. – Он его чуть не убил. Крыло сломал, гад.

– О, братцы, – воскликнул Владимир, осмотрев птицу. – Это же девочка, и, по всей видимости, у нее должны быть птенцы. Понимаете, какое дело? Оставьте – я присмотрю за ней. Но послезавтра мне надо отвезти Бека в приют. А вам – на поиски птенцов. Посмотрите в округе на деревья ольхи.

Полицейский УАЗик остановился у дома Владимира, из которого вышли трое полицейских. Они постучали в двери, помаялись и, когда никто не отозвался, через забор откинули задвижку и вошли во двор. Участковый знал, что делать:

бесцеремонно зашел в сарай.

– Негодяй, развел тут зоопарк и еще возмущается, – про-
бормотал полицейский.

Айрис среагировала на опасность, но в колпачке на глазах она никого не видела, лишь расправила когти.

– Дай коробку и скотч, – велел участковый напарнику. – Их надо доставить на участок как вещественные доказательства. Пора поставить точку над этой историей.

Они схватили Айриса, обкрутили ноги скотчем и запих-
нули в коробку. Птица сопротивлялась и дергалась всем те-
лом.

УАЗик доехал до участка, и полицейские всполошились, когда птица подозрительно успокоилась. Они достали короб-
ку и открыли ее: птица издавала последние вздохи.

– Издохла, сука, – с возмущением произнес полицей-
ский. – Выбросьте ее.

Когда Владимир приблизился к Айрис и положил руку на
его крыло, она в последний раз открыла глаза и дернула го-
ловой. Она в тумане разглядела человека, который хотел ей
помочь и слышал громкие голоса.

– Вы ее убили! – прокричал Владимир. – Вы ее заду-
шили!

Отец Даниила сидел во дворе в тени абрикоса и читал
журнал.

– Папа, ты у меня адвокат?

Удивленный вопросом сына, Геннадий опустил журнал.

– Да. А что?

– Помоги мне.

– Что натворил?

– Ничего, – бесцветным голосом ответил Даниил. – Ты же знаешь, что я хочу стать орнитологом.

– Вот дурак, – среагировал отец. – Нет, чтобы хотя бы мечтать стать генералом полиции, прокурором!.. А этот хочет стать птицеводом. Тогда не ходи в школу: чтобы стать птицеводом, не нужно учиться.

– Я так не считаю, – заявила мать Даниила, вмешиваясь в семейный разговор.

Папа зло посмотрел на маму.

– Твоя работа?

– Нет, – коротко ответила мать. – Это его выбор.

Отец перевел суровый взгляд на Даниила.

– Сынок, мы живем в жестоком мире, где каждый готов перегрызть горлу другому, – начал Геннадий вычитывать свои мысли. – И тебе следует быть готовым, чтобы защитить себя и близких... – Я о том же, папа.

– О чем?

– Дядю Вову, моего близкого человека, забрали в полицию и возбудили уголовное дело. Нужна твоя помощь. – Геннадий встал. – Он лечил раненных орлов, – добавил Даниил.

– Идиот, – произнес Геннадий. – Теперь не будет морочить голову детям. Я думаю, что тюрьма выбьет из него спесь. Ты знаешь, что ему грозит тюрьма и штраф в один

миллион рублей?

Даниил смотрел в глаза отца и думал, что он такой же бессердечный чурбан, как и полицейские – одна команда.

Он застыл.

– Не понимаешь? – мотая головой, спросил Геннадий. – Не думай так глубоко, а то надумаешь себе еще одну проблему, которой не было.

Даниил хранил полное молчание. Внутри него кипела ярость.

– Ладно, – проронил отец. – Я смотрю на тебя и вижу, как далеко ты ушел в орнитологию. Жалко тебя. Вырастишь – поймешь, что в жизни самое главное – это спокойствие и размеренная жизнь, которую никто не сможет раскачать. Вот увидишь – судья осудит твоего друга: зачем ему идти против течения...

Даниил, сидя на диване, мысленно разбирался в ситуации, как вдруг вспомнил о птенцах и просьбе Владимира. Он, как угорелый, сорвался с дивана, направляясь к вешалке. На ходу напялил походный свитер, влез в спортивный штаны, взял бинокль и в коридоре любом наткнулся на мать, которая перегородила ему дорогу.

– Ты куда?

– В поле.

– Зачем? – спросила мать.

– У меня появилась идея.

– Я же говорил: не надо глубоко думать, – с иронией вста-

вил отец, – нашел еще одну проблему.

– Там птенцы умирают, мама.

– Не пуцу. Смотри, сколько время – пока доберешься до поле будет четыре.

Даниил выскочил из-под материнской руки и побежал.

– Скоро вернусь, мама. Не переживай.

– Ты один?

– Нет. Со мной Саша и Света. Завтра суд и надо успеть это сделать.

Злом за добро не воздавай

В судебном зале полно людей: активисты, журналисты, представители власти... Владимир сидит на лавочке с опущенной головой за железной решеткой: он не верит в то, что происходит.

Полицейский сидит в первом ряду, наплевательски жуя жвачку и откинув ноги далеко вперед, уверенный в том, что записал себе в зачет еще одно дело: начальство кроме премии, может быть, повысит в звании.

– Слово предоставляется общественному адвокату Геннадию Краснову, – произнес судья.

Геннадий встал, прочистил горло и заявил:

– Ваша честь, если подходить к делу обвиняемого Владимира Петровича формально с точки зрения уголовного закона, то конечно можно его посадить на три года со штрафом в миллион рублей. Ведь он действительно содержал у себя беркутов, которых законом запрещается хранить, перевозить и так далее. Но это – если подходить формально. Однако на то и существует высокая должность судьи, чтобы в каждом случае разбираться конкретно с учетом всех обстоятельств дела, в том числе и личности подсудимого. А обстоятельства дела заключаются в том, что Владимир Петровича фактически спас раненных птиц, вылечив их и дав им приют. Он пытался сдать этих птиц в специализированный госу-

дарственные приют для диких животных, но там ему отказали по надуманным причинам. Что же ему оставалась делать? Бросить птиц умирать? В этой связи хочу напомнить правоохранительным органам о наличии в Уголовном Кодексе Российской Федерации, кроме статей, предусматривающих конкретное наказание за совершение преступления, самой первой и самой главной главы УК РФ, где говорится о задачах и принципах УК РФ, в том числе о принципе справедливости и вины. Так в статье 5 УК РФ говорится: «Лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина». Так в чем же виновен Владимир Петрович? В том, что он спас раненых животных или в том, что приютил их в то время, как госучреждения отказались приютить? Разве будет соблюден принцип справедливости, если осудят не виновного человека. Его вина в том, что он не дал умереть птицам, и за это его хотят признать преступником. Если судья во всем этом разберется, то на основании статьи 5 УК РФ он освободит невиновного, так как отсутствие вины означает отсутствие в деянии обвиняемого состава преступления. Кроме того, обвинительный приговор будет иметь далеко идущие негативные последствия, так как ежегодно по всей России неравнодушные граждане спасают раненых диких животных, которые попали в капкан или обессилены от голода и холода. Своим обвинительным приговором судья

даст понять всем остальным, что не стоит спасать диких животных, что лучше пройти мимо! – Общественный адвокат остановился, поднял голову и, обращаясь к судье, спросил: – Так, где справедливость, ваша честь?

Он знал, что у судьи решение уже готово, и оно не в пользу Владимира, а то, что сейчас наговорил – всего лишь набор слов, которых, может быть, тот и не расслышал. Черт знает, о чем он сейчас думает – аргументы ему надо показать в глаза.

Судья в мантии удалился в совещательную комнату. Через несколько минут он возвращается. Зал застыл.

– Именем закона государства я обвиняю Виктора Петровича в совершении преступления, предусмотренного законом...

– Ваша честь! – раздался крик с порога зала заседания.

Судья смолк. Все оглянулись. В зал вошли дети. У Даниила в руке маленький короб. Они подошли к столу судьи, достали двух прелестных птенцов погибшего от рук полицейских беркута и показали всем.

– Ваша честь, – вновь обратился Даниил к судье. – Мы спасли их. Передайте их полицейскому – пусть убивает.

Судья впал в оцепенение – до него стало что-то доходить. Он потряс головой и объявил перерыв...

– Именем Закона Российской Федерации объявляю

Владимира Петровича невиновным. Рекомендовать Верховному суду выступить с инициативой о доработке закона. Возбудить дело против полицейского за действия, повлек-

шие за собой смерть животных, занесенных в Красную книгу.

У полицейского отвисла челюсть.

Владимира выпустили из клетки.

Дети вскочили и закричали:

– Ура!

Геннадий и Владимир подошли и обняли Даниила.

Яблоко от яблони далеко не падает

Тихо отходила страда, оставляя на полях солому и костры, несущие запахи дыма по окрестностям. Одинокий серый коршун парил в небе, раскинув на всю длину свои длинные крылья: он выглядывал внизу мышей, игнорируя стаю черных ворон, которые поклевывали зерна, оставшиеся после покоса. В большой клетке золотилось поле с некошенной пшеницей. Возле него маялся мужик, который катал на ладони несколько зерен, выдавленных из колоса, чтобы определить качество. Он поднес ладонь к носу, потом пожевал одно зерно и определил – классная пшеница. Увидев, как за спиной остановилась белая «Нива», из которой вышли двое: один молодой, видимо, сын, а другой постарше – коренастый, с круглыми чертами лица, он засуетился и сходу выпалил: – Кто вы такой?

– Здравствуйте, я заготовитель и покупаю пшеницу...

– Какого черта вы полезли в чужое поле? – его голос гремел, как старый патефон, путая нотки, видимо, нервничал. – Не продается.

– Извините, я не настаиваю.

Они разъехались.

Пятнадцатилетний сын вопросительно глянул на сердитого отца.

– Папа, ты почему его обманул?

– Что ты сказал? – сердито скорчив лицо и повысив тон, произнес Богдан.

– Тетя Галя уже столько дней ищет покупателя, а ты сказал, что она не продает.

Отец резко нажал на тормоза, чтобы доходчиво объяснить сыну истину.

– Ты что, дурак!?! – сказал Богдан, глядя в глаза сына. – Я не хочу, чтобы она продала зерно. Я хочу купить это поле вместе с пшеницей. Я уверен: она не справится с этим полем и, в конце концов, его продаст. И его купит, знаешь кто? Инвестор. Потом он будет косо смотреть на наше поле. Я в этом не вижу ничего хорошего.

– Но у нее есть сын, – парировал Дмитрий.

– Он еще маленький и ни к чему не способный, – произнес отец.

– Папа. Ты забыл, какой был его отец, дядя Витя – энергичный, трудолюбивый?

– Это был отец.

– А поговорка: яблоко от яблони далеко не падает... – Дима поднял глаза на папу в ожидании ответа. – Ни о чем тебе не говорит?

– Заткнись, понял? – не выдержали нервы фермера и его голос сорвался. – Яблоки, яблони... Учить хочешь уму-разуму. Открой глаза и посмотри, что кругом творится. Капитализм. Слабым и сердобольным тут нет места. Дашь слабѣнку – тебя съедят. Или – или.

«Нива» белого цвета остановилась напротив одиноко сидевшей возле своей калитки старой женщины. Ее звали баба Варвара. Из «Нивы» вышел Богдан, грузный мужчина пятидесяти лет на вид.

– Здравствуйте!

Варвара зашевелилась.

– Здравствуйте!

– Вы не скажете, где дом Борисовых?

Варвара напрягла зрение, чтобы хорошо разглядеть незнакомца.

– Я вас первый раз вижу, вы кто? – спросила Варвара.

– Я – фермер.

– Развелось вас тут, – произнесла Варвара с недовольством. – Она скорчила лицо и отвернулась.

– Чему же вы не рады? – возмутился фермер. – Народ кормим.

Варвара иронично засмеялась.

– Мне хорошо видно, как вы это делаете, – возмущенно глядя на фермера, произнесла Варвара, – особенно эти... как их называют...

– Инвесторы?.. – подсказал фермер.

– Да, они самые, – с облегчением проговорила Варвара. – Понимаете ли, эти – у них только один интерес – зерно. Ликвидаторы. Разобрали на кирпичи двенадцать оборудованных свиноферм, где колхоз выращивал тридцать тысяч свиней, и сегодня развалины стоят как символы вандализма. Они, кроме всего прочего, даже присвоили себе часть местной лечебной амбулатории и вырубил свет. Ужас и издевательства. Получается, что все работают на одного, а этот один празднует где-то за границей. Не нравится мне все это. Раньше, какой девиз был?

– Не знаю, – помотал головой фермер. – Я забыл.

– Ну, один за всех и все за одного, так же? – спросила женщина. – Коллективизм: человек без народа – что дерево без плоду.

– Наверное, – словом поддержал Богдан, чтобы не обидеть новую знакомую, которая может стать полезной.

– А теперь что? – продолжала натиск Варвара.

– Один против всех и все против одного? – произнес Богдан. – Вы это хотите услышать?

– Точно!

– Мы это уж слышали, – сказал фермер, – другие времена, мать. – Мужчина подошел поближе, осмотревшись по сторонам: – Вы смогли бы мне помочь, и я бы не остался в долгу. Надо узнать, не продают ли они поле. – Политические взгляды старой женщины его не интересовали.

Варвара сделала вид, что пропустила предложение мимо

ушей, но зафиксировала в голове, прокручивая варианты соблазна. Она оглядела его как бы с другой стороны, способен ли этот человек на жертвование. Голос – властный, лицо – волевое, глаза – карие, в теле по молодости кипела сила – широкие плечи и длинные руки. Наглец, который в молодости, наверное, покорял женщин и сейчас думает, что ему все подвластно.

– Не знаю. Может, и продают. Раз мужа нет, зачем ей поле? Хотя, кто знает – она уже научилась водить машину, а там, видишь, и трактор освоит. – Варвара пока оставалась на стороне соседки.

– Ну, а вы повлияйте на нее, – Богдан упорно продолжал отстаивать свои интересы.

– Как? – недоуменно спросила Варвара.

– Уговорите ее. Тем более, сейчас она столкнется с трудностями, – проговорил Богдан. Он облизнул языком губы в предвкушении успеха.

– Какими?

– Уборка – дело серьезное, – констатировал Богдан.

– Ошибаетесь: она уже договорилась с Буслаем, – сухо сказала Варвара.

– Буслай не будет убирать, – с уверенностью сказал Богдан. – Пауза. Варвара задумалась. – Еще, чтобы не было неожиданностей, пожалуйста, держите меня в курсе, если кто-нибудь вдруг захочет купить и опередить меня.

– У каждого своя судьба и предначертание, – пролепетала

Варвара.

– Что вы сказали?

– Я говорю, что у нее есть сын, – сообщила Варвара, слегка растворяясь в сомнениях. – Наследник

– Он же маленький, – теряя уверенность, произнес Богдан.

– Из малого выходит великое, – произнесла Варвара

– Острый же язык у вас, мать, – сказал Богдан, выпрямляясь и оглядывая улицу, задержав взгляд на доме Борисовых.

– Спросите сами, – отчужденно предложила Варвара. – А там видно будет, раз вы такой щедрый.

Наследник

Утром ясного июльского дня Галина Семеновна, женщина сорока лет со светлыми волосами, собранными в хвостик, и глазами цвета морской волны, после завтрака мыла посуду, когда прозвенел звонок в калитку.

– Сережа, – окликнула она сына, который ходил в пятый класс.

Молчание. В это время Сергей у себя в комнате сидел за компьютерным столом, впившись большими глазами в монитор, где он играл в войну танков. Он победил и, соскочив со стула, громко проорал:

– Ура!

Дверь резко открылась и вошла мать. Она стояла молча, сверля сына пронзительным взглядом – ей надоело увлечение сына играми.

Сережа, придя в себя, отвел взгляд застенчивых глаз на окно. Там росло одинокое вишневое дерево – на нем он задержал свое внимание, хотя понимал, что оно ему не помощник.

– Извини, мам.

– Твой отец не был таким, сынок, – с укоризной произнесла Галина, – в кого же ты пошел. – Длинная нравоучительная пауза. – Там кто-то стучится в дверь, пойди, посмотри.

Сережа побежал, радостный оттого, что избежал нака-

зания. Мама наказывала по-разному: могла шлепнуть, соорудить обиду, а самое страшное – могла игнорировать его несколько дней подряд. В такие дни ему казалось, что жизнь остановилась.

– Мама, там какой-то дядька тебя спрашивает, – оповестил Сергей, вернувшись со двора через некоторое время, и прошмыгнул в свою комнату.

Галя на мгновение задумалась: кто это может быть? Она сняла фартук, вытерла руки о полотенце, критически оглядела себя в зеркало, слегка поправила волосы и вышла во двор.

За калиткой стояла белая «Нива» и незнакомый мужчина. Она смерила его взглядом с ног до головы.

На ногах грязные ботинки, в не совсем чистой рубашке.

Лицо в красных прожилках.

– Здравствуйте, – произнесла Галя, подняв вверх взгляд красивых глаз, – слушаю вас.

– Извините за беспокойство, мадам, – произнес незнакомец басистым голосом. – Меня зовут Богдан. Я хорошо знал вашего мужа. И примите, пожалуйста, мои соболезнования. Мне очень жаль, что так случилось.

– Спасибо, – быстро проговорила Галя, не желая слышать подробности, потому что каждое напоминание о муже с болью отзывалось в ее сердце. – Спасибо. – Галина сделала шаг назад, давая понять, что церемония окончена.

– Подождите, – сказал Богдан деловито, хватаясь за ка-

литку, – у меня к вам один вопрос.

Галя напряглась. Фермер явно тянул с объяснениями, столкнувшись с уверенным взглядом уверенной в себе женщины.

– Видите ли, я тоже фермер и соседствую с вашим полем, – с тактом начал Богдан, – я хотел вас спросить, не желаете ли вы продать свое имение.

Галина впала в ступор, почувствовав опасность. «Откуда ему известны мои трудности», – сжалась она.

– Нет, – не раздумывая, ответила Галя решительно, – нет. Гм! Почему это я должна делать?

Богдан вскинул голову.

– Вы маленькая и слабая женщина...

– Муравей невелик, а горы копает, – тут же с гордостью произнесла Галина. Богдан растерялся и проглотил очередное подготовленное слово.

– Что ни говори, а работать на земле тяжело, – аргументировал свое обращение Богдан, выкручиваясь, – у фермера должны быть железные нервы, выносливость, как у лошади, и мозолистые руки

– Ничего тяжелого: сеешь и пожинаешь, – не отводя глаз, ответила Галя.

Затем она машинально посмотрела на свои мраморного цвета руки, где на правой кисти зияла мозоль от работы в огороде, и ей стало неудобно, когда фермер поймал её взгляд.

Богдан в усмешке сдвинул губы.

– Скоро у вас уборка, и когда вы вступите в эту битву, поймете, как легко пожинать.

– В битву? – Галина прищурилась, убирая с глаз копну повисших волос.

В отражении утреннего солнца ее лицо нежно сияло.

– Да, именно, – подтвердил свои слова Богдан, – иначе не назовешь. Такое ощущение, как будто кругом одни враги. Зависть людей. Солнце, когда нужна влага, и – дожди, когда нужно солнце. Чёрт-те что. А цены как на базаре: солярка растет, а зерно падает. Никакой стабильности. И почему, вы думаете, за год у вас в селе умерли три фермера, царство им небесное?

– Не надо об этом.

– Извините, пожалуйста. Я вас напрягаю, но правде надо смотреть в глаза: сильные дела делают сильные люди.

– Всего хорошего, – строго произнесла Галя и ушла, оставив гостя наедине со своим нахальством.

Богдан с минуту остался стоять на месте, сраженный наповал. Он подумал, что непобедимая гордость придает этой женщине особую красоту.

Битва за урожай

Придя домой и находясь под сильным впечатлением, Галя решила, на всякий случай, лишней раз напомнить комбайнёру об их договоренности по уборке.

– Алло, Василий Петрович, – начала Галя прощупывать обстановку уверенным голосом, – уборку, наверное, начнем через два дня. – Она затаила дыхание.

– А... Галина, – протянул Буслай, – хорошо, что вы позвонили. – Гале не понравились нотки его голоса. – Я извиняюсь: у меня не получается...

У Галины ёкнуло сердце, кровь ударила в виски. Она подняла руку и пальцем стала массировать висок.

– Как?.. Почему?.. Вы же обещали!.. – выдавила Галя сквозь стиснутые зубы. Она с горечью стала осознавать, что богдановская битва за уборку началась.

– Извините, Галина, – сникшим и виноватым голосом произнес комбайнёр. – Не получается.

Она села за кухонный стол и закрыла лицо руками: её нервы взбунтовались и устремились на Сережу.

– Сергей! – прикрикнула она на сына. – Ты почему не уходишь в школу?

– У нас нет урока, мам, – на ходу произнес Сергей, бросив компьютер и прибежав на крик мамы. – Ты же в курсе, что в школе нет учителей по физике и математике. Нам директор

разрешил заниматься дома.

– Ужас, – она закрыла глаза, осознавая сказанное, и успокоилась, столкнувшись с другой проблемой, более серьезной: – Что за образование будет у вас? Можешь вообще не учиться – пойдешь в фермеры.

– Мама, у меня же аллергия на пшеничную пыль, – от волнения моргая глазами, произнес Сережа, – но если хочешь...

– Нет, – несколько раздраженно оборвала его Галя. – Я ничего не хочу. Уходи!

Мальчик еще с минуту молча простоял возле мамы, раздосадованный тем, что не может помочь ей в трудную минуту.

Первым делом она решила обратиться к директору местного предприятия, хотя была уверена, что так называемые инвесторы на дух не переносят фермеров: они конкуренты. Нужно было искать комбайн: она знала, что опоздание может увеличить потери урожая.

Директор оторвал взгляд от монитора компьютера и приветственно улыбнулся.

– Здравствуйте, Галина Семеновна. Чем можем помочь? – его полуехидный и полуироничный тон заставил Галину засомневаться. Она стояла, приложив одну руку к столу в нерешительности. В другой руке она держала листок бумаги с заявлением и ручку. Классический овал лица и со вкусом нанесенные пикантные краски придавали ей изящность. Она отвела взгляд на окно.

В аквариуме, расположенном возле окна, рыбы вертелись, виляя хвостами и прильнув губами к стеклу, которое создавало предательскую видимость свободы. Даже кислородные пузыри казались предательскими. «Какая может быть любовь к существам, которых ты загнал в неволю», – успела подумать Галя. Сейчас у нее не было времени думать об этой абсурдной связи.

– Видите ли, Петр Михайлович, – начала Галя стесненным голосом, – я хотела у вас попросить комбайн... Директор начал мотать головой.

– Увы! К сожалению, не могу помочь, – с таким же довольным выражением на лице произнес директор, – у нас все комбайны задействованы. Мне лично как-то неудобно отказывать вам. Если бы что-нибудь другое, личное... вы же знаете, как я относился к вашему мужу...

– Не надо об этом, – резко оборвала его Галина. – До свидания.

Галина, выйдя из кабинета в приемную, демонстративно в ключья порвала заявление и бросила в урну. Затем, взглянув на оставшуюся в руке ручку, попыталась сломать ее, но, не сумев, скрутила ее несколько раз и бросила вслед за бумагой.

Секретарша округлила глаза:

– Что с вами? – спросила она в недоумении. – Вам плохо? Галя втянула воздух сквозь зубы.

– Борюсь с яростью, – выдавила она, выдвинув челюсть вперед, затем громко постукивая каблуками, покинула кон-

тору. На выходе на чугунной решетчатой плите сломала каблук новой туфли.

На следующий день она получила звонок от Юры Смирнова, который оказывал транспортные услуги.

– Хорошо, – заверил он сочувственно, – я завтра же приеду, посмотрю на урожай, и примем решение. Ты, главное, не переживай – я всё сделаю. Ты же не чужая.

Галя успокоилась и вдохнула в легкие воздуха столько, сколько смогла.

На следующий день Смирнов осмотрел поле и замолк. Он сник и долго молчал, прежде чем начал оправдательную триаду.

– Не получится, – коротко и напрямую произнес он, – поле кривое, то есть бугристое. У меня старые комбайны и боюсь, что не справятся.

Галя растерялась и разозлилась – хорошо, что в руке ничего не оказалось. В ее глазах золотистое хлебное поле, радующееся солнцу и ветру, потемнело.

Спрятав свою гордость, Галя позвонила закадычному другу мужа Олегу из района, успешному фермеру, у которого было много новых комбайнов.

– Хорошо, – сказал Олег. – Завтра утром я дам тебе четыре комбайна и за один день они покосят все поле. Только, смотри, я их посылаю в семь, так как до вас почти двадцать километров. Встречаешь их в восемь утра и все организовываешь, хорошо? А то послезавтра они уходят в другой район.

У Гали, наконец, отлегло от сердца. Слава богу, есть добрые люди на свете. Она рано легла спать, но сон не шел. Будильник зазвенел в семь утра. Она наливала кофе в чашку, когда услышала гул. У нее сердце екнуло. Когда сдвинула шторку, то ужаснулась: дождь лил как из ведра.

– Сережа! – растерянно крикнула она, потеряв самообладание, выронила из рук чашку с кофе, и та разбилась.

– Что, мама? – Сережа смотрел на маму со стесненным сердцем. Сурово сжатые губы изменили ее внешность.

– Это что!?

Сын растерялся и странно посмотрел на маму: всё ли в порядке?

– Дождь, – сказал он без эмоций. Потом, поразмыслив, опустил голову. «Природа ни у кого не спрашивает, как ей поступать», – подумал Сергей.

Через два дня поиски комбайна привели Галину в соседний приватизированный колхоз. Она зашла в гараж, где в полном зале исполнительный директор проводил утренний наряд. Когда он увидел Галину, его голос начал затухать и вскоре он замолк совсем.

– Кто вы? – выскочило у него бессознательно, он скользнул взглядом по красивым чертам ее лица, – вы не меня ищите?

Все оглянулись. Галя покраснела, подумав, что опять нарвалась на бабника.

– Я хотела, – начала Галя выдавливать из себя слова, –

договориться насчет комбайнов.

Видно было, директор был в хорошем настроении.

– Поможем? – бросил он клич в массы, осматривая всех в зале.

И все хором и громко ответили:

– Да-а!..

Они ей не помогли. Кто знает, может быть, от них ничего не зависело.

Босс

Дни шли. Запах уборочной страды отходил. Одни фермера зерно уже продали, другие продавали, несмотря на низкие закупочные цены. Все спешили, всё-таки у фермеров свой календарь: конец уборки для них – конец года.

Черный джип с хозяином впереди и УАЗик с агрономом, глотая пыль на хвосте сзади, спускались с холма на высокой скорости. Мужчина шестидесяти лет, плотный с лоснящейся лысиной и черными колючими глазами, жадно осматривал свою территорию в несколько тысяч гектаров.

В больших клетках, красиво прямоугольником обнесенных лесополосами, догорали кучки соломы, заполняя воздух дымом и запахами страды.

Босс, откинувшись на спинку кожаного сиденья, наблюдал за природой, в которой он ничего не замечал, кроме математических расчетов больших сиюминутных денег, и размышлял о том, как расширить свои владения.

Он, увидев на склоне бугра целую клетку оставленной пшеницы, взбесился. Параноик, он всё время думал, что его все, в том числе и агроном, обманывают.

– Это что? – спросил босс, держа в руке колосья пшеницы. Агроном чуть не умер от страха.

– Пшеница, – подтвердил агроном, не понимая причину ярости в глазах шефа.

– Почему не скошена, я тебя спрашиваю?

– Чужое поле. Вы же запретили помогать другим, – ответил агроном, отвечая прямым взглядом на взгляд

Босс, сдвинув брови, недоверчивым взглядом посмотрел на агронома:

– Ты не одобряешь?

Агроном думал, что сказать и не ошибиться.

– Видишь ли, – начал босс, нацелив указательный палец ему в грудь, – уверен: хозяин этого поля днем и ночью мечтает о том, чтобы я дал слабину и умер, и тогда у него появится возможность полакомиться моим куском хлеба.

Верно?

– Нет, – агроном коротко опроверг мнение шефа.

Босс нахмурил лоб и ошетинился

– Не понял, – босс стал смотреть на агронома как на врага.

Агроном выдержал минутную паузу, прежде чем поставить точку.

– Он умер, – выразительно произнес агроном и его слова прозвучали как удар гонга. – Ему, как и всем, достался клочок земли размером один на два. Так что такую возможность бог дал вам. – Его брови наморщились от внутреннего гнева, который он с трудом сдерживал.

Босс моргнул глазами, осмысливая сказанное, но до него так и не дошло философское понимание жизни и смерти.

– Если продают, надо взять, – сказал босс официальным тоном. – Если не продают, то надо сделать предложение, от

которого они не смогут отказаться. Так?

– Не знаю, – ответил агроном. – Вам виднее. – Агроном знал, что у этой семьи, если они продадут поле, возникнут серьезные проблемы из-за кредитов, и он их жалел, но ничего не мог поделать. А слова из кинофильма «Крёстный отец» он продолжал прожевывать с отвращением.

Отступление

– Сынок, мне тяжело об этом говорить, но я решила в понедельник бросить поле, – заявила Галина сыну, выбрав удобный момент. Она так решила, потому что, кроме маленького сына, у нее не остался никто, на кого можно было бы положиться или хотя бы посоветоваться

– Как бросить? – удивился Сережа, роняя вилку. – Решила продать?

– Да. Хочу всех обрадовать, – подтвердила она, желая выслушать простую логику сына.

– А кредиты?

– Я не знаю и некого спросить.

– А покосить, мама? – с нерешительным тоном спросил Сергей, после длительной паузы, уверенный, что мама сейчас взорвется.

Галина тяжело задышала, медленно встала из-за стола под пристальным взглядом сына, в глазах которого поселился страх, и, сжав кулаки, ударила по столу.

– Как!?! – Галя закричала. Потом она повторила еще раз, оказавшись с ним лицом к лицу: – Как? Я не могу руками с косой. У меня нет комбайна. Я больше не могу ходить и унижаться. Что... что я должна делать? Скажи мне...

Сережа сидел, не двигаясь, уставив взгляд на краешек стола. Казалось, что он перестал дышать, даже ресницы не

вздрагивали, кровь прилила к лицу, и оно порозовело. Его руки, мирно покоившиеся на столе, дернулись и сжались в кулаки, на глаза навернулись слезы ярости и беспомощности. Он, униженный и подавленный, медленно встал и ушел в свою комнату с опущенной головой и повисшими без движения, как палки, руками.

Мама, увидев душераздирающую картину, уронила голову на грудь, не в силах справиться с охватившим её отчаянием, села и заплакала...

Сила воли

Сереза уставил взгляд на фото отца, помещенное в рамку золотистого цвета, пытаясь искать ответы на непростые житейские проблемы. Тот смотрел на него с фотографии так же, как и когда говорил: «Мужчина должен быть мужчиной всегда, и это не зависит от возраста».

Состояние матери задело Серезу за живое, и он, недолго колеблясь, немедленно решил вмешаться в дело. Взяв в руки телефон отца, который со дня его смерти покоился на подоконнике, подключил к компьютеру и стал изучать контакты. Он выписал на листок бумаги последние непринятые вызовы, среди которых вполне могли быть потенциальные покупатели зерна. Он их систематизировал и повесил на стенку, чтобы подумать и поработать с каждым отдельно, понимая, что прежде надо изучить конъюнктуру на рынке зерна по интернету.

Утром следующего дня Сереза сделал несколько звонков по телефону отца и, наконец, услышал:

– Алло, – тяжелый мужской голос. – Виталий?

– Здравствуйте, – ответил Сереза.

На том конце тягостная пауза, как реакция на незнакомый юный голос.

– Извините, это же номер Виталия...

– Я его сын. Меня зовут Сергей, – быстро оборвал его Сер-

гей.

– А где Виталий?

– Он умер. Три месяца назад, – ответил Сережа сникшим голосом.

Длительное молчание.

– Мне очень жаль, Сережа, – прозвучал скорбный голос, – прими мои соболезнования. Я друг вашего отца. Меня зовут Володя, и ты можешь положиться на меня.

– Дядя Володя, я хотел продать зерно.

– Я так и понял, Сережа. К сожалению, в этом году я занимаюсь другими делами. Но я могу дать тебе телефон человека, который поможет тебе, если скажешь, что звонишь от меня. Хорошо? Запиши номер.

Соседка Варвара, заинтересованная в исходе дела, набрала номер телефона Богдана с обеспокоенным видом на лице.

– Алло, Богдан, – начала Варвара, – неприятности. Соседка моя в понедельник продает поле вместе с пшеницей инвестору.

Богдан от шока долго не мог говорить.

– Завтра же надо что-то сделать, – сказал Богдан.

– Завтра воскресенье, милый, – отпарировала Варвара.

– Ты опоздал. Видно, не судьба.

– Ничего, я договорюсь с нотариусом, главное – заверить договор. И я вас попрошу узнать, за какую цену она продает поле. Надо срочно вмешаться. Поговорите с ней, Варвара Ивановна, – я не останусь в долгу.

Утро следующего дня было самым мрачным в жизни Галины: она вынуждена продать поле и смирилась с тем, что битву проиграла. Но жизнь продолжается.

– Пока, мама, – произнес Сережа серьезным тоном, покидая свою комнату. Он держал под мышкой деловую папку отца, а в руке – его телефон, что придавало ему силы и уверенность.

– Ты куда? – спросила Галя с удивлением.

– По делам, – ответил Сережа по-взрослому, – до вечера не жди меня, а на ужин приготовишь что-нибудь вкусненькое?

Галя с минуту так и осталась стоять на крыльце с открытым ртом. Он произнес это точь-в-точь, как и Виталий: его походка, его осанка, его манеры. «Моя единственная опора в жизни. Мой маленький, вдруг повзрослевший мальчик». Ее сердце сжалось, и она пожалела, что вчера сорвалась на него: всё всегда как хорошее, так и плохое, достается самому близкому.

– Ты не завтракал, сынок, – вдогонку произнесла Галя.

– Я и обедать не буду, мама, – сказал Сережа, не оглядываясь. – Пока.

Галя осталась тоскливо смотреть на калитку, которую закрыл за собой ее сын.

Иван Павлович, бывший механик, а ныне пенсионер, стоял у себя в огороде между грядками и беспечно поливал томаты, разбрызгивая сверкающие в лучах солнца брызги:

в этом году томаты пожухли и слабо росли. Блеклая сорочка без рукавов была не застегнута и висела на боках, выставляя большой живот напоказ. Услышав голос Сергея, он повернулся, потом, бросив шланг, направился к выходу.

– О, Сережа! – он медленно приблизился к забору, – что-нибудь случилось? – ошарашенно спросил он.

– Нет, дядя Ваня. Нужна ваша помощь.

– Говори!

– Надо поехать на поле.

– Зачем?

Сергей помялся с минуты.

– Хочу зерно продать, – наконец выдавил Сергей – Ты? – удивился старик. – Ты будешь продавать зерно! – Да.

– Ну и дела, братец. Надеюсь, мама в курсе? – спросил

Иван Павлович – Нет.

– Как так? Ты хоть знаешь цены, они же меняются каждый день, – поинтересовался Иван Павлович

– Знаю из интернета – там все есть на доске объявлений.

– Как интересно. – Он стал с ног до головы изучать Сергея, вспоминая его отца, который всегда приходил на помощь другим. А сегодня его жена в одиночку борется за урожай, столкнувшись с равнодушием и предательством.

Казалось, все ждали исход ее противостояния. – Что ж, сынок, поехали!

Он застегнул рубашку, окликнул старушку, чтобы предупредить о том, что уезжает, открыл двери гаража, завел

«Москвич» и выкатил наружу.

В кабинете нотариуса стояла гробовая тишина. Варвара и Богдан общались шепотом, а Галина Семеновна отрешенно сидела на стуле возле окна. Юрист равнодушно на компьютере набирал документы купли-продажи земли. Галина сейчас ни о чем не думала, потому что у нее не остались сил за последние несколько дней, чтобы ещё о чем-то думать.

Когда Богдан забирал с ее участка последние фермерские приспособления, в уголках ее глаз собрались слезы, но она не позволила им покатиться по щекам, смахнув кончиком пальцев. «Игра проиграна, – думала она. – Хотя бы не надо показывать свою слабость».

Нотариус встал и протянул бумаги на подпись Галине Семеновне. Она взяла ручку и приложила к документу, чтобы расчеркнуть и попрощаться с полем. Она не решалась – рука застыла. Богдан занервничал.

Вдруг открывается дверь и в офис заваливается Сергей с черным пакетом в руке. Все оглянулись.

– Сынок, ты что!?! – оторвав руку от документа, спросила Галина. – Это что у тебя в пакете?

– Деньги, мама, – гордо произнес Сергей. – Я продал пшеницу.

Когда Дмитрий зашел во двор своего дома, ужаснулся: отец сидел под навесом беседки. Рядом с ним на столе красовалась бутылка водки, а в зубах он перекачивал сигарету. Дмитрий знал, что ему врачи недавно запретили пить и ку-

ритель.

– Что случилось? – спросил Дима. Он закрыл за собой калитку и стал приближаться к беседке.

– Ничего, – ответила его мама, которая стояла на крыльце, скрестив руки на груди. – Он не успел купить поле Борисовых: ее сын всех опередил и продал пшеницу.

– А я что вам говорил! – назидательно произнес Дмитрий. – Не надо было лезть, куда не надо, забыв про русскую народную поговорку: яблоко от яблони далеко не падает.

Рассказы

Смелость берёт города

Утро – время пробуждения, очищения и прилива новых сил. Ночь ушла, растворив блеклую луну в глубине неба, уступая очередь яркому летнему солнцу. Земля вращается, волоча за собой огромное пространство атмосферы, охватывающее высоту в 65 километров, подставляя остывшее от ночи тело ярким лучам Солнца. У нее нет никаких проблем: Солнце всё предопределило наперед, заставляя свои спутники вращаться вокруг себя по начертанным орбитам по строгому графику. В этом есть устрашающее постоянство, чего нет в его поданных – людях, которых оно сотворило и бросило.

У Ахмеда, сельского фермера, невысокого роста, с круглыми чертами лица, карими глазами и коротко подстриженными волосами, сильно поредевшими на макушке и сдавшими позиции на лбу, было мрачное, как ночь, настроение. Сегодня он с самого рассвета на ногах: уход за скотиной, птицами, потом в огороде полив, уборка сорняка на грядках с томатами.

«К черту всё, – сказал он, бросая лопату и выползая из грядок, которые он только что полил. – Лучше покупать на

рынке, чем возиться с ними все лето». Жена, стоя на краю огорода с открытым ртом, стала провожать его по утоптанной тропе между грядками.

– Ты томаты кушаешь – не я, – буркнула она. – Так что мне тоже все равно: вырастут помидоры или нет. Покупать тоже ты будешь. – Она тоже бросила грабли. – У соседа посмотри, какой урожай снимает: и помидоры и огурцы, перец и морковь...

– Что ты заладила с самого утра? – с возмущением проговорил Ахмед. – Да если и весь мир положить под твои ноги, будешь хорохориться как голодная корова.

– Ты что меня всё время сравниваешь с коровой! – прорычала жена. – Я худая и красивая женщина, – она сделала эффектную паузу и добавила: – Дюймовочка. Потратила всю жизнь на тебя.

– Внешность ни о чем не говорит, – парировал Ахмед. – И мне с тобой не повезло. У тебя язык как у змеи, а с годами еще появились крылья...

Столь напряженная нервозность в семье имела под собой вполне конкретные причины. Ахмед не смог посеять рис на подготовленной ниве из-за отсутствия семян: планы на семейное благополучие разрушились. Они содержали двух студентов и внуков, которым надо кушать и одеваться. Кроме того, бесконечные свадьбы родственников, дни рождения и другие общественные мероприятия. Ахмед все эти тяготы до поры до времени нес на своих плечах. Но с наступлени-

ем перемен в экономическом устройстве района все его возможности и планы рушились как карточный домик. Его авторитет как главы семьи упал до плинтуса и продолжал падать дальше.

– Ты куда собрался? – наконец вырвалось у жены, увидевшей, как муж, выйдя на крыльцо, с жалким видом натягивает галстук сверх белой сорочки.

– В Ереван, – издевательски произнес Ахмед. Он помнил с детства: так отвечал его отец матери, когда хотел скрыть свой маршрут движения. Может быть, так же отвечал его предок, который действительно в каком-то веке прокладывал путь в Ереван.

– А если честно? – спросила жена, смягчая свой нрав и жалея, что частенько стала срываться на нем в последнее время. «Крылья появились». Ее даже дернуло бросить взгляд на свои плечи, чтобы убедиться в предположении мужа. – Извини.

– В Махачкалу поеду на разборки.

– Поезд ушел, – произнесла жена. – Зачем нам семена летом? У тебя не хватило смелости потребовать их вовремя. Если только на следующий год.

Ахмед поднял взгляд, полный враждебности.

– Ты суешь нос не в свои дела, – сурово произнес Ахмед, ставя ударение на каждом слого. – Речь не о семенах, а нечто другое.

– Извини, дорогой.

– Вот так-то лучше, – сказал Ахмед, наконец, одобряя пораженческие слова жены и направляясь к выходу.

– Но правде надо смотреть в глаза, – выдала жена заключительное слово. Она не успокоилась и жаждала продолжения диалога. «Победа должна быть за ней в любом случае, а то лопнет, если не доскажет. Такова женская природа, подумал Ахмед, особенно моей половины. – Женщины сами себе проблемы создают».

Он помотал головой и закрыл за собой входную дверь, исчезнув с глаз жены долой. Потом сел на лавку возле забора и стал ждать сельского таксиста, которого заказал вчера вечером. Тот появится на своей старой «шестерке» на полном газе, желая выдать себя за Шумахера, стуча и оглушая глушителем и ревом мотора, в котором давно уже пора поменять кольца и поршня. «Да и самого пора поменять. Болтун».

Ахмед посмотрел на часы, откинул голову на выступ плетеной ограды и закрыл глаза, предавшись воспоминаниям о поле, о рисе и семенах.

Для выращивания культуры он первым приспособил плавни, заросшие камышом. Их долго чистил и строил рисовые участки. Поэтому колосья в этом регионе довольно редко заражаются разного рода вредителями. Рис – растение, способное переносить кислород от листьев к корням, поэтому хорошо чувствует себя в затопленном состоянии. Каждые два-три года на рисовом поле сеял пшеницу, сою, чтобы соблюдать севооборот. «Почему рис растёт в воде? Выращива-

ют растения на полях, которые заливают полностью водой и не дают ей вытекать до полного созревания злаков. Зачем же им постоянно столько воды? Оказывается, таким способом рисоводы борются с сорняками, очень снижающими урожай. А самому рису такое количество воды совершенно не в тягость – он влаголюбивый. А на какой почве рис растёт лучше? Это чернозёмы и илистая земля, богатая органикой. На затопленных полях урожай повышается в несколько раз за счёт благоприятной экосистемы. Растения на таких участках не требуют подкормки, все натуральные и полезные вещества сохраняются длительное время. Для этого рисоводы после уборки урожая сжигают остатки рисовых стеблей и перемешивают с землёй. Но самое главное во всей технологии – это посевной материал и тогда все будет хорошо», – по привычке продолжал думать Ахмед о деле своей жизни.

Жена опять натолкнула его на тяжелые воспоминания: перед его глазами проплывала беседа с Главой района на высоких тонах. Он жалел, что не проявил тогда решительность, чтобы из семенного фонда района выделили ему качественный посевной материал. Вместо риса на его поле сегодня красуется люцерна – курам и конкурентам на смех. Он не забывал свой визит к Главе района, который бы мог изменить всё.

– Что ты от меня хочешь?.. – нервно спросил Виктор Александрович, Глава районной администрации, после дли-

тельной беседы, желая хоть чем-нибудь угодить.

– Семена риса для посева, – твердо повторил Ахмед свою просьбу.

– Я сказал тебе – нэту. Еще что хочешь?

– А что, семена уже дали? – насмешливо фыркнул Ахмед.

– Ты издеваешься! – Виктор вскипел. – Я эти ваши коммерческие вопросы здесь не решаю. Семенную станцию продали Магомеду. Обратись к нему, – Глава вытянулся вперед. – Времена изменились, друг мой: я занимаюсь только распределением бюджета и иногда чувствую себя просто бухгалтером: плана, как раньше, нет, производственных вопросов – нет, идеологии нет, совещаний до ночи – нет. Следовательно, скажу тебе так: спасение утопающего стало делом рук самого утопающего.

Ахмед внимательно слушал, ожидая другого ответа.

– Тогда зачем вы нужны? – выдал Ахмед, прожигая Главу злобным взглядом. – Главы, мэры, сэры... – какой от вас толк?

– Хватит! – Виктор выдержал длительную паузу, затем добавил: – Не разводи здесь демагогию. Я знаю, что делаю. Меня избрал народ и только перед ним несу ответственность

– Я тоже депутат сельсовета, Виктор Александрович, – сообщил Ахмед, перейдя на официальный тон. – На следующие выборы можете не рассчитывать – я могу подложить вам свинью. Поэтому предупреждаю: мне нужны семена и газопровод под железнодорожной веткой, чтобы в селе, наконец,

был газ.

– Мне плевать, что вы там собираетесь делать. Все всегда решено до этого.

– До чего?

– До выборов.

– А со мной почему не было так? Честно прошел все ваши препоны вместе с народом и победил. До самого конца никто не знал, кто одержит победу...

– Конечно, выиграешь... Наобещал народу золотые горы. Это мошенничество, популизм!.. Видите ли, он решил добиться газификации села. Ты с луны свалился, что ли? Не знаешь, что трубу под железную дорогу никто не позволит тебе проложить.

– А почему это позволили в Черногорке? Там, что, «дело рук самих утопающих»?

– Конечно. Они провели столько митингов и... – Тогда мы тоже проведем и митинги и голодовки и...

– И не вздумайте! – грозно произнес Глава.

– Почему? – спросил Ахмед, прищурился взгляд и наклонив голову.

– Ты не поймешь одного: времена другие. Хватит, Ахмед. До свидания.

Ахмед молча встал, держа взгляд на соглашательских глазах Главы, смял кепку в руке и только, когда взялся за дверную ручку, попрощался с главным чиновником района:

– До свидания. Но я попробую, как это спасти утопающих

без митингов, но с большим шумом и пылью. Когда сделаю, сами позовете. – Он плотно закрыл за собой высокие, массивные двери власти, за которыми властелины чувствуют себя как за каменной стеной. Вдогонку он успел услышать последние слова Главы района:

– Если сделаешь это, я уступлю тебе это кресло вместе с властью» и будет там на дверях вывеска не “Глава Вишневский”, а “Глава Мурадов Ахмед” ...

– Зря вы это, Виктор Александрович, – пробубнил Расул, его помощник, после того, как Ахмед покинул кабинет. – Он может это сделать – он с пулей в голове. Потом как вы забереете слова обратно?

– Уже лет десять никому не удавалось это сделать, – проговорил Глава. – Даже привлекали Главу Дагестана. Бесплезно всё это: железнодорожники сегодня стали особой кастой. Они монополисты и не хотят разговаривать ни с кем. Так что его, этого самоуверенного Ахмеда близко к дверям не пустят. Да, он не сможет это сделать: он слаб для этого, – злорадно произнес Виктор.

В голову ничего не лезло: никаких мыслей и путей выхода из кризиса. Еще утро не вошло в свои права: только петухи сельским хором возвещали о начале дня, где-то гавкали собаки за оградой. Крякали гуси, оставшиеся на ночь на пруду. Но солнце поднималось строго по назначенному маршруту – прямиком от начала улицы, куда через несколько минут попрут коровы и их едкие хозяева, хлеща палками их по

спине и бокам, чтобы лишний раз не разгневать пастуха за опоздание. Сто лет живешь и сто лет видишь ту же картину. Одним это нравится, другие недовольны, третьи съезжают в уют городов. Ахмед не знал, к какому роду себя отнести. Рис не посеял, взятые на себя обязательства при избрании депутатом не выполнил. У него была причина прятать глаза от односельчан.

Ахмед заерзал на чубике, на звук повернувшись налево. Иван, его сосед и тракторист, кашлянул и отворил свои ворота. Оттуда, замычав и труся крупами, высунула голову корова с белым пятном на лбу – Зорька. Зорька весело вышла на улицу: она не медлила полакомиться травой, окутанной утренней росой и по широкой улице направилась на Восток навстречу солнцу, на плодородные поля окраины. Она ускорила шаг и через несколько метров нарисовала неожиданную дугу в сторону Ахмеда и, подойдя близко к нему, шлепнула большой парящийся блин – брызги разлетелись по сторонам, достигнув начищенных туфель Ахмеда.

Ахмед подскочил.

– Ты чо́, свихнулся – ты не можешь гнать корову подальше от меня? – нервно произнес Ахмед. – Надо же так ловко отметитья.

– Даже корова знает на кого гадить, – в шутку произнес Иван. – Ахмед, люди больше не верят тебе и не доверяют. Смотри: даже скотина затаила на тебя обиду.

Ахмед нервно поглядывал на часы – таксист опаздывал.

Прошло несколько минут. Сосед, шлепая раз за разом палкой по сапогу, скрылся за поворотом, но через минуту, отогнав корову на стойло, вернулся назад. «Сейчас опять будет хорохориться», – подумал Ахмед. Он собрался ответить ему с такой грубостью, чтобы он забыл навсегда, что такое сочетание грубости и шутки.

Сосед остановился перед ним, закрыв ему солнце, и молчал.

– Ахмед, ты на меня не злился, но правде надо смотреть в глаза, – начал сосед деликатно...

«Да что они все как один заладили про “правду”, – подумал Ахмед. – Заклюют как куры ослабевшего цыпленка».

– Ты знаешь, что твой комбайнер Меджид переезжает в город? – сказал сосед недвусмысленно. – Работы нет, газа нет. И скоро нашего села не будет. И всё потому, что ты не решил вопрос с газом.

Ахмед поднял голову.

– Кто тебе сказал?

– Возле его дома стоит фургон, и он грузит свои вещи.

– Не может быть!

– Может, может. Пойдем, посмотрим. Если он уедет, я тоже уеду и ты останешься еще и без тракториста.

Меджид начал оправдываться.

– Ахмед, ты извини, но по правде...

– Не надо про «правду», – перебил его Ахмед и взмахнул рукой. – Я знаю, что нет газа, что подвели нас с семенами и

не посеяли поля. Но совесть у вас должна быть. Да, у нас есть трудности и давайте вместе решать. Кто-то сеет пораженческие настроения в селе, – он бросил взгляд на соседа Ивана.

– Это не я, не смотри на меня так, – оправдывался Иван.

– Ахмед, ты извини, – продолжил Меджид, – но это не жизнь: на дворе двадцать первый век, а нам приходится отапливаться дровами, углем. Мне это надоело.

– Подожди, остановись, – буркнул Ахмед. – Вот, посмотри! – он расстегнул застёжку на папке и развернул документы. – Здесь я собрал все бумаги – есть проект – и провел все согласования, осталась одна подпись начальника. Я вот сейчас еду к нему, подписываю их, и через месяц у нас будет газ. Зацветем в родном селе. Зачем искать рай в других местах.

– Извини, Ахмед, – проронил Меджид, – я это слышу уже несколько лет.

– Дайте мне последний шанс, – твердо попросил Ахмед. – И останови погрузку машины. Сегодня или никогда. Если не получится, то и я присоединяюсь к тебе и дам дёру в какой-нибудь город вместе с вами. – Потом с грустью в голосе добавил: – И на географической карте не останется поселка с названием «Первомайский». Пойдет? – он протянул руку Меджиду и тот, после минутного раздумья, согласился.

– Между прочим, Ахмед прав, – с уверенностью произнес Иван. – Газ надо провести в село. Село зацветет. Зуб даю, – он приложил большой палец к указательному и сделал движение, напоминающее удаление зуба. – Поверь. Если нужна

моя помощь, то я тоже присоединяюсь. Хоть митинг, хоть забастовка, хоть перекрытие трассы.

– Зуба не дашь, потому что у тебя их нет. Это первое, – произнес Ахмед.

– Как нет! – возмутился Иван, открыл рот и показал одинокого зверя на верхнем ряду.

– Ладно, – сказал Ахмед, – оставь его себе. Газ провести я пробовал не раз, пробовал и Глава района, но всё тщетно. Сегодня у меня есть план, и я его выполню, чего бы это ни стоило.

– Правильно, – поддержал Иван. – Везде, на всех креслах сидят люди, такие же, как я и ты. Просто по стечению случаев они попали туда, а мы с тобой сюда – в эту деревню – месим грязь и говно. Надо проявить настойчивость. – Он наклонил голову к Ахмеду и сказал: – А твой план не пойдет.

– Почему? – недоуменно поинтересовался Меджид.

– Блин, потому что его план по захвату мира в моем атласе по географии не стирается до сих пор.

– Ха-ха-ха, – все хором засмеялись, выражая поддержку новому плану Ахмеда.

– И я еду с тобой, – заявил Иван, воодушевившись новыми горизонтами для села.

Издали послышался стремительно приближающийся гул глушителя машины и через несколько секунд «шестерка» Идриса на полной скорости вывернула из-за поворота.

Ахмед посмотрел на часы.

– Сукин сын, опаздывает на полчаса. Сейчас смотрите, как он будет оправдываться.

Идрис резко тормознул возле них, подняв в воздух облако пыли. Все закрыли глаза и рты ладонями одной руки, а другой стали отмахивать пыль.

– Ты что, идиот?– взъелся Иван на Идриса. – Мало, что опоздал и еще надо всех окутать пылью.

Идрис деликатно как важная персона выбрался из машины и извинился.

– Извините, ребята за опоздание. – Его лицо в красных прожилках выглядело серьезным, чтобы произвести эффект и поверили его сказке. – Дочь провожал на автобус. Опоздал всего на одну минуту и автобус отъехал. Еле догнал на трассе. Представляете: он, негодяй, наверное, ехал со скоростью двести километров в час – еле догнал.

– Ну, ты даешь, – поддел его Иван. – Интересно, а с какой скоростью мчалась твоя колымага, если ты его обогнал.

Идрис, молча, посчитал физику, затем улыбнулся.

– Чему удивляетесь! – произнес он. – Ветер был попутный.

– Ха-ха-ха, – все опять дружно засмеялись.

– Болтун, – произнес Ахмед, постепенно стирая с лица остатки смеха. – Вы не знаете, что он натворил, когда он работал у меня водителем во времена кол-хоза.

– Что? Смешное? Расскажи, – попросил Иван.

Идрис засуетился.

– У меня для инспекции полей был служебный бортовой УАЗик, – начал рассказ Ахмед. – Однажды его бензобак потек, сняли его, залудили и поставили вновь. Я Идриса для страховки спросил: «Всё нормально: поставил бак на место, всё подтянул?» Он подтвердил, потом заполнили бензином полный бак и выехали в поле. Поднялись на гору и едем по прямой. Вдруг машина заглохла. Я его спрашиваю: «Что случилось?» Он предположил: «Наверное, бензин закончился». «Ты с ума сошел, – спрашиваю, – проехали-то всего километра три, а залили пятьдесят литров». Я продолжаю сидеть в машине, а он выходит и что-то долго не возвращается. Я закричал. Он вернулся, сел за руль и молча в полной прострации, смотрит на лобовое стекло. Спрашиваю: «Что там?» Он поворачивается ко мне, жуёт губы и молчит. Я повторяю вопрос. И он, наконец, отвечает: «Бензобака нет».

– Ха-ха-ха, – все засмеялись, и отголоски хохота разносились по улице. Только Идрис хранил молчание.

Ахмед поддался уговорам Ивана поехать вместе, и ему пришлось подождать его еще минут десять, пока тот одевался, брился и приводил себя в порядок.

– Ну, вот, я готов, – выбрался он из дома. – Как выгляжу?

– Идиотски, – ответил Идрис. – Одна половина лица бритая, друга – нет.

– Ты на себя посмотри, – сказал он Идрису, почувствовав, что краснеет. – У тебя все лицо, как одно место обезьяны. – Иван исчез, а потом, когда вернулся, обнаружил, что «ше-

стерка» укатила без него.

– Ты чо́ его обманул? – спросил Ахмед Идриса, когда машина выехала из села. – Я больше не верю в сказку о том, что у мужчин, которые вместе пьют, отношения бывают прочные.

– Какой с него толк! Лишний груз. Так быстрее доберемся, – сказал Идрис, двумя руками залегая на руль, чтобы вывернуть на трассу. – Он весит килограммов сто... Всё нормально: я решил обнулить наши отношения, – с иронией произнес Идрис. – Вот увидишь: мы приедем в Махачкалу, а он уже будет там. Если не веришь, могу поспорить.

– На что?

– На бутылку коньяка.

– Ты же за рулем.

– Приеду домой и тяпну.

«Жигули» не успел пересечь железнодорожный переезд в районе Бабаюрта, как сзади раздался длинный сигнал машины, требующий уступить ей дорогу. Идрис прижал машину к обочине и с удивлением заметил, как с окна обгоняющей «девятки» торчал кулак Ивана с оскалом и предупреждением. Ахмед заулыбался. Идрис надавил на акселератор до пола, движок загредел, но скорость оказалась на пределе и, когда он понял, что догнать Ивана не получится, сбросил скорость и устался на Юру.

– Не судьба, – сказал он. – Коньяка мне не видать при такой конкуренции.

Таксист, ловко лавируя между машинами, мчавшимися по проспекту Калинина, приблизился к последней улице, ведущей к вокзалу. Их там, возле пятиэтажного офиса железнодорожной компании, нервно расхаживаясь по тротуару, ждал Иван. Они встретились, и Иван с кулаком пошел на Идриса.

– Ты какого черта бросил меня? – спросил он, хватая Идриса за шею. – Мы же договорились.

– Ваня успокойся, – сказал Ахмед. – Он просто решил обнулить ваши отношения.

– Что!?! – Иван расслабился и стал хихикать. Засмеялись все. – Прямо как в анекдоте: встречается пара и девушка говорит: «Ты моя первая любовь, милый». Парень: «Неужели!» – удивляется. «Да, милый, – подтверждает она. – После обнуления».

– Ладно, – проронил Ахмед. – Вы тут развлекайтесь с анекдотами, а я пошел. – Он взял под мышку папку и стал пересекать улицу.

– Коньяк купи! – раздался голос Ивана через проезжую часть.

– Возьмите! – прокричал Ахмед. – Я потом заплачу.

Из застекленной будки вывалилась «служба безопасности» желдорорганизации в лице тучного надутого охранника в спецформе.

– Вы к кому?

– К шефу, – ответил Ахмед.

– Какой еще шеф! – пророкотал охранник. – У нас это – начальник управления.

– Какая разница? – парировал Ахмед. – Мне все равно к нему.

– Вы кто?

– Человек, – ответил Ахмед с иронией. – Я депутат, – он загнулся, подумав о том, что если скажет, что депутат сельского Совета, то его вряд ли примут. Он решил по-другому: пусть будет, что будет, – Народного собрания республики.

– Одну минуту, – попросил подождать охранник, придерживая трубку телефона возле уха. – Алло, тут посетитель. Говорит, что депутат.

Слово «депутат» прозвучало как-то особенно, могущественно с уст охранника. «Видимо, тупой и не знает, что депутаты бывают разные», – подумал Ахмед.

– А как ваша фамилия? – спросил охранник, приложив жирную ладонь на микрофон трубки, чтобы диалог не попал в провода. Ахмед подумал, что секретарша будет искать его фамилию в списке депутатов Народного собрания, и что он попался. Он медлил.

– У тебя что, склероз – собственную фамилию забыл? – гордо спросил охранник. – Посмотри в удостоверении.

– Да, нет, – среагировал Ахмед. – Скажи: моя фамилия Расулов. Депутат Расулов.

Ахмеда пропустили в зал как особенное лицо. Осматривая высокие потолки и дорогую, брошенную мебель в фойе,

Ахмед почувствовал себя важной персоной. Плохо, что Иван и Идрис не увидели его, как он с папкой двигается по мрачному блестящему полу.

Он зашёл в лифт, нажал на кнопку пятого этажа и поплыл вверх. В приемной его ждала молодая, накрашенная секретарша с надутыми губами.

– Здравствуйте, – секретарша поздоровалась первой. – Подождите, пожалуйста, минуту. Сейчас Роман Соломонович занят.

«Ага, понятно, кто начальник», – подумал Ахмед. Будет трудно убедить его, чтобы поставил подпись. Он глубоко вздохнул, чтобы унять волнение. Скоро решится судьбоносный вопрос его села. А эти двое ждут внизу, поверив мне и моим обещаниям.

Высокая дверь открылась и оттуда вышел мужчина в строгом костюме и галстукe, продолжая на ходу благодарить начальника – может быть, за подпись в важной бумаге.

Секретарша быстро скрылась в глубине кабинета, шаркнув каблуками, и тут же вернулась.

– Можете проходить, – сказала она, вежливо обращаясь к Ахмеду.

Ахмед пару раз кашлянул и шагнул в двери. А там!

За большим глянцевым столом сидел маленький человек большой важности с большими на выкате глазами и маленьким носом с горбинкой. Он даже не соизволил посмотреть на него, с отчетливым достоинством держа ручку над кипой

бумаг.

Ахмед прошел до края стола и робко поздоровался.

– Здравствуйте, Роман Абрамович.

Начальник поднял взгляд и сверкнул глазами.

– Я Роман Соломонович.

– Извините, ради бога, Роман Абр... Соломонович, – Ахмед быстро поправил отчество начальника, но от этого взгляд начальника стал еще мрачнее.

– Говорите!..

– Что сказать? – недоуменно спросил Ахмед. – Извините: я попутал ваше отчество...

– Я не об этом. Зачем пришли?

– Ага, – Ахмед прибодрился, поставил папку на стол и стал разворачивать бумаги. – Здесь у меня проект и соглашения на прокладку газовой трубы под железнодорожной веткой в районе села Первомайское Кизлярского района...

– Можете дальше не разворачивать и не просить – я все равно не буду его подписывать, – сказал Роман Соломонович, с недовольством поджав губы и прожигая гостя злобным взглядом.

Ахмед сжал кулаки под столом, но свое возмущение не показывал, ожидая выравнивания беседы и взаимного понимания. Он с опаской заглянул в унылые, воспаленные глаза начальника и тот застыл с открытым ртом.

– Почему не хотите подписать? – чуть повысив голос, спросил Ахмед. – Вы не представляете, что вы подвергаете

риску целое село, которое может исчезнуть с карты, если там не будет газа.

– Вы не первые и не последние, – проговорил Роман Соломонович. – У вас нет понимания, что поезд, проезжая над этой трубой в случае утечки газа, может взорваться. Могут погибнуть невинные люди. И в таком случае сушить сухари придется мне, а не вам. Вы об этом не подумали.

Наступило молчание.

– Что нам делать, скажете?

– Я не знаю, – признался Соломонович. – Переселяйтесь на другую сторону.

Ахмед исчерпал свои аргументы и замолк. Потом он толкнул бумаги ближе к начальнику:

– Подпишите.

Соломонович встал, выпрямился, нахмурил лоб и насупив брови.

– Убирайтесь с моего кабинета!.. – прокричал Соломонович, надрывая голос. – Будете мне еще приказывать...

Ахмед больше не стал настаивать, не хватило духа. Он с потемневшим лицом тихо встал и ушел.

Ахмед застал Ивана и Идриса в маленьком кафе на при вокзальной площади. Они, увидев на лице Ахмеда мину, готовую взорваться в любую минуту, догадались, что дело дрянь.

– Ну, что? – спросил Иван Ахмеда, когда тот подошел и сел за стол. – Судя по твоему лицу, все хорошо?

– Не надо издеваться над чужим горем, – вставил Идрис.

– И где твой план? – спросил Иван, наливая коньяк в рюмку. – Коньяка в бутылке оставалось чуть больше половины. И настроение Ивана было на подъеме.

– Наливай! – произнес Ахмед и, обращаясь к Идрису, попросил сигарету для полного счастья.

Иван налил рюмку и протянул Ахмеду, но тот возмущенно отвел его руку.

– Ты чё мне даешь! – наливай в стакан.

– В стакан? – переспросил Иван, не узнавая соседа. Он пил мало, понемногу, а тут полный стакан. Не к добру это.

– Иван, не смотри на меня так.

– Хорошо, хорошо, – проговорил Иван, наливая полный стакан.

Ахмед выпил стакан одним залпом в два движения кадыка – вверх и вниз. Ахмед закрыл глаза, сморщив лицо, а по губам продолжали стекать капельки коньяка. Иван держал возле его вытянутых губ закуску – кусочек шоколада.

Открывая глаза и расслабляясь, Ахмед произнес:

– Хо-ро-шо в теле, но плохо на душе.

– Закуси,куси, – подхватил Идрис.

– Да, план твой не сработал, братец, – посетовал Иван. – Надо было хоть посоветоваться со мной. Расскажи, что не так.

– План еще не вступил в силу, – заявил Ахмед, нагревшись и воодушевившись от злого напитка. Он, оценив об-

становку в помещении кафе и, увидев троих полицейских за столом в дальнем углу, встал и покачивающейся походкой направился к ним.

– Привет, ребята и приятного аппетита, – поздоровался Ахмед с не знакомыми людьми. Полицейские от неожиданности на секунду задержали движение столовых приборов и уставились на Ахмеда. – Извините, пожалуйста. Не скажете, сколько сейчас дают за хулиганский поступок?

У всех троих по губам проскользнули улыбки.

– А вы, что собираетесь кого-то побить? – спросил один из них.

– Это зависит от последствий, – заметил второй.

– Два года тюрьмы, – подхватил третий.

– Ладно, спасибо, – поблагодарил Ахмед полицейских за консультацию. Когда он отвернулся от них, третий, хихикая, добавил:

– Но предупреждаем: лучше не попадайтесь к нам в руки.

Ахмед вернулся к друзьям, которые с любопытством и с открытыми ртами продолжали смотреть на него, и рухнул на стул.

– Ты зачем пошел к полицейским? С ума сошёл? – спросил Иван в недоумении.

– Молчать! – крикнул Ахмед, становясь все больше агрессивным. Его нижняя губа опущена, лоб сморщен. – Наливай еще один стакан. Иван посмотрел на Идриса.

– Наливай, раз просить, – посоветовал Идрис. – Может, у

него план такой.

Выпив еще один стакан коньяка, Ахмед, подхватив папку со стула, встал и заявил:

– Я узнал, что за мой план меня могут посадить на два года. Ну, и пусть. Для меня честь дороже.

Ахмед под пристальным взглядом товарищей и троих полицейских направился на выход. Иван тут же выбрался из кафе вслед за Ахмедом и через всю улицу прокричал:

– Что мне твоей жене сказать?

Ахмед оглянулся.

– Скажи, что я попал под машину и вернусь через два года, – ответил Ахмед, махнул рукой и скрылся в вестибюле офиса.

Ахмед беспрепятственно прошел через проходную, поднялся на пятый этаж, вошел в приемную Романа Соломоновича и, ничего не сказав секретарше, пока она не успела сообразить, что происходит, стал открывать двери начальника.

Ахмед появился в дверях кабинета начальника с сурово начерченными линиями круглого лица; с тупым, лишенным эмоций взглядом, с тонкими растянутыми в яростной усмешке губами – он казался воплощением лесной дикости. Он закрыл дверь, провернул ключ и спрятал его в карман брюк.

Роман Соломонович встал, упершись обеими дрожащими руками об стол.

– Выйдите вон из моего кабинета, – проорал начальник.–

Я сейчас позову милицию.

– Зовите, кого хотите, – в ответ бросил Ахмед, подошел и вырвал шнур телефона из розетки. – Я не уйду отсюда, пока не подпишете бумаги.

Наступила тягостная пауза. Ахмед сел за стол и развернул папку.

Здроаво оценив обстановку и взвешивая все «за» и «против», Роман Соломонович, удивляясь смелости и решительности посетителя, тихо спросил:

– Кто вы такой?

– Я же вам говорил, что я депутат. Не народного собрания, а всего лишь сельсовета и я несу ответственность за мои обещания перед народом.

– Откуда вы?

Ахмед рассмеялся.

– Вы меня не слушали, когда просил вас поставить подпись. Я из Кизлярского района.

– Родом откуда?

– Я из Табасарана. Село Туриф.

Роман Соломонович изменился в лице.

– Что же вы мне сразу не сказали. С этого надо было начать.

– А это имеет какое-нибудь отношение к моей просьбе?

– Конечно, друг мой, – начальник встал. – Он подобрел на все сто. У Ахмеда появлялась уверенность. Начальник обошел стол, сел напротив и уставился на Ахмеда. – Буду рад,

если скажешь, что твоего деда зовут Гаджикерим.

Ахмед открыл рот от изумления. «Откуда это ему известно, точно ФСБ, – успел подумать Ахмед. – Так быстро вычислили!»

– Да, моего деда звали Гаджикерим.

Роман Соломонович впервые улыбнулся, протягивая Ахмеду руку дружбы.

– Я не понимаю, – сказал Ахмед, – причем здесь мой дед.

– Сейчас, Ахмед, я тебе всю объясню, – сказал Роман. Он встал, медленно подошел к шкафу, достал две рюмки, два яблока и бутылку коньяка. И это под пристальным вниманием Ахмеда, который не понимал, что происходит: то ли страх, то ли желание угодить или отблагодарить за что-то. Полный мрак. Когда начальник всё это положил на стол, он попросил у Ахмеда ключ от дверей.

– Нет, Роман Соломонович, – отказался Ахмед. – Я ключ вам не дам, пока не подпишете. – Ахмед не хотел быть обманутым просто так и решил идти до конца. – Откуда вам известно имя моего деда?

Начальник уже успел наполнить рюмки.

– Я сейчас расскажу все, мой друг и ты поймешь, почему я решил выпить с тобой за твоего деда.

– Нет, вы так легко меня не проведете, – настойчиво стоял на своем Ахмед. – Мне от вас ничего не надо, кроме одного росчерка пера.

– Ладно. Слушай внимательно: я расскажу тебе мою ис-

торию.

Наступила пауза и тишина. Слышны лишь тиканье больших настенных часов, которые показывали половину третьего. В окно между развевающимися от легкого ветерка занавесками струится солнечный свет, играя бликами на противоположной стене.

– Мой дед Мишиев длительное время работал председателем Дербентского исполкома и он часто мне рассказывал одну историю, которая имеет прямое отношение ко мне и к тебе...

Глаза Ахмеда от неожиданности полезли на лоб. «Не хочет ли он сказать, что мы от одного отца или матери», – напряжено думал Ахмед.

– ...Мой дед жил в селении Джараг Табасарана и в начале двадцатого века им дали разрешение переселиться в Дербент. Народ начал грузить свое имущество – кто на сани, кто на брички, и стали стекаться в город. Но неожиданно появилась другая проблема: бандиты из близлежащих сел стали их грабить. Вот в таких условиях мой прадед оседлал лошадь, взял с собой моего деда и отправился в селение Туриф, к кадию. Его звали Дарч, а его сына, ровесника моего деда – Гаджикерим.

Ахмед ахнул:

– Не может быть!

– Может, может, – повторил Роман.

Ахмед встал.

– Ты куда?

– Пойду, открою двери, – произнес Ахмед. Он достал из кармана ключ, вставил в скважину и провернул.

– ...Мой дед говорил, что Дарч встретил их тепло, зарубил барана, приготовил хинкал и, выслушав жалобы моего прадеда, сделал указание всем, чтобы никто более не смел трогать его племя.

– Как интересно! – произнес Ахмед, полностью доверившись Роману и наполнившись гордостью за славного деда. – Вот теперь я готов пить. Налито?

И они тост за тостом за дружбу стали опустошать первую бутылку коньяка.

– Вы ушли оттуда, а как там появились Роман Абр... Соломонович?

– О, это длинная история, Ахмед...

Дверь открылась и появилась секретарша. Она, увидев застолье, остолбенела.

– Что случилось, дорогая? – спросил начальник. – По регламенту у вас скоро совещание...

– Отменить, – приказал Роман. – Я встретил дорого гостя и могу я хоть раз нарушить распорядок.

– Можете, конечно, Роман Соломонович, – подбодрил Ахмед, счастливый от удачного оборота дела, который еще час назад казался безнадежным. – Можете.

– Это еще не все, о чем я хотел рассказать тебе. Ах, да. Откуда мы появились в Табасаране? Спасаясь от гонений, пред-

ставители некогда единого еврейского народа разбрелись кто куда: в Европу, Азию, Северную Африку. На Кавказ по некоторым данным мы как представители колена Симонова (одного из двенадцати колен Израилевых) попали в пятом веке из Персии. После длительных скитаний одна группа евреев попала в Табасаран и за долгие годы совместной жизни впитала в себя традиции и обряды соседних народов, принимая активное участие в совместных войнах от захватчиков. Мы называем себя этнонимом «жугьуд» также, как и вы. Интересно?

– Да, конечно, – ответил Ахмед. – А сколько вас было?

Нет, сначала, давайте за нас выпьем.

Бутылки уже нет, как и закуски.

– Сейчас, подожди, – сказал начальник, выдвинувшись к шкафу. Когда водрузил бутылку на стол, заговорил:

– Что ты спрашивал? Сколько нас было?

– Да.

– Где-то двести пятьдесят тысяч человек, – сказал Роман Соломонович. – Сейчас они в основном живут в Израиле – сто пятьдесят тысяч, в России осталось где-то тридцать тысяч: в Дербенте, Москве, Махачкале, Пятигорске. Нас называют татами, но это не так – мы другие, мы «жугьуды», а таты относятся к иранскому народу, но они сильно повлияли на нас. Одним словом, друг мой, горские евреи жили большими патриархальными семьями. У них бытовало многоженство, за невесту брали калым. Такие же обычаи гостеприимства и

взаимной помощи, присущие соседним народам. У них такая же кухня, также танцуют лезгинку под зажигательную музыку.

Ахмед стал барабанить по столу, аккомпанируя словами «Асса». Роман Соломонович, сидя, руками ударился в пляску. Секретарша вошла еще раз. Увидев своего шефа в экстазе – редкий случай, улыбнулась и закрыла дверь. Ахмед глянул на часы и, вспомнив друзей, оторопел.

– Мне пора, Роман Соломонович, – объявил он и встал и собрался уходить. – Я еще не все сказал, за что уважаю твой народ.

– За что?

– Видишь ли, мой друг. Я несколько раз в году посещаю могилу моих предков в том селении и вижу, как они ухожены, трава вокруг скошена. Для меня это большая награда. Я от всей души хочу сказать вам большое спасибо. Двери моего кабинета для вас всегда открыты. До свидания.

– До свидания, – заплетающимся языком проговорил Ахмед. – Я вас приглашаю ко мне. Вы хороший человек, Роман Соломонович. Я пойду...

Ахмед влез в двери, спустился на лифте, добрался до сопровождающих его друзей и уснул.

Только утром следующего дня, когда он проснулся, к нему пришла память. Он лихорадочно старался вспомнить вчерашний день, Махачкалу, коньяк, полицейских, два года тюрьмы и Романа Соломоновича: «А папка моя с докумен-

тами где?» Он встал, влез в тапки, накинул халат и стал искать папку: в тумбочках, в шкафах, на полках кухни. «Черт возьми, неужели я ее потерял», – думал Ахмед. Он вышел во двор, зашел в беседку и стал ждать, когда проснется сосед Иван. Тот обычно громко кашляет, но сегодня почему-то молчит. «Может, ему тоже от меня досталось».

За забором послышались первые звуки, и Ахмед вскочил, вытянув шею.

– Иван, ты?

Тот наконец-то закашлял.

– Да! А кто же еще?

– Живой?

– Да. А ты?

– Нет.

– Сейчас я принесу.

– Нет, нет. Ничего не надо. Просто выйди на пару слов.

Волосы у Ивана торчат во все стороны, взгляд унылый, глаза злые.

– Ты меня вчера перепоил, – пожаловался Иван, – и мне досталось от моей кастрюли. – Он так называл свою жену.

– Послушай, Иван, – сказал Ахмед и замешкался. Как сказать, как спросить, он не представлял. Что люди скажут!

– Я слушаю, спроси, – подбодрил Иван.

– Ты не видел мою папку? – наконец, выдал Ахмед и уставился на Ивана в ожидании положительного ответа.

Иван зачесал затылок и стал думать.

– Какую папку? Я ничего у тебя не брал и никакой папки я не видел.

– Ты чо́, как не видел? Папку с документами на подпись к начальнику.

– О-о, вот таки скажи. Я вспомнил, но честно не знаю, куда она делась. Ну, да: ты же ее забрал с собой к начальнику.

– А потом, ничего не помнишь, куда я ее дел?

– Нет. Потом я вообще ничего не помню – хоть убей. Идриса надо спросить. Но он, наверное, уже уехал на автостанцию таксовать.

– А если позвонить? – спросил Ахмед.

– Точно, – согласился Иван и пошел за телефоном. Через минуту вернулся с потрепанным фонариком и набрал Идриса.

– Алло, Идрис?

– Да, алкоголик.

– Слушай. У нас проблема. Ты не помнишь, куда Ахмед дел свою папку с документами. Посмотри, может, они у тебя в машине.

– Что ты несешь. Когда он вышел из офиса, у него ничего с собой не было. Он еле шёл и все время бубнил, что он его того...

Иван опустил руку с телефоном и уставился на обескураженного Ахмеда.

– Ты что с ним сделал, убил что ли?

У Ахмеда явно подскочило давление.

– Я не помню, – сказал он трагическим голосом, приложив ладонь ко лбу, – вот здесь помню: мы пили коньяк и долго разговаривали, – он сдвинул руку, – а здесь не помню. И не помню, как выходил – полная тьма. И всё из-за тебя: коньяк мне, коньяк.

– Ты на меня не наговаривай. Ты виноват.

Ахмед после этого несколько дней не выходил из дома, испугавшись, что что-то натворил в кабинете начальника. Он забыл про семена и газ. Но ровно через неделю, когда он лежал на лавке в своей беседке, подложив мягкую подушку под голову, возле ворот его дома остановилась УАЗик участкового полицейского с полосками по бокам. У Ахмеда ёкнуло сердце, и душа ушла в пятки. Он встал. Участковый бесцеремонно открыл калитку и, посвистывая, зашел к нему во двор как к себе домой. На боку торчит пистолет – суровая власть.

– Доброе утро, Ахмед.

– Доброе, – дрожащим голосом ответил Ахмед, – что случилось?

На крыльцо дома, услышав шум, выбралась жена.

– Откуда мне знать, что ты натворил, – громко произнес участковый, – собирайся... Сухари не забудь!

– А что он натворил? – вмешалась жена. – Он все время находился дома. Никуда не выходит уже неделю.

– А куда ты хочешь меня забрать? – спросил Ахмед.

За забором появилось лицо Ивана.

– Говорил я тебе, что не надо было тебе пить. А ты всего

лишь «два года тюрьмы», «два года тюрьмы».

– Прекратите базар, – проорал участковый. – Ты тоже, наконец, замешан.

Иван быстро притих.

Ахмед сел в машину и удивился, когда его приперли не в тюрьму, а зданию администрации района.

– Ты куда меня привез? – набираясь смелости, спросил Ахмед.

– Куда сказали, туда и привез, – ответил участковый.

На проходной Ахмеда поджидал помощник Главы Расул. – Что случилось? – Ахмед гневно спросил Расула.

– Я сам не знаю, – ответил Расул. – Был приказ доставить тебя к Главе.

«Здесь что-то нечистое, хотят меня подставить, – думал Ахмед. – Не получится!»

Как только Ахмед вошел в кабинет главы, тот по столу к нему швырнул ему распечатанный большой пакет. Ахмед стал читать:

Главе Кизлярского района Мурадову Ахмеду

Глаза Ахмеда полезли на лоб. Он извлек из пакета свою папку, а там документ из Ростова:

Разрешение на прокладку газовой трубы под железнодорожной веткой в районе поселка «Первомайский»

Ахмед не верил собственным глазам: одному богу известно, что пришлось ему пережить за эту неделю.

– Читай дальше, что написано на бумаге.

А ниже росчерком пера Роман Соломонович написал: Смелость берёт города Ахмед поднял ошарашенный взгляд на Главу.

– Вот теперь ты мне объясни, – закричал Глава, – с каких это пор ты стал Главой Кизлярского района?!

В ответ Ахмед засмеялся:

– Это не я, это вы сказали, что уступите кресло мне, если я подпишу эти бумаги. Так что, будьте любезны и позвольте мне сесть в это теплое кресло. И мне не нужны ни семена, ни газ и вообще ничего – просто буду распределять бюджет.

Брошенный

Сааб, средних лет, среднего роста и с аккуратно зачесанными назад волосами бродил по улицам хутора, фильтруя запахи, чтобы вынюхать хоть какой-нибудь запах спирта.

У него сегодня кризис.

– Слышишь, – обратился Сааб жалобным тоном к бывшему собутыльнику, а ныне трезвеннику Киселеву, который усердно копался у себя в огороде, – Выручи.

– Нёту, Сааб, – выпрямившись, чистосердечно признался Киселев. – Клянусь. Сходи до Павлыча, – посоветовал он. – Хотя и тебе уже пора делать выводы.

– Я уже там был, – трагическим голосом произнес Сааб.

– Одни советы – выводы, выводы. Он тоже умирает.

Сааб, молча, еще с минуту постоял с немым выражением на лице, ожидая другого ответа. Затем, состроив на квадратном лице обиду, отвернулся от забора и поплел дальше по улице.

Дойдя до окраины хутора, он заметил «Жигули» красного цвета, который рассекал поле в облаке пыли на высокой скорости, направляясь к дому Салимана. Сааб жаждущим взглядом провожал его поворотом головы, пока автомобиль не скрылся за бугром. Кто это? «Точно чужак, – подумал Сааб, – или же Михо, у которого можно “выстрелить” одну сигарету, может быть, еще и стопочку водки». По опыту Са-

аб знал, что у него с собой такое добро всегда водится – он обычно после разделки туши ею моет руки.

Состояние Сааб ухудшалось с каждой минутой: руки тряслись, глаза туманились, внутри все горело и жаждало дозы. Слева от хутора текла небольшая ветка Ставропольского канала. У Сааб начались фантазии, предшествующие галлюцинациям. «Неужели нельзя изменить химическую формулу воды на водку, заменив там несколько молекул, – думал Сааб, – коровы, люди, все животные пили бы водку вместо воды. И никого ни о чем не надо было бы просить. На земле не осталось бы злых людей, не было бы войн, и наступил бы рай...»

Облако пыли возле дома Салимана ушло и рассеялось, высветив зад «Жигули». Сааб сорвался с места, на ходу придуывая хмельной головой банальную причину, чтобы войти в чужой дом и не оказаться полным идиотом.

Сааб повезло: на машине, оказалось, приехал в гости отец Салимана. А он приезжал не с пустыми руками.

Сааб встал, произнося тост. Ненужная и длительная церемония. Рука тряслась. Поверхность вина в граненом стакане заштормило – вино разлилось через края стакана и капли начали стекать на скатерть. Сааб выпил, и ему стало хорошо – он почувствовал, как теплая дрожь пробежала по всему телу. Слава Богу! Вот так, тост за тостом, они опорожнили всю двухлитровую баклажку, оставив на дне граммов двести – ни к селу ни к городу. Салиман заметив, что глаза Сааб были

прикованы к баклажке, распорядился:

– Сааб, заberi остаток на опохмел.

– А что я?.. – возмутился Сааб, проявляя гордость.

– Раз не хочешь, я не буду настаивать, – сказал Салиман и потянул руку к баклажке.

– Нет, нет, – произнес Сааб, вспомнив «умирающего» Павлыча и забыв про гордость. Он ухватился за горлышко, опередив Салимана. – Не хочу, чтобы ты обиделся на меня. Я сам допью этот яд.

Сааб, придя домой, начал искать посудину поменьше – не будет же он волочить с собой по хутору полупустую баклажку. Хоп! Вот она – маленькая и красивая бутылка из-под уксусной кислоты. Полная. Сааб зубами вцепился в крышку и порвал ее, расплескав эссенцию на нижнюю губу. Кончиком языка он слизнул ее, почувствовав, как кислота ущипнула его.

Затем он нашел бутылку из-под водки, которую стал внимательно рассматривать со всех сторон, вспоминая ее историю. Недолго думая, он налил туда уксус, плотно закрутил золотистую крышку и водрузил на полку верхнего шкафа.

Незаметно прошло две недели. Обычные дни, обычная суэта и вечные поиски похмелья.

Утром одного из тех дней Сааб, очнувшись со сна, не шевелясь, продолжал лежать. Пошевелив головой, он нащупал мягкую подушку, а спиной – диван. Не так-то плохо после бурного вчерашнего дня, из которого он помнил лишь

первую половину. Открыв глаза, узнал очертания родной кухни. Всё в порядке. Но не совсем – нужно промочить горло. А где... его... взять?

Голова раскалывалась от боли. Тут уже никто не поможет, кроме самого себя.

– Ша-рик... Ша-рик, – подзывает он собачку, которая иногда в такие минуты выручала его.

Шарик подбегает, усердно виляя хвостом.

Сааб потянулся к морде собачки и изо всех сил дыхнул:

– Ищи, мой спаситель.

Шарик убежал на очередное задание хозяина, но вернулся с «пустыми руками» – ничего не нашел...

Он откинул одеяло и встал, напялив брюки. Тело не слушалось, голова не соображала, и странно, что глаза могли различать раковину, посуду, оставленную на столе, стеклянный пузатый чайник с изогнутым носом. Его мысли стремительно неслись по значным местам, а взгляд медленно блуждал по окружающим предметам: он пополз вверх, к шкафу. А там!.. Сааб обомлел. Водка! Не может быть. Он прищурил взгляд, не веря собственным глазам. Он застыл на секунду. Еще пять секунд. Он осторожно подошел и дотронулся трясущейся рукой холодного стекла. Точно – водка, самый любимый и самый чистый напиток на свете. Какое счастье – проснуться утром и увидеть, как на тебя смотрит бутылка водки. Чего еще желать в жизни. Вот так бы каждый день и всю оставшуюся жизнь!

Он быстро смахнул бутылку, отвинтил золотистую крышку, задрал голову, широко открыл рот и начал заливать содержимое в огнедышащую глотку мимо губ и языка. При первом прикосновении в горле появилось удовлетворение, затем жжение, потом в животе – адская боль. К нему мгновенно вернулась память и осознание – он выпил уксусную кислоту, от которой люди умирают сразу.

Он в панике вдребезги разбил бутылку – осколки разлетелись по всей кухне.

Надо куда-то бежать – кричать он не мог, начал задыхаться. Кишки были готовы вывалиться наружу.

Он выбежал на улицу и обострившимся зрением, на свою удачу, заметил «УАЗик» скорой помощи, который по объездной дороге пробирался к трассе. Сааб сорвался с места и ракетой понесся поперек поле, держа в поле зрения место пересечения. От его скорости зависела его судьба, и он успел очутиться перед лобовым стеклом, выставив руки вперед машины, прежде чем она выехала на трассу, чуть не угодив под ее передние колеса.

Опытный водитель «Скорой помощи» Иван резко нажал на тормоза, доктор Петрович едва не ударился головой об лобовое стекло. Открыв двери, и, подумав, что у Сааб началась белая горячка, доктор выругался:

– Идиот!

– Я... я умираю, доктор, – прохрипел Сааб. Петрович с

ужасом заметил странные признаки заболевания: у Сааб губы опухли, глаза косили, изо рта валилась пена, вены на шее надулись и начали синеть.

– Что случилось? – в недоумении спросил доктор: – Что с тобой?

– В... Водка, – судорожно ответил Сааб. – Я умираю.

– Сколько можно водку пить? – начал доктор отчитывать. – Уже пора тебе делать выводы.

В больнице Сааб поместили в отделение интенсивной терапии и врачи стали бороться за его жизнь. Там прошел слух, что в бутылке вместо водки оказалась кислота. Народ испугался и возмутился. Среди полицейских – паника: начались облавы на частные лавки, которые торговали водкой. Потопки проклятий посыпались на голову Сааб, а он только начал приходить в себя.

Через несколько дней Сааб перевели в отделение общей терапии – большая палата, полная пациентов. Сааб обрадовался, что выжил, и представилась возможность поболтать и излить душу. Кругом все молчали – видимо было им за что переживать, раз попали в больницу. Сааб поднял голову и посмотрел по сторонам: только один худой с выступающими скулами и впавшими в кости щеками подал готовность подставить уши под чужую трепотню.

– Давно здесь? – спросил Сааб.

– Да, уже вторая неделя, – произнес худой, опуская ноги

на пол и отодвигая подушку. Он сел.

– А что с тобой? – живо спросил Сааб.

– Отравление.

– Эх ты, мужик, – пролепетал Сааб. – Кто с отравлением ложится в больницу!

– А что делать? Умирать что ли!

– Есть народная медицина на этот счет, – назидательно произнес Сааб. – Не надо пичкать себя химией.

– А ты что предлагаешь? – снова беспомощно спросил худой.

– Что делать, что делать? – дразня, пробубнил Сааб. – Водку с солью пить. Она при отравлении провоцирует рвотный позыв. Пьешь, пьешь, – Сааб прикрыл глаза, воображая поток чистейшего напитка, – и таким образом ускоряешь выведение токсинов из организма. Что тут не понятного!

– А врачи почему об этом не говорят? – пожаловался худой.

– Мировая мафия, брат, – прозаически произнес Сааб. – Кому ты нужен! Им нужно сбывать лекарства, а не думать о тебе. Каждый врач здесь привязан к конкретному лекарству и получает проценты...

Соседи зашевелились. Сааб, вывернувшись, бросил взгляд в другую сторону. Молчаливый старик под восемьдесят тихо поворачивал свои локаторы в сторону Сааб, желая что-то сказать, но Сааб опередил его:

– А у вас что болит, отец?

– Я согласен с вами, молодой человек, – произнес старик, – я не пью лекарства: они такие отвратительные. Сколько можно их пить целыми пачками! Врач мне говорит: «Ничего. Пейте и думайте, что пьете коньяк». Я сказал: «Нет. Я лучше буду пить коньяк, а думать, что пью лекарства».

По ряду кушеток пронёсся смешок.

– Неплохой ответ, мне кажется, – согласился Сааб. – Да, коньяк укрепляет сосуды, а для связей с нужными людьми лучше водка: она извилины мозга разглаживает и толкает на взаимное общение. И память мгновенно восстанавливается и начинаешь вспоминать такие подробности давно минувших дней, что хочется жить и жить.

– А вино чем плохо? – вмешался другой пациент с дальнего угла.

– Я этого не знаю, – чистосердечно признался Сааб, – я его никогда не пил. А это лучше спросите нашего премьера.

– А почему его? – вновь поинтересовался мужик.

– Потому что, он уже однажды отвечал на такой вопрос, – деловито произнес Сааб. – Знаешь, что он сказал? Он сказал: «Пейте вино, чтобы поправить здоровье.

А здоровье нужно, чтобы пить водку».

По палате прокатился смех.

– Ерунда всё это, – с возмущением произнес мужик в очках с ученым видом. Седой с тусклыми глазами. – Не нужно здесь рекламировать водку. «Водка мягкая, сок – добрый, сигареты – лёгкие» Почему тогда после них так хреново и

люди болеют?

– Не правильно пьете, значит, – невозмутимо произнес Сааб. – Перед употреблением водку надо охладить и тогда ты чувствуешь себя как в машине времени: выпил, уснул и уже завтра. Удивительный напиток: вкус один, а приключения такие разные. А как сказал один мудрец: жизнь это не те дни, которые ты прожил, а те,

что запомнились. Так что, мужики, надо делать воспоминания...

Толстый мужик, который находился под капельницей, прервал Сааба и возмущенно сказал:

–А почему если ты такой умный, а водка хорошая, ты попал в больницу от отравления водкой?

В палате наступило гробовое молчание: Сааб думал над ответом, но не находил слов.

Дверь в палату резко открылась и все приковали внимание к поблескивающим очкам доктора Петровича, который зашёл проведать больного со своего участка обслуживания. Остановившись возле Сааба, он грозно спросил:

– Надеюсь, ты выводы уже сделал, Сааб?

Сааб напряженно думал, как ответить на такой прямой вопрос, который на глазах взбудораженной публики загнал его в угол

– Да, – сказал Сааб трагическим голосом. – Не надо было наливать кислоту в бутылку из-под водки.

– Да, – проронил Петрович. – Есть такая народная муд-

рость: «Горбатого может исправить только могила». – Он развернулся и направился к выходу, продолжая говорить: – Излишек водки компенсирует в человеке то, что делает человека не человеком.

– Петрович!.. – окликнул Сааб уходящего доктора. – Долго я еще буду в больнице?

Тот застрял на пороге и медлил с ответом.

– Максимум неделя, – ответил, наконец, Петрович.

– Спасибо, доктор, от всего сердца, – отблагодарил Сааб, приложив ладонь правой руки к сердцу.

– Не надо меня благодарить, – с сожалением в голосе проронил Петрович. – Вы меня неправильно поняли. – И он хлопнул за собой дверь.

В палате повисла гробовая тишина, а Сааб издалека, как сквозь туман, начинал осознавать, что, кроме всего, прочего водка может «убить». Но уже было поздно что-нибудь